

Виталий ПОЛОЗОВ

НА КРУГИ СВОЯ

Виталий ПОЛОЗОВ

НА КРУГИ СВОЯ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Полозов В.

На круги своя: Книга повестей и рассказов. — Корнталь:
Свет на Востоке, 2008. — 336 с.

ISBN 978-3-939887-37-9

Редактор и корректор: Елена Пеннер

Верстка и дизайн: Андрей Цорн

Изд. № 01.499

ISBN 978-966-96626-4-4 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-37-9 (Герм.)

© Издательство «Свет на Востоке», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал «Вера и жизнь» миссии «Свет на Востоке» в 2005 году объявил конкурс на лучший короткий христианский рассказ. Победителем его оказался неизвестный доселе нашим читателям автор — Виталий Полозов. Никто из членов жюри не знал автора; его рассказ «Я воззвал к Тебе» был встречен с некоторым удивлением (где скрывался такой замечательный писатель?) и радостью. С этого почти биографического рассказа началось христианское литературное творчество автора. Очень быстро он завоевал внимание и любовь наших читателей. Наряду с рассказами Виталий Полозов пишет и повести. Издательство «Свет на Востоке» предложило ему издать их отдельной книгой. В предлагаемый благосклонному вниманию читателя сборник вошли как новые произведения, так и рассказы, публиковавшиеся ранее в журнале «Вера и жизнь».

События, описанные в рассказе «Я воззвал к Тебе», произошли в 1991 году. Прошло еще немало лет, пока Виталий Полозов нашел свое место в Церкви Христовой, а затем и в среде христианских писателей.

В бывшем Советском Союзе Виталий Полозов известен читателям своими юмористическими и сатирическими рассказами. Он публиковался в центральной и республиканской периодической печати. Сборники его произведений выпускались издательствами в Казахстане и за его пределами.

«На круги своя» — первый и, надеемся, не последний, сборник повестей и рассказов автора на христианские темы.

Издатель

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
-----------------------	---

НА КРУГИ СВОЯ

Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	37
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	63
Глава 8	70
Глава 9	78
Глава 10	92
Глава 11	110

ЛЕГЕНДА О ГОЛУБКЕ

Глава 1	123
Глава 2	133
Глава 3	138
Глава 4	148
Глава 5	170
Глава 6	185
Глава 7	190
Глава 8	199
Глава 9	205
Глава 10	217
Глава 11	223
Глава 12	230

Глава 13	243
Глава 14	251
Глава 15	269
Глава 16	276
А КТО ОТРЕЧЕТСЯ ОТ МЕНЯ.....	280
Я ВОЗЗВАЛ К ТЕБЕ	289
ГОРБУШКА ХЛЕБА	298
ПТИЧКА БОЖЬЯ	311
У ТЕБЯ НЕ ВОДВОРИТСЯ ЗЛОЙ	322

На круги своя

«Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» (Еккл. 1:6).

Глава 1

Рано темнеет зимой на Тюменщине. В пасмурную погоду, особенно в буран, когда и днем-то не то что солнца — в двух шагах ни зги не видно, так и вовсе не узнаешь, когда настоящий вечерний час наступает. Потому как уже в четыре, если не раньше, окутывает тайгу тьма крошечная. И если откуда-то на санях ехать, то только потому и признаешь, что в село прибыл, когда по сторонам дороги под большими белыми шапками ворота зачернеют. Вот по ним и определишь первый домишко. Издали же они все стоят большими сугробами на огромном пространстве — от леса и до леса. Редко в каком оконце моргнет тебе светлячок керосиновой лампы или простой лучины. После бурана снег белым пухом еще долго кружится в полном безветрии и тишина такая, что слышен шорох его приземления... И темень кругом. Может, и сама Тюмень от этой темени пошла — поди проверь.

Вот в такую темь морозным январем спешили от леса к селу две крохотные черные фигурки: мать с семилетним сыночком. Ну, сказать «спешили» можно только с большой натяжкой, потому что ни одна еще подвода после

двухдневного бурана не прошла по дороге, не утрамбовала свеженаметенный снег и идти, уваливаясь в его рыхлое, вязкое волокно, было чрезвычайно тяжело. Да еще на загорбке у женщины высился большой мешок (целый куль прямо), из-за которого ее самой-то не видно было. У первых ворот она сбросила его на снег и оказалась ростом ненамного выше сына — невеличка, словом. Несколько минут она разминала затекшую спину и уже потом несмело постучала в ворота. На удивление быстро скрипнула и отворилась, пропустив полоску света от лампы, избяная дверь в глубине двора.

— Кто там? — донесся до путников старушечий голос. И поскольку за воротами замешкались с ответом, старуха Пелагея, на ходу кутаясь шалью, просеменила через двор и открыла калитку. — Кто тута? — И вздрогнула, заслышав акцент в довольно правильной русской речи. — Там, там, — поспешно махнула она рукой вдоль дороги. — В самом конце по леву сторону ваши проживают. Туды иди. По леву, вот по эту, поняла? — потрясла она рукой для убедительности. — Последня изба.

Пелагея проворно прикрыла калитку, но, услышав искреннее «спасибо», не удержалась и выглянула вновь. Женщина уже взгромоздила свой тюк на спину, и теперь она разглядела еще и ребенка, которого в темени да еще и за этим мешком не заметила раньше.

— Тю-ю, да ты ишо и с дитем! — природное любопытство взяло верх над осторожностью. — Дак ты проче спрашивала-то, а? Зайди, обскажи, мальчонка-то замерз поди.

— Ничего, ничего, все хорошо, спасибо, — отозвалась женщина. — Мы найдем. Последний дом по этой стороне.

— Ну, ну, так ладно, — проворчала вслед старушка, покачала головой и уточнила: — У Агашки во дворе. Только стучи громче, как дойдешь. Это тебе не я. Не все такие почутки-то. Слышь-нет? — Она постояла с минуту, о чем-то размышляя, потом вздохнула тяжело: — В такую стужу с таким кузовом, да еще и с мальцом?! Не от добра бежит, однако, не от добра. Хоть и немка, а жалко ее. Ох-ох-хо, люди-нехристи.

Последнее ее определение прозвучало довольно двусмысленно, и его трудно было отнести к кому-то однозначно: то ли к самой беглянке, то ли к тем, от кого она бежала. Да и бежала ли? Пелагея уже корила себя за то, что не выспросила толком, что той нужно было. Но уже одно то, что она более или менее спокойно разговаривала с немкой, довольно много сказала бы человеку, сведущему в делах сибирской деревни. Ведь не дальше, как тому полгода, вооружались сельчане кольями да вилами при известии о том, что к ним в центр везут немцев с Волги. Будут ли их распределять по селам или оставят в райцентре, никто не знал, но на ту встречу на станцию «для поддержки» поехали и местные мужики с бабами: мало ли что будет! Сама Пелагея с охоткой распространяла услышанную от Агафьи Караваевой весть о том, что у этих «чертей заморских у каждого по два рога и хвост, и злушшие они — не приведи Господь!» При этом она многозначительно поджимала губы и на неизбежное,

граничащее со страхом недоумение: «Иди ты-ы? Сама что ль видела?» — туманно отвечала: «Ну, сама — не сама, а не видела бы, не говорила бы; сами увидите — убедитесь!» И тут она переплюнула Каравайху, которая честно заявляла, что «не видела и видеть не хочет категоричецки!» Ей, разумеется, тоже хотелось говорить, что видела, потому что Степан Семькин, двоюродный ее брат, первым пустивший этот слух, уверял, что его хороший знакомый «сам видел». А уж Степану не поверишь ли, раз он по колхозной надобности день да через день в райцентр на лошади ездит. Конечно, ее так и подмывало повторить вслед за ним такую новость, но тогда в ее речь не вместились бы вот это мудреное «категоричецки», а оно ей нравилось более всего; она выставляла его как только что купленную обнову, с расстановкой и значением, так что и сельчане согласно кивали головами: именно, мол, «категоричецки!» И у всех оттого создавалось хорошее торжественное настроение и впечатление собственной значимости. И потом уже, когда всех тех дьявольских атрибутов у приезжих не оказалось, Агашка осталась в большем доверии, чем Пелагея. Случись после того какое сомнение у собеседниц в правдивости того или иного ее известия, она тут же не преминет вспомнить свою подругу, что, мол, если не веришь, то пойдй вон Палашку спроси. Это она, мол, тебе может что угодно нагородить, даже про людей с хвостами, а не я. Были они не только подругами, но и, как в общем-то чуть ли не все село, родственницами: не то двоюродными, не то троюродными сестрами, а может, и того дальше. И как это

часто случается, жили они по принципу: вместе тесно, а поврозь скучно. Вот и поселилась каждая в первом доме при въезде в село, только на противоположных его концах. Но это не мешало им общаться почти каждый день. Никакая новость не могла обойти стороной одну из них — они тут же ею делились, не считая за труд пройти через все село. Обе еще до войны остались вдовами, а дети давным-давно поразъехались по стране и редко когда кто-то из них навещался в эти грустные края. Вот и помогали друг другу скрашивать одиночество. И на этот раз снова обошла Агафья подругу: никто из сельчан, в том числе и Пелагея, и думать не думал, чтобы принять на постой приезжих переселенцев (а как примешь, если сам столько страхов понарасказывал!). А эта кумушка (ох, и хитрюща, ох и скрытна!) сама в центр съездила и вытребовала себе одну большую семью. Ее сноха-то, Васьки, старшего сына, вдова, уж больше года как в город подалась к родственникам. Вот она в их пустую избу и приняла ссыльных. Всем на удивление. И нате вам, пожалуйста, двор ее полон босоногой детворы, и пусть они — немчуря, то бишь — нищета нищетою, а уж за разговорами она теперь лишней раз не только к Палашке, но и к соседям не бежит. А Пелагея Никитична так и кукует одна-одинешенька. Скучно. Вот чтобы не спросить-расспросить беглянку эту: что, мол, что за нужда в таку погоду гонит и куда? Может, тоже приют ищет, а у нее вон две комнатешки пустые. Уполномоченный из района уж который раз агитировал, чтобы принимали их, не боялись, да и молва пошла, что работящие они челове-

ки, трудяги. Еще за это время увидели люди, как ихние бабы, чтобы не дать умереть своим детям с голоду, без всяких колебаний отдавали за кусок хлеба да ведро картошки привезенное с собой добро и кой-какие драгоценности. И это подействовало на сибиряков лучше всякой агитации: жертва ради детей в крови любого народа, и жертвенностью этой был развенчан миф об их бессердечии. Пелагея так распалила себя, что не выдержала, набросила бывший мужнин бушлат, шаль подвязала и совсем уж было из избы вышла. Это ведь хоть и темно, но не поздно, время-то еще вовсе детское — ввечеру шестой ли, седьмой ли час пошел, кто разберет. Но не боле того. И тут на беду сверчок за печкой застрекотал, аккуратно как она уже дверь отворила. Мать честная, идти нельзя — дороги не будет! Святая Русь, особенно Сибирь-матушка, верила во все, что только можно: в черных кошках, домовых, леших, кикимор, водяных, не говоря уже о колдунах и ведьмах. Вздохнула Пелагея: «Ну, так ладно до завтрава подожду. Обойдусь нито».

Глава 2

В избе на противоположной окраине было сумрачно, тепло и тихо. И в эту тишину, вовсе не нарушая, а наоборот, как бы оттеняя ее, время от времени органично вписывались монотонное жужжание веретена и заунывная, в унисон с его гудением, колыбельная. Ребенок уже

давно спал, но Эльза не замечала этого и занятая работой хоть и на старенькой, но вполне основательной, добротной, прятке и своими невеселыми мыслями, продолжала напевать. А мысли в последнее время и впрямь были неотрадные. Ни одного счастливого воспоминания не приходило на ум, а печалей так хоть отбавляй. И начались они еще за полгода до войны. Начались с того, что забрали энкаведешники у нее мужа, так и не увидевшего рождения долгожданного сына, которого с таким же нетерпением ожидала и она с четырьмя для него уже подготовленными сестренками. Хоть и сами мал мала меньше, от тринадцати и до четырех лет, а няньки. Забрали Курта по доносу — и как в воду канул мужик. Ни слуху, ни духу за вот уже как год. А тут и война, спешные сборы и высылка в телячьих вагонах в Сибирь. Все хозяйство оставили на произвол судьбы. Ну, так не по своей же воле. До сих пор стояло в ушах каждого ссыльного жалобное мычание, бляение и скуление всего подворья, предчувствовавшего беду. А когда тронулись груженные нехитрым скарбом подводы к Волге, в такой один голос завыли собаки, впору самому взвыть. Да и выли, чего там. До полного разрыва сердца выли, пока не погрузили всех на баржи да по Волге-матушке до Сызрани не отправили. А там в вагоны и в Сибирь: тоже, хоть и матушку, но не шибко приветливую. И единственным утешением в пути для Эльзы и ее детей стала встреча с молоденькой Мартой и ее семилетним сыном Генрихом. Она ехала в другом, более комфортабельном, вагоне и на одной из станций Генрих чуть не отстал от поезда. Успела его подсадить

к себе Эльза. А уже на следующей станции — поезд-то останавливался «у каждого столба» — отвела его к еще неуспевшей спохватиться матери. Так и познакомились. И большую часть оставшегося долгого пути (поезд тащился столь медленно и с такими длительными остановками, что казалось, конца этому не будет) старшие девочки Эльзы проводили в вагоне у тети Марты с Генрихом. В то же время сама Марта подолгу находилась с Эльзой и ее малышами, помогая управляться с немалыми ее заботами. Конечно, среди ссыльных она выделялась и более дорогой и модной одеждой, и своей молодостью, и грамотностью, а главное, знанием русского языка. Ведь среди поволжских немцев мало кто хорошо говорил по-русски. К тому же Марта была женой фронтового офицера, и отношение к ней поездного начальства было подчеркнуто вежливое. Но это несколько не отражалось на ее общении с попутчиками: она была простой и доступной для всех. Как только она, маленькая, хрупкая, появлялась у Эльзы, высокой, сильной и статной (полная противоположность Марте), вокруг них тут же группировалась кучка женщин, жаждавших услышать новости с фронта. И она рассказывала им все, что успела услышать сама по радио на одной или другой станции.

— Ты слишком много заботаешься о всех нас, — сказала однажды Эльза. — Это же трудно и утомительно. Зачем тебе?

И тогда Марта стала рассказывать им о Христе. О том, как придет Он во славе Своей и скажет тем, которые исполняли заповеди Его: «Придите, благословенные

Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». А заповеди эти как раз и говорят о том, что, помогая своим ближним, ты помогаешь Христу. Он видит твои добрые дела и поэтому говорит: «Так как вы сделали это одному из этих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

По мере того, как Марта рассказывала, каждое слово находило отклик в сердце Эльзы и западало ей в душу. Она, как и, наверное, все остальные слушатели, считала себя верующей лютеранкой, потому что по праздникам ходила в церковь. Но она никогда еще не слышала этих слов. И не меньше других удивилась, узнав, что они написаны в Библии. Всех их подкупало то, что Марта свободно, без подглядки в какую бы то ни было книгу, открывала им все новые и новые примеры из земной жизни Иисуса. Кого-то эти беседы оттолкнули, а кто-то стал их ожидать с нетерпением. Эльза же, ни минуты не колеблясь, приняла в свое сердце Христа. Может быть, не совсем так, как это было бы в настоящей церкви (в пути-то много ли правил соблюдешь!), но искренне, в покаянии и, как оказалось, навсегда, на всю жизнь. И за те полмесяца, что поезд добирался до станции назначения, сроднилась Эльза с этой молоденькой христианкой так, будто знала ее с детства. Марта же и после того, как расселили их в райцентре, не оставила ее. Ну много ли чего в этой ситуации могла добиться неграмотная, не знающая русского языка женщина, да еще с грудничком на руках? Потому и взяла Марта на себя все хлопоты, связанные с ее документами. Первым делом добилась,

чтобы признали справку Эльзы из сельсовета и выдали ей 200 кг зерна. Не Бог весть сколько на такую-то семью, но все же отсрочка от неминуемого голода. Именно, что голода. Потому что предстояла не просто тяжелая, а голодная зима. Сама-то Марта как жена фронтовика была на довольствии и не жалела уделять из своего рациона детишкам Эльзы. Ей-то самой вряд ли грозило что-то подобное. Другое дело — Эльза с детьми: ни малейшей надежды на постороннюю помощь. Вот и ходила Марта с двумя ее старшими дочками и своим Генрихом на поля, где искали и выкапывали в сентябре уже подмерзшую картошку. Сами промерзали до костей на промозглой, схваченной утренним морозцем и взявшейся стылой коркой земле, но каждый день упорно шли на очередные поиски. И лишь после того, как выпал первый снег, прекратили их. Около сорока ведер удалось им насобирать. Этого хватило потом Эльзе до самого января.

— Это нам Господь оставил, — улыбалась счастливая Марта. — По молитвам нашим.

— Сначала Он нам послал тебя, — светилась нежностью к ней благодарная Эльза. — Воистину не оставит тебя Бог, Марта. Чем вот только я тебе отплачу? И рада бы, да нет у меня ничего.

— О, об этом не беспокойся, — засмеялась Марта. — Придет время — и ты будешь помогать кому-то так же, как и я тебе. Это ж необязательно мне — любому нуждающемуся. Господь усмотрит все. Ты только не переставай молиться, Эльза.

— Так я молюсь, милая, я молюсь. Только все равно тревожно мне. Вот не сегодня-завтра уедешь ты куда, что мне останется делать? Не может же так все время продолжаться, что по одним молитвам Он будет давать мне то, в чем нуждаюсь. Так ведь?

— Не так, Эльза, как раз не так. Вот если перестанешь молиться, тогда и Он может перестать о тебе заботиться. Вот послушай, что написано в Библии: «Господь с вами, когда вы с Ним; и если будете искать Его, Он будет найден вами; если же оставите Его, Он оставит вас».

— Что, так прямо и написано? — в очередной раз изумлялась Эльза. — Покажи, где.

Марта осторожно раскрывала свою старенькую Библию и показывала то или иное место. Эльза жадно вглядывалась в книгу и водила пальцем по строчкам, старательно выговаривая каждую букву, явно желая запечатлеть те слова в памяти. И когда ей удавалось сложить буквы в слово, она по-детски радовалась. Как и в этот раз.

— Смотри-ка, получилось что? «Гос-подь (это обозначение Бога — der Herr — она научилась распознавать сразу) с в-а-м-и-» — с вами! — И дальше уже извлекла из памяти: — с вами, когда вы с Ним». Неужели научусь, Марта? — И тут же засомневалась: — Не-е, не осилить мне эту грамоту. Раньше надо было думать. Да и какую память надо иметь, чтобы запомнить все это! Как только ты все это запоминаешь?!

Она уже знала, что Марта была из семьи штундистов на Украине и Библия эта досталась ей от родителей. Самих же родителей уже не было в живых: отца аресто-

вали и расстреляли в 37-м, а мама вскорости умерла от чахотки. А за три года до этого, предвидя грядущие расправы с верующими, они не стали возражать против ее раннего брака с влюбившимся в нее с первого взгляда молодым военным офицером Вилли Метцке. И она уехала с ним на Дальний Восток.

— Ты научишься читать, не сомневайся, — ободрила она Эльзу. — Сама видишь, как уже получается. А будет побольше времени, будем заниматься с тобой чаще.

— Так будет ли? — покачала та головой. — Что-то уже не верится. Разве что когда война кончится. Так когда же это будет?

И вот однажды донеслось из репродуктора у сельской конторы долгожданное радостное известие: фашистов у Москвы остановили! И следом: уже погнали от Москвы! Наравне с другими, если не больше всех, обрадовались этим вестям ссыльные немцы. Тут же распространился среди них слух, что вот-вот, прямо на днях, воротят их всех в свои дома на Волге. Как водится, нашелся человек, который «сам в газете об этом читал». Ну, не совсем сам, а вот тот, который ему сказал, так тот — да, тот, точно, читал. Ну, или хотя бы видел ту статью в газете. В общем, дело верное.

Столь притягательна была та вожденная весть, так велика была надежда на возвращение, что многие поверили и не столь ревностно стали запасаться на зиму хоть чем-то необходимым, пока еще можно было это сделать. Да той же самой мерзлой картошкой запастись. Так зачем, если домой-то вот-вот? Стали люди вещи пос-

ледние выменивать на продукты и тут же их проедать, забыв об экономии. Дома же, мол, все наверстаем.

Поверила было этому и Эльза, о чем не преминула сообщить Марте. Но та отнеслась к слухам скептически:

— Нет и не было той газеты, моя дорогая. Да даже если бы ее мне и показали, то и тогда бы я не поверила. Вряд ли нас отсюда скоро отпустят. Не затем нас, Эльза, сюда гнали. Что я тебе сейчас скажу, ты никому не говори: пригнали нас сюда на вымирание. Не народ, а власть наша сильно этого желает. Чтобы мы сами по себе в этих условиях вымерли, понимаешь? Но мы выживем, если только будем надеяться на Бога, а не на какого-то доброго дядю. Пусть он будет даже с усами.

Так и получилось. Много людей в ту же зиму выкосила костлявая рука голода. Такой оказалась цена той доверчивости. А в конце ноября прибежала Марта проситься. Приехали за ней из Тюмени. То ли мужнины документы пришли, то ли сам он за ней объявился, — про это пока ничего не обсказали. Одно только теперь знала твердо и оттого была радостно взволнованной: жив Вилли, раз от него приехали.

— Как же я теперь без тебя? — искренне засокрушалась Эльза, а ребятишки так и вовсе готовы были расплакаться.

— Ну-ну, не унывайте, — подбодрила их Марта. — Может, обживемся на новом месте, да и увидимся еще. Молитесь об этом, детки, Богу — и обязательно увидимся.

Но как уехала, так и с концом.

Глава 3

Эльза очнулась от воспоминаний, встала и помешала в печке кочергой. Дрова довольно сердито защелкали, затрещали — и пошел по комнате веселый гул уже не от веретена — от печки. Эту довольно большую комнату — она же горница — неверно освещала стоявшая на столе керосинка с увернутой до конца тесьмой. Лампа была без стекла, чуть заметно чадила и вкуче с видневшимися в пазах между кружками плиты и заслонки кружевами пламени вырисовывала на потолке и стенах причудливые, просто фантастические, фигуры. Дети заворуженно, с боязливым благоговением поглядывали на это колдовство огня. После стылого казенного дома в райцентре, где они даже спали одетыми, для них это была самая настоящая благодать. Прямо как у тети Марты, когда ночевали. И уже от одного этого на душе каждого из них было покойно. Как покойно и благостно было и главному человеку семьи, грудному Эриху, который мирно посапывал в своей самодельной люльке.

Семья только что закончила свой нехитрый ужин, и дети сгрудились около старшей сестренки Хильды, которая всегда рассказывала им сказки. Для этого она хотела чуть подправить фитиль, но тут кто-то довольно решительно постучал в ворота. В ту же секунду вся семья как по команде (выработавшийся за полгода рефлекс) сгрудилась около мамы, и четыре пары детских глаз застыли в боязливом ожидании. Мать вывернула тесьму побольше, и в комнате стало светлее, и уже не так страш-

но. А через пару минут находившаяся во дворе Агафья завела к ним уже знакомую нам пару путников.

— К тебе, что ль, Лиза? — подтолкнула она их к столу, а сама прислонилась к косяку, с любопытством разглядывая неожиданных посетителей. — Да куль-то сымай, сымай, небось все плечи оттянул.

И отлегло от сердца матери, и облегченно вздохнули дети: не власти из района. А Эльза пригляделась к женщине, и узнала, и всплеснула руками:

— Марта! Бог мой! Откуда ты? — зачастила она по-немецки. — Ребятишки, помогите им раздеться. Генриху помогите. Смотрите, это же Генрих. — Тут она поймала на себе взгляд Агафьи, смутилась и продолжила уже по-русски, с трудом подбирая слова. — Можно? Это майне бекантин, знакомый.

— Ну, чего же нельзя, — не совсем чтобы согласно пожала плечами хозяйка. В ней чувствовалась некая настороженность. — А кто она?

— Мы ехать вместе... Она... Его муж... Скажи Марта как говорить...

— Мой муж в Красной армии, — сказала Марта по-русски. — Он командир. Офицер. Вот, это мы с Вильгельмом, — она быстро сунула руку куда-то под пальто, извлекла аккуратный продолговатый сверток, достала из него фотокарточку и протянула Агафье. На ней рядом с Мартой красовался бравый лейтенант, державший на руке ребенка, а надпись на обороте гласила: «Уссурийск. Лето 1938г. Сыну четыре года!» На лейтенанте ладно сидит гимнастерка с портупеей наискось через плечо, и

лихо заломлена на голове пилотка. Было ясно, что эта фотография служила ей чем-то вроде охранной грамоты.

— Вон как! — подобрела Каравайха, дотошно исследовав фотографию и прослушав, что там написано. — Так говоришь, он воюет теперя? Против германца?

— Да, — вздохнула Марта. — Против германца. А там против японцев воевал. На Халхин-Голе.

— На Халхин-Голе, — эхом откликнулась Агафья и горестно вздохнула. — Вот на этом проклятом месте и мой старшенький сгинул. — Теперь она смотрела на гостью с явной симпатией. А та, скинув с себя тысячу одежек, оказалась для нее миловидной и хрупкой женщиной, больше похожей на девочку-подростка. — Да тебе самой-то сколько годков? — удивленно-радостно всплеснула она руками.

— Двадцать два, — смутилась Марта. — Я в шестнадцать замуж вышла. А расписались уже там, в Уссурийске. Там я его с той войны и ждала.

— Может, он с моим сыночком одного этого... полку был, а? Может, воевали рядом?

— Все может быть, бабушка? У Вилли было очень много однополчан, которые после той войны собирались у нас. А в городке так вообще все друг друга знали.

— А погоди-ка, милая, погоди, — засуетилась Каравайха, — я тебе шас сыночка покажу. Ты не уходи пока.

— Да куда ж я уйду, бабушка? Мне сегодня идти некуда...

— Ага, ага, я мигом.

И действительно обернулась скоро.

— Вот, посмотри, милая.

Марта взглянула на фотографию. На ней стояли два рослых улыбчивых солдата. Марта тут же указала на светленького справа.

— Это Вася Караваев, как раз однополчанин Вильгельма. Ваш это? Ну, конечно, ваш: на вас и походит. Так он часто у нас бывал. Вилли же только один из них женатый был; вот они и приходили к нам, чтобы по-семейному посидеть. — Увлечшись, она не видела, как Агафья, сцепив намертво руки, вся подалась вперед и жадно ловила каждое ее слово. — И этот друг его тоже раза два был. Постойте: он немец был, Петр, кажется: но его куда-то еще до нашего отъезда перевели. Я им наготовлю всего, они посидят, своих погибших товарищей вспомнят. Господи, все были такие молоденькие! Вилли самый старший по годам. А и ему-то двадцать шесть всего было. — И вдруг что-то заставило ее вздрогнуть.

— Погодите, бабушка: как же он на Халхин-Голе погиб, если он нас потом еще на Украину провожал? Это ж в сентябре тридцать девятого нас туда перевели. Та кампания месяца два как уже закончилась. Да, все правильно: из Уссурийска он нас и провожал, Вася ваш. Хорошо помню, что какие-то неприятности у него были с начальством. Жаловался он Вильгельму. А когда вы извещение получили, бабушка?

В неверном отсвете керосинки Агафья сидела белым каменным изваянием и немигающими глазами смотрела поверх Марты на пляшущие на стене причудливые тени.

— Дак я-то ничего не получала, — обронила она после долгого молчания. — Дину, сноху мою, вызывали в райвон... Когда это? Ну, вот тогда, в осень тридцать девятого, на Покров день Пресвятой Богородицы и вызывали. Ну, и так, мол, и так, погиб ваш Василий. — Агафья промокнула глаза уголком фартука. — Приехала вся зареванная, толком ничего сказать не может. Все, мол, убили Васю. И точка. И ты, мол, мама, лучше никому об этом не рассказывай, потому что это, мол, очень все секретно в государственной тайне. И не спрашивай, мол, никого. А кого мне спрашивать — безграмотная я. Ну, потом быстро собрала пожитки и уехала с дитем, внуком моим Васенькой. Дак теперь че же получатся-то? — в зародившейся надежде посмотрела она на Марту. — Ты не обозналась, милая? Его видела?

— Его, бабушка, не обозналась я. Надо бы вам запрос в военкомат послать. Пусть лично вам ответ пришлют.

— Дак ведь строго-настрого наказывала Дина: нельзя, мол. Только, мол, худа себе сыщешь.

— А разве что-то может быть хуже неизвестности? — взволновалась Марта. — Богу надо помолиться, бабушка, Богу, и начать разыскивать сына. Может, он... — и запнулась.

— Что может? Что? Говори, милая, договаривай, моя родная.

Боже, столько надежды в глазах старушки, будто все сейчас зависело от ответа Марты. А как сказать собственную догадку? Не будет ли ей от того еще больше? В проникновенной молитве Марта обратилась к Богу:

«Господи, научи!» Затем посмотрела прямо в лицо Агафье:

— Может, он в тюрьме, бабушка. Может, с начальством не поладил, да вспылил или еще что. А время у нас, сами знаете, какое. От тюрьмы да от сумы не отказывайся, так ведь? Ни за что ни про что десять лет дают.

— Восподи, да хоть сколько бы дали, лишь бы живой был, — шепотом воскликнула Агафья. — Как же узнать-то теперь? И спрашивать страшно, и не спросить — того хуже грех. — И горько усмехнулась: — Да и кто мне писать будет? На всю деревню два писца. — За эти минуты она как-то сгорбилась, но во всем ее облике — в лице, в глазах — появился лучик надежды. И теперь, когда она совершенно неожиданно обрела эту призрачную надежду, она тут же вернулась в реальность и боязливо заозиралась по сторонам: не подслушал ли кто? — Да и время ли писать, доченька?

— Сейчас, и правда, не время писать, — погладила ее по руке Марта. — Давайте чуть подождем. Когда все более или менее образуется.

— Дак когда оно образуется? — вздохнула она.

— Если с моим мужем все обойдется, он обязательно поможет вам выяснить насчет Василия. Но сейчас он ничего не может сделать. Господи, только бы все обошлось. И у вас... и у нас, — тихо добавила она. Похоже, теперь уже она сама нуждалась в помощи. И Агафья почувствовала это.

— Он же на фронте, ты сказала, — уже спокойно спросила она.

— На фронте. Мне кажется, он все время на фронте был. Не успели мы на Украине обжиться — новая война. И он снова — на фронт.

— Он на фронт, а тебя, значит, сюды? Человек воюет, а семья... — начала было хозяйка и вновь спохватилась: — Ладно, ладно. Меньше буду знать, больше проживу. Правда твоя, время такое теперя. Да и вам же самим ишо поговорить надо. Разговаривайте тут, а я пойду. Мне в стайке управиться ишо надо... — она уже и направилась из избы, но споткнулась о куль, и ее осенило:

— Дева-а! А как ты сюды-то седни добралась? Добрый хозяин в таку падеру собаку из дому не выгонит. Неуж пеша дотопали? — И получив утвердительный ответ, насторожилась: — А что за притча така неотложная? Ой, опеть я за свое, как та Варвара любопытная. Ладно, потом договорим. Мне теперь с тобой, дочка, много чего сказать есть.

Эльза торопливо прикрыла за ней дверь и нежно обняла Марту:

— Марточка, я уж и не думала, что когда-нибудь тебя снова увижу. Как же ты вернулась в эти края? Зачем? Что случилось?

— Так... Случилось, — тихо начала Марта, и голос ее дрогнул, и произошло непредвиденное. Вместо объяснения она чуть отстранилась и как стояла, так прямо и бухнулась в ноги Эльзе и запричитала:

— Эльза, сестричка родная во Христе, помоги сохранить сыночка. Христом-Богом прошу, помоги. Если выживу, все для вас сделаю.

— Что стряслось? — опешила Эльза. А развеселившиеся было дети тут же присмирели. — Ты и так столько для нас сделала. Встань, кто я тебе? Говори толком, не реви. Я что-то могу сделать?

— Можешь, Эльза. Меня завтра повезут, не знаю даже куда, — сквозь град слез сбивчиво шептала Марта и судорожно хватала руки Эльзы. Только теперь рассмотрела Эльза, как она постарела за эти два месяца. — Меня в Тюмени месяц продержали, потом опять в райцентр вернули, потому что документы на Вильгельма до сих пор не пришли. Говорят, что его разжаловали. Это, конечно, ошибка, но когда еще разберутся? Всех немцев с фронта убирают, понимаешь. Сейчас объявили набор в трудармию. Это страшное место, Эльза. Тот же лагерь. Но если Вилли там, то мне пока ничего не грозит. Если же... Понимаешь, да? — Она совсем понизила голос и, похоже, пыталась убеждать Эльзу: — Они врагов везде ищут. Какой он может быть враг, Эльза, если у него награды? Тогда меня в тюрьму. Меня добрый человек из комендатуры предупредил, чтобы поторопилась, если есть куда сына пристроить. Он меня до завтра отпустил. У меня, кроме тебя, никого нет, Эльза. Генриха сразу в детдом отправят. Это значит — не увижу его больше. Не выдержу я там. Я про все это слишком хорошо знаю.

И вот прознала, что ты здесь, и Бог мне сказал: «Иди туда! Там помогут!» Возьми его к себе, Эльза. Я на первое время кое-что заготовила, а потом, может быть, все уже изменится. Вилли обязательно найдет нас... —

она смолкла и совсем чуть слышно добавила: — Нет мне больше нигде надежды.

В ее голосе, в глазах, во всей ее беспомощной, стоявшей на коленях фигурке было столько мольбы, отчаяния и надежды, что Эльза совсем смешалась и, еле сдерживая слезы, бессильно опустилась на лавку. Глаза ее смотрели мимо Марты, и в глазах этих было такое же выражение бессилия, тоски и отчаяния, как и в глазах неожиданной гостьи.

— Разве ты не надеялась на меня? — с едва заметным укором проронила она наконец. То, что она возьмет Генриха было для нее как само собой разумеющееся. И добавила уже совсем решительно, будто отвечая сама себе на вопрос: — Ничего. Справимся как-нибудь. Где шестерым не тесно, там и седьмому место. В тесноте, да не в обиде.

— Мама, значит, я не поеду в детдом? Тетя Эльза, я не поеду? — подбежавший Генрих тербил их, поочередно заглядывая им в глаза.

— Конечно, нет, Генрих. Будешь жить с моими дочками.

И запрыгали от радости все дети по комнате, словно каждый из них самый желанный в жизни гостинец получил. Видя это искрометное, неподдельное и скачущее по комнате счастье, не сдержалась больше Эльза и расплакалась, и опустилась на колени рядом с Мартой:

— Милая ты моя, давай будем Бога просить. Дети, давайте просить Бога, чтобы не оставил нас Своей милостью.

Много ли человеку надо для счастья? Это кому как. Вот Марте этих слов хватило для счастья через край. Радужными лучиками засветило в душе солнышко: свалился с души камень, и пришло полное умиротворение. Только теперь ощутила она всю тяжесть той невероятной физической и душевной нагрузки, которой подвергалась последнее время.

— Он не оставит, Он даст. Я знала, Бог сказал мне о тебе, я знала, — шептала она словно в забытьи. Потом встrepенулась: — Он обязательно поможет нам. В этом мешке, Эльза, шерсть и готовая пряжа. Я все это для тебя в Тюмени приговорила, когда еще не знала, что будет со мной и Генрихом. А видишь, пригодилось нам обоим. Если ты будешь вязать такие же шали и свитера, как у тебя... (горькая усмешка Эльзы: все это она давно выменяла на картошку). Ну да, понимаю, были у тебя. В общем, можно будет на них выменивать продукты. — Марта достала из мешка деревянную резную шкатулку и протянула ее Эльзе: — А это на самый черный день. Тут все мои подарки от Вильгельма. Вся моя жизнь с ним со дня свадьбы: он иногда дарил мне дорогие вещи в этот день. Вот обручальное кольцо, серьги, брошь, цепочка... Спрячь подальше, Эльза. До самого крайнего... И не жалея, если понадобится.

Эльза не стала возражать: показная принципиальность была ни к чему: выбора у них не было, и все это может пригодиться. И пригодиться довольно скоро. Но когда Марта отдала ей и Библию — брать ее с собой в неизвестность было опасно, — тут они вновь разволно-

вались. И давно уже спали дети, а матери все еще молились Богу, чтобы сохранил Он их, уберег от любопытного глаза. Про это предупредила Агафья, когда они спрашивали у нее разрешения на Генриха. Только о Вилли умолчали, сказали, что ее к нему вызывают, а ребенка на это время, если присмотреть некому, то в детдоме придется оставить.

— Да мне-то что, — пожалла старушка плечами. — По мне хоть и вместе оставайтесь. С меня кто спросит? С меня, старой, спрос маленький. А вот детям накажите, чтобы не проговорились, что малец-то не ваш. Людей поостерегитесь. Разные у нас люди. Есть и такие, что не приведи Восподь. А я тебя, дочка, ждать буду. Ты мне надежду принесла, ты и постарайся, чтоб она исполнилась. Я на свою иконку молиться буду за тебя.

И в позднем вечеру еще сходила к Степану, брату своему, чтобы взял ее гостью утром на станцию: ему как раз дорога на Заводоуковск назавтра была. Он и появился раненько у ворот.

На прощание поделилась Марта с Эльзой советом:

— Не отнимай Эриха от груди, Эльза, как можно дольше. Пока не успокоится все. Тот добрый человек — он военный — говорит, что скоро и женщин немецких погонят в эту трудармию. И если не будет больше в семье взрослого, — а у тебя нету, — то всех детей отдадут в детдом. Не заберут тебя только в том случае, если ребенок грудной. Старайся на людях это показывать. Ну, с Богом! — Она поцеловала спящего сына и как пришла в село затемно, потемну и уехала на санях.

Но не бывает в селе чего-нибудь незамеченного. Уже к обеду появилась у Агафьи Пелагея и после привычного обмена новостями, выдержав паузу, тяжело вздохнула:

— Немка-то одна уехала?

— Кака немка? — искренне удивилась Каравайха. Не сказала Марта, кто ей дорогу-то вчера указал.

— Да которую я вечер с дитем к тебе направляла.

— Видела, значит? Ну, одна, не одна, тебе-то что?

— Мне-то оно, конечно, зачем? Только люди-то... сама знашь. Разговоры пойдут. Как бы тебе беды не было.

— Если ты языком лязгать не будешь, так никто и не будет разговоры говорить. Видела и видела. Сиди и помалкивай.

— Да чтобы я! Да ты ж меня знаешь, — обиделась Пелагея.

— То-то и оно, что знаю. Тебе на язык попадет — вся деревня тут же узнает. Да еще приврешь с три короба.

— Да вот те крест, — торопливо перекрестилась Палашка. — Никому ни слова. Что я, враг тебе? Рассказывай, рассказывай, может, я чем помогу. Советом каким или че. Думаешь, мне их не жалко? Жалко так же, как и тебе.

Агафье-то, по правде сказать, и самой не терпелось поделиться с кем-нибудь, но только не о сыне своем. И уж, понятно, не с Палашкой. Но раз уж та видела, то лучше будет рассказать ей про гостью-то. Вдруг, и правда, с хорошими намерениями родственница явилась. Многие сельчане уже мнения-то свои насчет ссыльных

поменяли. Ну и выложила все примерно так, что раз человек, мол, куда-то уезжает, то не грех ему бы и подсобить. А что мальчика приняли, так, мол, одним больше, одним меньше — небольшая разница.

Поохала Пелагея Никитична, поохала-погоревала, заверила, что «все тут между нами и умерло», да и — шасть от Агафьи к Эльзе. Посмотрю, дескать, как оне там, может, и помогу чем. Дом тут же на подворье — два шага и шагнуть-то всего.

Неприятный осадок остался у Эльзы от того посещения. Во все углы заглянула непрошенная гостья: и шерсть, и пряжу заметила, и шкатулку облюбовала. Не успела припрятать ее Эльза. Обо всем расспросила дотошно: и что вязать будет, и какой фасон, и сколько времени на одну шаль уйдет. Ей давно уже не давала покоя шаль, которую Агафья выменяла у Эльзы на картошку; так вот она первым делом и заказала себе такую же. И не спуская глаз с шкатулки, как бы походя — ой, а это еще что? — потянулась к ней, но Эльза решительно отстранила ее руку. Осерчала Пелагея и, поджав губы, начала учить уму-разуму. Да разговор все о Генрихе клонит.

— А чем кормить мальчонку собираетесь, если сами вон из очистков суп варите? Сухая ложка рот дерет. Тем более лишняя. На погост все захотели? А в детдоме и накормят, и напоят, и спать уложат. Так что здря вы это все затеяли.

— Тебя не спросили, — оборвала ее Агафья. — Говорила — поможешь чем, а сама укоры укорять пришла. Давай отседа, видишь, до слез бабу довела. Ох, и злыдня

же. Придумала: в детдом! «Напо-оят, нако-ормят», — ловко передразнила она Пелагею. — Ты там была? То-то. Знаем мы твои детдома.

— Да оне чего мои-то? — воспротивилась Пелагея.

— Я же предупреждаю нито. Я же как лучше хочу.

— Давай-давай, топай, вижу я, как ты лучше. Жди от тебя помочи.

В общем, если бы не Агафья — пробыла бы здесь, наверное, весь день ее подруга.

Но не так-то просто было отделаться от назойливой бабы. Тем более, что повод есть. И день да через день теперь стала она захаживать: что, как, мол, там дело подвигается? Не готова ли шаль? И все норовила подсказать, будто сама она и есть рукодельница. Это всегда создавало нервную обстановку и только замедляло работу. Но за обещанное ведро картошки все терпела Эльза. И нет худа без добра: как только прошлась через две недели по селу Пелагея в шали новой — а шаль мягкая, да узорчатая, да легкая, — так и пошли заказы от женского сословия сибирского: уж больно хороши шали те были. И это спасло Эльзу с ребятней: кто-то, как Пелагея, одной картошки принесет, а другой так еще и керосину на лампу, а кто сердобольный, то и крупы со стакан пожалует. Ну, а уж если совсем повезет, так и целый комок сахару подарят. Тогда праздник в семье самый настоящий! Заказы пошли постоянные, а к заказу уже и свою шерсть несут. Эльза с двумя старшими — Хильдой и Эммой — спицами по ночам вяжут. Луна в ясную погоду в Сибири таким светом все окрест заливают —

никакой керосинки не надо. Так и говорят: светло как днем. Керосинку уж только по большой нужде зажигают. Дорогой он — керосин, да и достать трудно. А днем мелюзга — Клара и Мария — шерсть теребят, а Генрих прядет на прялке. Семейный подряд, в общем. На Рождество принесла им Агафья «мороженое» — подсахаренные замороженные сливки — ну, самый что ни на есть заморский гостинец! За уши не оттянешь, до чего вкусно. Эльза младшего баюкает, остальных поочередно поглаживает.

— Видите, детки, как выходит: думала-сомневалась, как нам Генриха от голода уберечь, а вышло, что это он нас от него спас.

— Это Бог нас спасает, — солидно возражает Генрих. — Мама всегда так говорит.

— Правильно, сынок, правильно, — со вздохом соглашается она. — Ах, где-то она сейчас. Хоть бы и ее Господь уберег, да мы бы ее увидели.

— Не переживай, мама старенькая. Мама скоро придет, — уверенно говорит он. У него теперь две мамы: одна уехала далеко на работу, другая — «мама старенькая», как он зовет ее — здесь, с ним. И он для нее — сын. Такой же родной, как и собственные дети.

Глава 4

Но далеко не все село так доброжелательно относилось к семье переселенцев. И самый злющий из них,

Микола Шлеп-нога, проживал совсем рядом, от Агафьи через два дома наискосок. Дом его стоял не как у всех, у дороги, а в глубине двора, за стайками. Спереди же палисадник с малиной-ягодой, смородиной; черемухи кусты и от ворот до дома дорожки, камнем вымощенные, а сзади огород большущий — прямо к яру, от которого озеро до самого до леса раскинулось. Оно не так чтобы и сильно большое, но такое обрывистое и глубокое, что неумехам лучше в нем не купаться. Сам дом просторный, снаружи ухоженный. Как уж там внутри, никто не мог сказать определенно, потому что редко кто из села в нем в гостях побывал. Заезжие — да, останавливались, а местные — не было такого. Впрочем, зажиточный мужик Микола Шлеп-нога. Ну сильно припадал он при ходьбе на правую ногу, отсюда и прозвище, без которого имя его не упоминалось. И еще был у него один на редкость приметный знак: левая сторона щеки от самого глаза до верхней губы и до уха всегда была красной, как родимое пятно. Только это было не пятно, а след от страшного ожога, и глаз этот левый постоянно слезился. Сам он говорил, что и ожоги эти, и ранение в ногу получил на фронте еще в первую германскую. Но вот однажды, перед войной еще, заезжий мужик торговал у Караваихи дом на подворье: ну тот, что опустел после гибели сына и отъезда снохи. И в цене уже сошлись, как вдруг пере-менился он в лице и спрашивает:

— А это кто? — и на улицу показывает.

— Микола это, Шлеп-нога, сосед напротив, — говорит она.

Он тут же шапку в охапку и к двери.

— Я, — говорит, — с таким соседом не токмо что на одной улице — в одном городе жить не стану.

Насилу уговорила она человека хоть чаю попить с такой-то дороги. Ладно, мол, что не вышла покупка, так хоть отдохни, да бражки вон на дорожку выпей, подбодришь. Хитрая она, Агафья, правду Пелагея говорит, что хитрая. В общем, как да не как, а выведала, что ни на какой, мол, войне, тот Микола не был. Ожог этот у него от взрыва — это, мол, да, правда, но не от снаряда, а от самогонного аппарата. Вернее, от неумелого с ним обращения. А что нога, так это ему какие-то офицеры переломали за то, что больно охоч был до ихних баб. Заодно, мол, и причинное место ему отбили так, что отпала необходимость за ними, бабами, то бишь, волочиться. Вот они и свирепствовал в гражданскую в одной из банд. И слыл в ней таким любителем «подледного лова», что даже отпетых бандюг это пугало. При этих словах сам торговец съезжился и вздрогнул, будто покорило его. И замолк.

Агафья и так, и эдак: что ж, мол, тут такого страшного, если мужик рыбалку залюбил. Но он больше ни слова. Поблагодарил и к телеге своей на улицу. И уже взявшись за вожжи, наклонился к ней:

— Баб он комиссаровых в пролубях топил, вот какой это лов: что красных, что белых — ему все едино было. Ему человека убить, что... А... а... — и отмахнул рукой остервенело: — Н-но!

Слух в селе не прижился: если все так, то как же он женатый приехал? И даже то, что бил он жену Ксеню

смертным боем, кого могло удивить? Бьет — значит любит, это присловье живо в народе и непреложно. А кто не бьет? Бабу не бить, она же места своего знать не будет. Правда, старушки, что последние минуты у нее в изголовье сидели, говорили, будто бы проронила Ксения перед самой смертью, что, мол, хорошо, что не утопил. Хоть в земле, мол, лежать буду. Но опять же: ну, померла та Ксюша, так он тут же новую, молодую Наталью привел. На кой бы тогда ляд? И хоть Агафья помнила, как переменялся в лице тот ее покупатель, увидев Миколу, но и она постепенно склонилась к мысли, что, может, обознался он. Или со зла какого наговорил.

А с недавнего времени, года два, не больше, то есть тоже после смерти Ксении, прибился к нему молодой бродячий парень Ванька. Так-то вроде и неплохой парень, но страдал он припадками. Шизофреник, в общем, оттого и в армии не был. И хоть считали, что он маленько недоумца, но парень был работающий. Это он все подворье-то у Миколы перестроил, да в такой блеск вырядил. А теперь еще и приглядывал за всем хозяйством, не таким уж и малым. И все это делал за похлебку да брагу. Браги, правда, хоть залейся. Ну, недоумца — он недоумца и есть! Говорят, он долго бродяжил в этих краях, пока здесь якорь не бросил. Это сам Микола про якорь-то выражался, чтобы показать, что в войну матросом на флоте был.

И вот этот Микола, не раз уже угрожавший «искоренить в селе врага» («Мало я положил вас в германскую, мало!»), прознал про Генриха. А как прознал? Так,

конечно, через Пелагею. Прознал и пришел в бешенство. Потому что это был ему повод выместить всю накопившуюся на людей злобу, которую выместить с некоторого времени было не на ком. А тут к месту переселенцы и погодились. Давно уже и до этого было видно, что мужик просто жаждет крови.

— Вы что, не видите, что идет немецкая оккупация, — орал он при сходках людей на улице. — Ну, каких людей: те же бабы, старики да дети. Вчера, вишь ты, сами перебрались, сегодня пацана перетащили, а завтра тут и мужья обоснуются. Без войны завоюют вражины — не видите?

Никто ему не поддакивал, но никто и не перечил. Ему же была нужна не молчаливая поддержка, а чтобы гласно одобрили люди. А для этого нужен был повод, и повод основательный. И он, как ему показалось, нашелся. Как-то к обеду ближе хватился он, что пропал у него селезень. Ванька клянется, что утром вся живность на месте была. А тут какой-то след — не след, но напрямиком от ворот и к Агафье.

— Немчуренок стырил, — догадался Микола. — Вот он след-то.

— Это он вчерась тут бегал, — попробовал возразить Ванька.

— Ну-ка, цыц! — прикрикнул Шлеп-нога. — Без сопливых скользко. Будто я не вижу, что след свежий. Ну, щас я покажу им Кузькину мать. Щас я им устрою Рафоломеевскую ночь. — И понесся, переваливаясь, как тот же селезень, к Агафье. И затарабанил в окно Эль-

зы. — Выходи, нечисть воровская, гадина фашистская!

— Ты че, белены объелся? — выбежала первой из стайки Каравайха. — Окна выбьешь, нехристь. Чего тебе опять приспичило?

На крыльце появилась и перепуганная Эльза. Он сразу к ней:

— А-а, мать твою за ногу, где мой селезень? Кря-кря-кря, утка, понимаешь? Что, сожрать успели?

— Какой селезень, какая утка, ты че мелешь? — взвизгнула Агафья. — Недопил, ли че ли, со своим Ванькой-дурачком!

Быстро на крики сбегался народ, но хоть и разбирал каждого интерес, но выстроились, как и всегда, в линию и чуть поодаль.

— Скажи ей, чтобы отдала по-хорошему, — не переставал орать буян. И Эльзе: — А ну, быстро тащи сюды, не то разнесу всю твою богадельню.

— Я те разнесу, я те разнесу! — двинулась на него Агафья. — Ты ее строил, чтобы разносить, черт колченогий! На крыльце в одной рубашонке выбежал разутый Генрих и потянул Эльзу за подол. Он один из семьи понимал смысл угроз свирепого мужика.

— Вот он, хлюст. Знает кошка, чье мясо съела! А ну, жихарка из-под печки, показывай, где селезень, или я тебя! — рявкнул Микола и разразился дикой бранью с упоминанием и Бога, и креста, и всех святых.

— Окстись, оне же из дому-то не выходили седни, дурень! — призвала его Каравайха к разуму. Но уши его были наглухо закупорены к любым увещеваниям.

— Вот его следы, разуй глаза-то, — тыкал он ей в ответ пальцем на снег и ступил на крыльцо. — Убью поганца.

Эльза, недоуменно переводившая взгляд с него на Агафью и обратно, поняла, наконец, в чем дело, и вспыхнула от негодования. У нее было достаточно сил, чтобы скрутить мужика, но страх за детей переборол гнев.

— Найн! — вскрикнула она и просто с силой оттолкнув Миколу, забежала с Генрихом в дом и закрыла двери.

— Ах, ты, стерва! — поднялся брякнувшийся с катушек Микола и, заскочив на крыльцо, стал рвать двери.

— Щас... Подождите у меня... Перестреляю, как собак.

— Отойди от двери, изверг! — голосила Агафья. — Что ты пристал к людям? Оне с голоду помрут, а чужого не возьмут. Оне же Богу молятся, не то что ты — сатане.

— Богу говоришь? Богомольники, стало быть? — в глазах Миколы блеснул дьявольский огонек, и такая же улыбка тронула его лицо. Он явственно услышал чей-то голос. «Зачем стрелять? Утопить бы лучше.»

— Конечно, — востепенулся он и оглянулся. Рядом только Ванька. — Что ты сказал?

— Я? Ничего, — говорит Ванька и глаза отводит.

— Значит, богомольники, говоришь? — снова оборачивается он к Агафье. Дьявольская улыбка не сходит с его лица.

— Ну? — перестала голосить Агафья.

— Вот я их и покрещу. Уже сегодня покрещу. В пролуби. Айда, Ванька, пролубь бить будем.

— Ты че удумал, бусурман? — в затаенном дыхании Агафья тут же вспомнила заезжего мужика. — Ты че это?

Остепенись, невиноватые оне. Найдется твой гусь или кто там ишо, — и отшатнулась, увидев обезумевшие глаза соседа.

Кто-то уже руководил Миколой и призывно манил рукой.

— Утоплю. Всех до одного утоплю, — тихо и бессвязно бормотал он на хромом бегу к дому. — Сначала бабу, потом пащенка ее. — А вслух и громко семиэтажный мат... На виду у всего народа он выскочил из своего дома, размахивая пешней, и в сопровождении Ваньки заковылял к озеру не через свой огород, а по пологому спуску у ограды. Для устрашения, значит.

И выстроились было бабы с ребятишками на яру поглазеть, но когда увидели, что и вправду заработал Шлеп-нога пешней, охватило толпу тоскливое предчувствие несчастья, и потихоньку, не глядя друг на друга, стали расходиться все по домам. Связываться с лютым Шлеп-ногой ни у кого охоты нет. Да уже и смеркаться стало. До дела-то вряд ли дойдет, но страху на немчуру нагонит, нагонит.

Микола, с минуту помахав пешней, за сердце схватился: года не те.

— На-ка, — подал он пешню Ваньке, — разогрейся. Да сделай мне пролубь пошире. Ты постарайся тут, а я тебе за брагой сбегая, огурчика принесу солененького. Ты его любишь, я знаю. Да давай, поживее, а то скоро темнеть начнет уже.

— Можно, я вон там продолблю, там лед потоньше будет, — показывает подальше Ванька.

— С чего это он там потоньше будет? — приостановился хозяин, потом махнул рукой: какой с дурака спрос. — Совсем ты, Ванька, негодного умишки стал. Ладно, долби, где хошь. Только быстро. Через час приду, чтобы готово было.

Если бы кто мог сейчас видеть Ваньку, шибко бы удивился, сколь усердно махал тот пешней. И при внимательном взгляде обнаружил бы, что долбил он не новую лунку, а обновлял старую. Так что лед тут действительно был тоньше. И вскоре продолбил он чуть ли не метровую толщу льда, руками выгребая колотый лед. Слышно только было, как приговаривал недоумок: «Постараюсь, как не постараться для тебя. И поширше сделаю, а глубины тут не занимать». И мало того, что широкую прорубь прорубил, так еще сколол пологим скатом верхние края, когда зашуршала вода. Не прорубь — целая купель для крещения. Ванька сколотый лед снова в прорубь сбросил, а мороз такой, что через малое время вода их тонкой пленкой сковала. Стоит Ванька подальше от края да этак лениво пешней постукивает.

— Кто ж так работает, идиот? — зашипел подбежавший Шлеп-нога и вырвал пешню со злостью. — Ты мне эдак до морковкина заговенья не продолбишь, придурок. Смотри, как колоть надо! — И со всего размаху пешней обеими руками по вертикали — и-э-эх! И вслед за ней не камнем — вороной расхолившейся — в воду бултых! Но настолько ловок да живуч, что успел в воде кувырнуться, вынырнул, пока полушубок еще не намок, лап-лап по краю руками — да тщетно, осклизают руки

по пологому ледку. Шапка, тесемками у подбородка подвязанная, голову в висках давит да стягивает.

— Ванька, так твою растак! — вопит Микола. — Руку дай, руку!

Ванька посунулся поближе, присел на корточки, шапку снял и голову склонил.

— Не Ванька я, Микола Тимофеич, не Ванька, ты приглядишься. — И вдруг тоненьким голоском затянул плаксиво: — Дяденька, дяденька, не убивайте мамку! Не убивайте, дяденька! Не топите! У меня вот денежка есть, возьмите.

— Ленька! Настасьин? — судорожно вгрызается Микола ногтями в шероховатости льда, но уже тянут вниз разбухшие пимы и тяжеленный полушубок. — Помоги! У меня золото... все тебе отдам! — и каким-то нечеловеческим усилием выкинул руку и за надолб на краю ухватился. — Леня, меня же принудили Настасью-то. — Свело челюсти от холода и дальше уже нечленораздельно мычит Микола, но мертвой хваткой за ледяной бугорок держится. — Озолочу, Леня, золота у меня немерено.

— Обойдусь, — говорит Ванька. — Не затем я тебя двадцать лет искал. Хоть знать теперь будешь, каково матери моей было. Прощай, Иуда! — и легонько, носком пима, освободил надолб от его пальцев. Какой-то стесненный и шипящий, судорожно обреченный вопль рванулся из груди Шлеп-ноги — и голова его скрылась под водой. И тут же веером взметнулись к поверхности и сомкнулись над шапкой вывернувшиеся наизнанку полы полушубка: подержались кружевным нарядом минуту-

две, потом стремительно ушли в чернеющую адом глубь проруби и скрылись из виду. Ушел под лед любитель подледного лова.

Перекрестился Ванька, постоял немного, подождал, не выплывет ли, оглянулся по сторонам, плюнул в прорубь и с криком дурашливо истощным: «Помогите, помогите!» — побежал к селу. А кто поможет? Улица безлюдна, все село давно уже по домам на лежанках тоскует.

Все же расшевелил двух-трех соседей, побежали обратно к проруби. Все правильно: нету Миколы, утоп. Как был — так и утоп. Ванька красочно описал, как рубил пешней Шлеп-нога, и при последнем разе привиделось Ваньке, будто рука какая-то из проруби пешню перехватила и его хозяина — Ванька даже глазом моргнуть не успел! — за рукав полушубка сразу на дно. При рассказе Ваньку такой озноб бил, что от пережитого ли страха или еще чего случился у него очередной припадок прямо тут, у проруби. Кое-как на морозе откачали и домой быстро увели. Тут уж кто и не хотел бы поверить про водяного, так поверил. Можно было бы, конечно, удивиться, почему сколотый лед почти весь в проруби оказался да почему края ее столь гладко отшлифовывал утопленник: будто сам осклизнуться и хотел. Но, во-первых, было темно, а во-вторых, к охватившему всех мистическому страху примешивалось странное чувство облегчения. Миколу не то чтобы не любили в селе, его боялись каким-то безотчетным страхом. Что мужики, что бабы, не говоря уже о детях. И пошел по селу стукоток во все ворота: «Слышали? Шлеп-нога утоп. Когда-когда? Да

вот только что. — И потише, с оглядкой: — Слышали, как он Бога-то хулил перед Агафьей да перед немкой? Вот оно как вышло!»

До Агафьи почему-то весть дошла в последнюю очередь, хоть утопленник ей чуть ли не самый близкий сосед. Она, понятное дело, сразу к Эльзе, а у той вся семья на коленях Бога просит защитить их от навета ложного. Впервые увидела Караваяха молящихся детей, да еще и на коленях. Странно как-то: ни образа, ни иконки — кому молятся? Но было ей сейчас не до рассуждений, упрекнула только, что, мол, Богу молитесь, а двери настезь. Как же, мол, Он вас защищать будет, если сами о том не заботитесь? И как сказала это, так и догадалась о чем-то. Мысль какая-то толкнулась к ней. Стоит Агафья, рот раскрыв, и тихонько начинает понимать, что, может быть, именно по этим молитвам-то и уберег их Господь от супостата. Большое неразумение произошло в душе этой простой русской женщины.

Присела она на лавку и задумалась, даже о новости забыла сообщить. Видно, положил ей Господь что-то на душу. Потом уж спохватилась и выложила все так, как Ванька обсказал. Сидит семья — не шелохнется, не знают, то ли радоваться избавлению, то ли тому несчастью печалиться.

— Да радуйтесь же, радуйтесь, — разрешила Агафья. — Теперь хто вас тронет, кроме Ирода этого. Нихто. Теперь некому. Он один такой ненавистник на все село.

Глава 5

И ошиблась. Вот ведь нет в селе телефона, и никто вроде по ночи в райцентр не ездил (шесть километров по тайге с голодными волками кому охота?), а наутро уже явился оттуда участковый Липунов Григорий с допросом. Всех расспросил, всему поверил, кроме как Ванькиным рассказам о лешем на пешне, и акт составил соответствующий, что, мол, «утоп по собственному желанию, не приняв мер предосторожности». Но просто так, не показав, какой он есть власть, уезжать было не резон, потому и подогнал он свои сани к дому Агафьи. Ведь дело-то все с чего началось? То-то. Решил Григорий (да он еще с самого начала это решил) призвать к ответу переселенку Эльзу, как и написал в акте: «за воровство утки в образе селезня». Так что, давай, мол, мамаша, собирайся в путь-дороженьку. Ну и что, что дите грудное? Там во всем и разберемся. Дети к матери жмутся, плачут, а ему хоть бы что: собирайся и весь сказ! Не то, мол, силком увезу. И сел протокол писать.

Агафья, уже с самого изначала догадавшаяся, что задумал участковый, побежала до молодухи Шлеп-ноги, чтобы уговорить ее отказаться от обвинения. Ее ж вчера даже дома не было, зачем ей грех на душу? И остановилась в воротах, как вкопанная: по двору важно вышагивал, переливаясь спелой рожью на изумрудном ожерелье, тот самый селезень. Откуда только и взялась у старухи быстрота движений. Ловко поймала виновника всех бед и вышедшей на шум Наталье, строго:

— Ну-ка, девка, пойдем, разберешься с начальником. Не пойдешь, такое ему на тебя глаза открою — не порадуешься.

— Да что ты, тетка Агафья? Пойду я, как не пойду. Я и сама к тебе собралась, кабы ты не пришла. Но это лучше, что пришла. Только знаешь, что? Иди первой с селезнем, а я чуток попозжа. И смотри: что буду перед Гришкой выкомуривать, дак не мешай мне. Поняла? Угово-ор!

И предстала Каравайха перед непреклонным начальником. Предстала наперевес с селезнем, о краже которого тот как раз и закончил составлять протокол. И спутала ему все карты. Не успел он еще с этими мыслями сообразоваться, а следом красивая молодая хозяйка того селезня и жена, как показалось теперь участковому, очень вовремя утопшего Миколы. Слышать о ней он слышал, но видеть не приходилось. А та и поведала ему, что носила вчера птицу к знахарке лечить, да не сказала про то мужику своему. Потому что он ни в Бога, ни в черта не верил и перво-наперво намял бы ей бока, если бы узнал про ее самодеятельность. Потому и скрыла.

Не в хорошую ситуацию попал Гриша: теперь не забрать немку, значит, признать, что не разобравшись решение принял. Значит, попуститься честью мундира. Но и забирать теперь, когда глаз от Натальи нельзя отвесть, совсем расхотелось. Надо бы какой-то предлог придумать, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Выручила сама Наталья.

— Так что вините меня одну, товарищ офицер, — томно

так говорит и на Григория поглядывает. (Тут Агафья сплонула в сердцах, забыв уговор!) Так и сказала — «товарищ офицер». Коим он ни разу еще не был, так как даже и сержантом не бывал. В ефрейторах — да, хаживал. А она между тем шаль на плечи скинула, фуфайку расстегнула: — Жарко у вас тута. — А сама такая манящая да пригожая. Ну, ни дать ни взять — фея из сказки. Знал толк в бабах участковый Гриша Липунов, знал.

И забыл сразу «офицер» и про утку, и про немку, будь они неладны. Как он сам потом написал в оправдание: «произошло в голове помутнение по причине ее наблюдения». Вот он и брякнул с кондачка:

— Тогда — по этому поводу я должен снять с вас показания у тебя дома.

— Да хоть сколько снимайте, — согласилась фея. — Я согласная.

Григорий шапку в охапку и следом за ней из дома.

— Ты, тетка Агафья, задай вон моей лошади немного сена, пока я свидетелем займусь, — на ходу уже попросил. — А то уж время ему, а когда поеду, дак не знаю ишо. Дело-то шибко важное для разбирательства.

— Задам, Гриша, задам, — успокоила Агафья. — А с Лизой-то что?

— Ну, дак все. Раз виновник-то уже признался.

— И на этом спасибо, — покачала головой Агафья. И не то с осуждением, не то одобрением сообщила Эльзе, глядя вслед обоим: — У мужика еще ноги не остыли, а им уже шашни крутить надо. Хотя... они у него еще у живого околели. Ну, отмерзли, отморозились, понимаешь?

Нет, не понимала Эльза. Что не увезет ее начальник — поняла. Это все, что ей надо было понять. Ну, а почему еще у живого человека ноги отмерзли, непонятно. То ли, что он в ледяной проруби живым тонул, то ли еще что. Что на самом деле ее добрая хозяйка имела в виду, прояснилось много позже.

Агафья не успела даже задать сена лошади Григория, как со двора Натальи донесся истошный крик, загремели опрокинутые ведра, загалдели куры с утками, и за ворота в довольно живописном виде выскочил участковый. Был он в одном исподнем и к тому же бос. Вся прелесть заключалась в том, что его белые кальсоны и нательная рубашка были вывожены дегтем.

— Дура! — орал уполномоченный, торопливо отвязывая коня отпрясла Агафьи. — Ответишь вместе с придурком за оскорбление власти.

— Отвечу, отвечу, — дико хохоча, Наталья подбежала к его саням и кинула в них ворох одежды. — Забирай свои хохоряжки, охальник! Завтра сама к твоему начальству приеду, расскажу, как ты вдову принуждал. У меня только что мужик сгинул, у-у-у, — на мгновение она притворно и довольно скверно завывала, — а этот... кендибобер, — и снова дикий хохот: — Ванька, наддай ухажеру за любимого хозяина!

Ванька с намотанной на палке дегтярной паклей издал тот самый истошный крик: «Догоню-ю-ю!» — и кинулся вслед рванувшим с места саням. Даже лошадку страх обуял от того ужасного вопля. Ну, так что с дурака возьмишь.

А через некоторое время в том же направлении, в райцентр, то бишь, уехала и сама Наталья. На подводе с братом Агафьи Степаном Семькиным. Боялась, видать, что опередит ее в оговоре Гришка. Хоть и свидетелей полно, а он как-никак уполномоченный. Приехала и главному ихнему аккуратненько так пистолетик Гришкин на стол и выложила: теряют, дескать, ваши работнички иногда орудия свою в борьбе с бабами.

М-да-а, оскандалился Гриша. Замарал честь морально устойчивого и кристально чистого работника НКВД, как есть замарал. Запятнал до неприличия доброе имя участкового уполномоченного, равно как и дегтем свое исподнее. И как ему пришлось сбросить то белье и попытаться его отстирать, так и его выкинули из славных рядов местной милиции, чтобы «отстирать» в другом районе. Оно, конечно, промашка вышла, чего там говорить. Но не потому, что нельзя так поступать, а потому, что не умел, как надо. Даже если бы пристрелил бабу с дураком, чтобы огласки не допустить, и то вполне на самооборону можно было бы списать: мало разве скрытых врагов у нас шастает? Да сплошь и рядом. Но допустить, чтобы баба твое оружие в отделение приносила — это уже ни в какие ворота. И надо же было ей это оружие привезти раньше, чем Григорий там после стирки объявился... Вот и осталось ему только оправдываться, что нашло, дескать, на него «помутнение от наблюдения». В общем, пришлось незадачливого бабника в соседнюю, Омскую, область перевести, чтобы там он имел возможность «отстираться».

А через месяц на его место заступил вернувшийся с фронта без левой руки местный учитель Овинцев Николай. И когда Агафья принесла известие это, затаился в душе Эльзы невольный страх пуще прежнего. Что можно ожидать от человека, реально пострадавшего от немцев, если даже не видевшие их настроены столь враждебно против переселенцев. Только за то, что они принадлежат к этой нации.

Масла в огонь страха подлила Пелагея Никитична. Пришла она, как и всегда, бесцеремонная, проверила все углы и села на лавку. Эльза терпеливо ждала: эта гостья просто так не приходит. Недаром время выбрала, пока Агафьи нет. Увез ее Степан в соседнюю деревню к какой-то родне погостить. Посидела она, значит, посидела, помолчала, повздыхала многозначительно.

— Не хотела бы говорить, да придется, Лизонька. А куда денешься?

— Ну, так говори.

— Так ведь пытали меня про тебя, Лиз. Новый-то, Овинцев. Что, мол, да как. Да откуда детки, мол. Да все ли это ее? Вишь оно как.

Эльза смяла фартук в руках, бессильно на лавку рядом опустилась.

— И что же ты сказала, Пелагея Никитична?

— Дак промолчала, че я скажу. Обещала же вам с Агафьей. А теперь вот страдать из-за этого приходится.

— Да отчего же страдать-то?

— Э-э, дева! Думаешь, последний раз он спросил? Как бы не так. Как зачнет таскать, не обрадуешься. А потом

если прояснится, я же виноватой останусь. Скажет: «А какого ты лешего, Пелагея, укрывала ее, а?» Не-е, Лиза, молчание мое дорого обойтись может. Да оно и ничего бы, если бы хочь знать, за что.

— Но у меня ж ничего нет, — в отчаянье развела руками Эльза.

— А та шкатулочка? — облизнула губы старуха. — В ней, пожалуй, что есть, как я думаю. Мне бы сережки или брошку каку. Тогда и помолчать можно. Все не за так.

Эльза, ни слова не говоря, вышла в другую комнату и вернулась, зажимая что-то в руке.

— А молчать будешь? Или завтра мало покажется и за другим придешь?

— Да что ты, что ты. Неуж я себе позволю! Давай сюды, — от нетерпения даже руки затряслись у Пелагеи. Схватила сережки — и в двери. — Больше даже не сумлевайся в ентом. Ни-ко-му не скажу. Могила!

И в тот же день прошлась бабка по селу в золотых сережках. Для этого пришлось ей не то новые дырки в ушах проколоть, не то старые сгодились, только не впрок то украшение ей пошло, не впрок. Заболели, загноились ранки, и стала боль невыносимой. Да так, что около месяца из дому потом не выходила. В общем, недолго форсила Пелагея перед земляками, уже через день те серьги на дне сундука схоронила.

Агафье не надо было долго догадываться, что случилось с ее квартиранткой, на которой прямо лица не было. Тут же выведала причину и озлилась и на свою Палашку, и на Эльзу.

— Да что ж ты такая глупая да безответная, Лиза?! Как ты ей поверила? Кому нужна та Пелагея, чтоб ее выпытывать? А она-то, она, тьфу ты, срамота: одной ногой в могиле стоит, а все какого-то богатства надо. Растеряла стыд баба, как есть растеряла. Ну, я с ней разберусь, ой, разберусь. А про Овинцева вот что тебе скажу. Ты, девка, сильно не пужайся. Как сейчас помню, добрым он был к ученикам своим, да вобче легко с людьми сходился. — И подумав, добавила: — Ты Богу-то молись, все хорошо и будет. Я уж сколько смотрю, Он все тебе помогают. Вот и щас, может быть, пронесет. — И еще помедлив, вздохнула тяжело: — Кто знат, только ли руку Коле война искалечила? А ну, как и душу? Не озлобился бы, мужик.

Потом и к Палашке наведальась Агафья. И такого страху на нее нагнала, что выдаст ее с потрохами уполномоченному за навет ее непутевый, что та сама слезно упросила забрать «эти треклятые побрякушки, которые и доброго слова не стоят и столько боли причинили».

— Смотри у меня, кума, — пригрозила Караваиха на прощание. — Будешь еще Лизу сомущать, сама к Овинцеву пойду.

— Век моей ноги там не будет, — клятвенно заверила Пелагея.

Может, и правда клин клином вышибают?

Глава 6

Время шло, и Эльза все чаще стала общаться с сельчанами. Кто-то о работе зайдет справиться, если шаль заказывал, а кто-то просто так зайдет. Вот эти «просто так» и радовали ее больше всего. Потому что походило на то, как они там у себя, на Волге, ходили друг к другу в гости. Просто так, побеседовать. Правда, тут пока ходили только в одну сторону, то есть к ней. Но такие беседы за короткое время научили ее лучше понимать русскую речь. Все реже и реже стала она переспрашивать собеседника, все чаще сама слово высказывала. Но говор давался ей с трудом, будто галушек полный рот набивался. Плохо выговаривала она русские слова. Другое дело — дети. Те вслед за Генрихом уже тараторили вовсю и при случае над мамой подхихикивали. Так, самую что ни на есть чуточку. Несколько раз «просто так» забежала к Эльзе и Наталья, а потом и вовсе зачастила. Больше всего она одаривала своим вниманием Генриха, которого уже переименовала в Гену, и Эльза настороженно следила за тем, как нравится мальчику ее внимание. Иногда она, выпросив Эльзу о жизни, тут же начинала рассказывать о своей. В общем-то, о себе она больше и говорила: наболело, видать, а высказать некому. При Миколе-то не больно показывалась она на людях. И Эльза с удивлением отметила, как много общего было между Натальей и ее Мартой. Ну, все ли, не все ли понимала она из сказанного, но главное ухватила. Обе с Украины, обе из многодетной семьи, обеих рано выдали замуж...

Только одна пошла по доброй воле за любимого, другая — от безысходности — за ненавистного. Пошла, чтобы спастись от отца-пьяницы, который избивал ее до полусмерти за то, что она девчонка, а мать — за то, что ее родила. Братьев ее он не трогал. И хоть с Миколой жизнь была далеко не мед, но по сравнению с прежней — так прямо идиллия. И работой не перегружал, и бил не часто. А вернее сказать, так после двух-трех раз она ему такой отпор дала — натренировалась от отца-то защищаться, — что и вовсе перестал руки распускать. Так, замахнется иногда для приличия, но не дальше того. Так ведь и она поводу не давала, послушной была. В общем, какой-никакой, но свет девка увидела.

И вот теперь нет его, и вроде как растерялась она. Скучно и страшно одной, хорошо хоть Ванька-дурачок еще не уходит, по-хозяйству хлопочет. Но уже предупредил, что летом пойдет дальше бродяжить по свету: раз, мол, хозяина нет теперь, то и делов у него тут больше нет. Получается, вроде из-за него и жил тут. Ну, а она сама надумала съездить за матерью, когда война кончится. Если та жива еще. Писем-то с самого начала войны не было. Так ведь под немцем они там, на Украине, живут — какие письма?

Рассказы свои Наталья сопровождала такой наглядной жестикуляцией, что Эльза понимала теперь уже буквально все и без труда. И вот при очередном посещении пригласила Наталья ее зайти к ней. Это было первое приглашение на новом месте, и Эльза с радостью приняла его. Простая, открытая и непосредственная На-

талья нравилась ей все больше. Она первая и сказала ей, что новый уполномоченный на днях сюда к ним приедет. И увидев, как насторожилась, съезжилась гостья, попыталась, как и Агафья, успокоить ее, что, мол, это совсем другой человек, не такой злой, как тот распутник Григорий. И развеселилась, вспомнив его «проводы», а развеселившись, взяла с Эльзы слово сохранить тайну и под строгим секретом — ох, видать, нелегко бабе пришлось держать этот секрет! — поведала, что «все это удумал Ванька-дурачок». И пригласить того участкового, и раздеть, и дегтем вымазать — все это его затея.

— Иногда мне кажется, — заговорщически сообщила она, — что и не дурак он вовсе. Ну, не совсем, чтобы дурак. Знаешь, когда он услышал, что ты сиротку приняла (ну, мой-то и раньше об этом орал на все село), так он аж с лица сменился. (При словах «мой-то орал» она так искусно скопировала мужа, хватая воздух раскрытым ртом, что Эльза не сдержала улыбку.) Я ему: мол, че с тобой, Ваня? А он молчит и только к вечеру тихонько так сказал мне: «А я ведь, хозяйка, тоже сирота. Всю жизнь». И такая тоска в глазах, я даже прослезилась. Ему было вас жалко, а мне его. Ты что-нибудь поняла, Лиза?

Эльза энергично кивнула головой:

— Да, да поняла.

— Ну, и славно. А тут еще меня бес попутал: с этим селезнем к знахарке податься. Что, непонятно? Ну да, тебе это трудно понять, ты больше к Богу обращаешься. Ладно, когда-нибудь поймешь. Ты уж прости меня, Лиза.

— Ну, что ты, — испугалась Эльза, — зачем прости?
Ты ничего не виновата.

— Виновата, не виновата, не нам судить.

И снова согласно и радостно закивала Эльза головой.

— Да, да, не нам. Судить только Бог. Нам нельзя.

Чувствовалось, что ей есть много чего сказать, но выразить это она по-русски еще не умела. И тут Наталья задала вопрос, которого всегда боялась Эльза:

— Лиза, а что-нибудь слышно от Генкиной мамы?

Эльза вместо ответа заторопилась домой. Засиделась, мол, пора и честь знать. Но Наталья не отступилась:

— Ты не подумай чего плохого, Лиза. Я просто хочу помочь тебе. Вам же очень трудно, что я — не вижу, что ли? Пусть он у меня поживет, пока мать не приехала. Приедет — тогда и заберет, а?

— Нельзя этого сделать, Наташа. Просто не надо это говорить.

— Но ведь тебе тяжело с ними? Они же даже на улицу-то только по очереди могут выйти — на всех одни старые пимы. Тебе же легче будет, а Лиз? А я о нем позабочусь.

Эльза внимательно посмотрела в глаза Наталье и очень медленно, обдумывая каждое слово, постаралась донести свою мысль, которая, если бы она могла четко говорить по-русски, звучала бы так:

— Мне не будет легче, если я потеряю Генриха. Если бы я согласилась отдать его, то для него это будет означать, что с его мамой случилась беда. А ее, слава Богу,

еще не случилось. Я знаю, что о ней заботится Господь, потому что она так любит Его. И если ты хочешь помочь мальчику, молись за него и его маму, Наташа. Молись вместе с нами.

И Наталья поняла, несмотря на всю тяжеловесность изложения.

— Как хочешь, — вздохнула она. — Твоя воля. Я-то думала как лучше. Вот только молиться я не умею. Я больше на матюках выросла. Ну, а так-то скажи, есть хоть что от нее, от матери его? Эльза отрицательно покачала головой:

— Нет, совсем нет.

В комнату, пряча руки за спиной, неслышно вошел Иван. На лице его блуждала благоговейная улыбка, как будто на него свалилось какое-то необыкновенное счастье.

— Тебе чего, Вань? — спросила Наталья. — Че это ты так сияешь? И прячешь че-то там, а?

Ванька, как заправский фокусник вытащил одну руку и покрутил пальцами — пустая. Спрятал ее за спину и показал теперь другую — тоже пустая. Снова спрятал и вытащил сразу обе и в каждой за голяшки держал по пиму. Причем совсем небольшого размера, аккурат для детей.

— Ребятишкам? — догадалась Наталья. — Ах, ты, дурачок мой золотой. Нет, не ты, это я — дура, что самой на ум не пришло. Но откуда ты взял такие? — И еще раз догадалась, теперь уже для Эльзы: — Ксюшины! Ксюшины это, Лиза, первой жены моего Миколы. Да где ж

ты их отыскал, Вань? Может, там еще что для ребятишек найдется!

Нашлось. То ли как память о жене безответной хранил Микола Шлеп-нога, то ли сам просто запомнил, но отыскались в чулане кое-какие вполне еще пригодные вещи, которые можно было перешить на ребятишек Эльзы. Ну, а что она сама это может сделать, так это даже не вопрос.

Собрала Наталья все это на следующий день и отправила Эльзе с Ванькой. Эльза сидела и вязала со старшей дочкой, остальные теребили шерсть.

— Тетенька, — сказал Ванька, явно смущаясь, — вот это вам хозяйка моя передала. — Оглянувшись в избе по сторонам с опаской, будто кто-то мог тут прятаться, он присел на лавку и робко тронул ее за рукав. — А вы можете за меня Бога попросить?

— Помолиться? Ты так хочешь? Да, конечно, буду просить, — искренне обрадовалась Эльза. — Всегда буду. Только это лучше вместе с тобой делать.

— Нет-нет, — испугался он не на шутку и вскочил на ноги. — Мне нельзя. Мне боязно, боюсь я.

— Ты не бойся. Но это хорошо, что ты боишься. Значит, знаешь, что Он есть. Он видит это хорошо. Давай вместе, а? — Эльза говорила интонациями Натальи, и это подкупало его. Она протянула руку и посмотрела ему в глаза: — Давай, *Liebling*, вместе с ребенками. За подарки благодарить Господь. Это Он тебе говорил на душу.

Но Ванька отрицательно помотал головой.

— Нет, тетя Лиза, нельзя мне молиться. Болит у меня все, давит вот здесь, — показал он на грудь и быстро выбежал из избы. Но за те короткие мгновения успела Эльза увидеть в глазах его ту тоску, о которой говорила Наталья, и чувство беспокойства закралось в ее душу и не покидало с тех пор. Не может так тосковать несмышленный человек.

Глава 7

К концу зимы в село переехало уже несколько немецких семей, и ребятишки, после того как получили в подарок валенки, уже могли по двое выбегать на улицу. Так что круг знакомств расширялся и у них; и нет-нет да и заглянет какой посмелее друг к ним в избу. А вскоре и они стали захаживать в гости к местным сверстникам. Не сказать, чтобы родители строго запрещали своим детям общаться с переселенцами. Хотя у иных и это было.

Новый уполномоченный, и вправду, оказался добрым человеком. Эльза почему-то сразу доверилась ему и, показав фотографию, рассказала все о Марте и Генрихе. Узнав, что муж Марты — военный офицер, а сама она в неизвестности, он долго сидел задумавшись. Фронтовик, он прекрасно знал, что могло случиться в нашей армии с офицером немецкого происхождения. В большинстве случаев с них срывали погоны, лишали всех наград

и отправляли в тыл, туда же, куда отправляли многих избежавших немедленного расстрела «счастливицков», — в трудармию. Ту армию, которую почему-то надо было охранять с оружием в руках и из которой демобилизоваться можно было по сути только одним путем — на тот свет. Вот так он и рассказал ей обо всем этом. И молчание отца и мужа могло означать как раз этот расклад. Откуда взяться от него весточке, если армия та под конвоем за колючкой живет. Ни дать, ни взять арестанты. И мрут, мол, они там, как мухи, — почище эзков. Так что в лучшем случае он умрет там. В худшем — его уже не было в живых. Пообещав навести о нем справки, Николай Овинцев уехал.

— Как будешь отмечаться в сельсовете, заходи, — сказал он напоследок. — Может, будут какие новости от Марты.

Но новостей от нее не поступало. А уже и весна, столь желанная для переселенцев, пришла в конце апреля. Ах, с каким нетерпением ждали они ее! Ведь большинство жило в надежде на нее и загадывало: дождемся весны — выживем. А она, казалось, совсем передумала с приходом. Тем неожиданнее пришла в этом году. Вот ведь вчера еще крутило, завывало, выюжило. А с вечера вдруг стихло и резко потеплело, и уже в ночи, не дожидаясь утра, забулькала в стайках по кадкам, забренчала по пустым ведрам, тазикам вода с прохудившихся крыш. И без всякого предисловия, со звоном капли, нежным переливом ручейков и буйством речек, шумом и гамом птичьим — прилетели они до времени и, нахохлившись, пере-

жидали непогодь в затишных местах — ворвалась в зимнее безмолвие возрождающаяся жизнь. Стремительна и неповоротна больше к зиме такая весна. Вон даже ворона, приготовившись проголосить свое предвозвестное «карр», издала лишь хриплое «кх» и подавилась, будто испугавшись возврата зимнего. Тоже ведь надоело, даром что больше других к зиме расположена. Вскоре уже залило половодьем окрест и размыло дороги, и отрезало село от района не меньше как на недели две. И бурная та весна двумя событиями особо запомнилась: обнаружили тело утопшего Миколы Шлеп-ноги, когда озеро ото льда очистилось, и неожиданно исчез Ванька-дурачок. Первого, как полагается, похоронили после проведенного опознания и тут же благополучно вычеркнули из жизни — негодный был для памяти человек; исчезновение второго породило всяческие домыслы в связи с его странным поведением. Все-таки исчез дурачок сразу после похорон, на которых как заведенный бубнил какую-то замысловатую фразу, что, мол, вот теперь верю, что утонул Миколка. Показалось даже, что радовался недоумок. Не сказать, чтобы горевала на похоронах и Наталья, а вот за Ваньку испереживалась.

— И че ему тут не хватало? — жаловалась она Агафье с Эльзой. — Жил бы да жил — нет, бродяжить пошел. Дак хоть бы предупредил, а то крадче взял и ушел. Это, наверное, от весны запоздалой у него такое хотение произошло. У дураков, говорят, так и бывает, когда чего ждут не дождутся. — Только говоря «у дураков», она явно имела в виду что-то другое. То, что всегда имела в виду

Караваиха, пригрозив ей уже однажды разоблачением, но до времени не выдавала никому. Но как бы там ни было, а списали тот эпизод на неразумность Ванькину.

С приходом весны всякой живности веселее становится, а человеку и подавно. Засидевшаяся за зиму детвора с самого утра пропадала на речке ли, на берегу ли озера; по лугу да по лесу бродила; другой раз только к вечеру их и дозовешься. Младшие девчонки вместе с другими играли в основном на лугу, плели венки из разнотравья, а Генрих, который уже прочно превратился в Гену, гонял по проселочным дорогам свою единственную игрушку — обруч от кадушки — проволокой, загнутой на конце колченогой буквой «п». Да ловил еще по лесу майских жуков и пугал ими девчонок. Те, набегавшись, сядут где-нибудь на солнышке, примеряя сплетенные венки, а тут подходят к ним с таким невинным видом пацаны, рубахи в брючишки подченбаренные, и уж когда совсем близко подойдут, рубаху из штанишек — р-раз! Ис таким гулким жужжанием срывается с голого тельца рой жуков, что девчата визжат от страха, а ребятня заливается смехом восторженным.

Но это младшие. А старшие дочери, Хильда с Эммой, уже работали в полеводческой бригаде, зарабатывая свои первые трудовни. И лишь сама Эльза оставалась с младшеньким дома: нельзя было его отнимать от груди, хорошо помнила она наказ Марты.

Летом им и вовсе в Сибири раздолье: ягод, грибов видимо-невидимо. Но это когда научишься их искать, да отличать съедобные от поганных. И промелькнуло ле-

то, как один день. Подросли дети, вытянулись. Особенно Генрих: вырос пацан из всей своей одежды, так что пришлось Эльзе надставлять да прибавлять, где это надобно.

По окончании всех полевых работ опять в семье не-задача. Почти все, что заработала на трудодни старшая Хильда, ушло на покрытие того, что задолжала Эмма. То ли, правда, не справлялась она с работой, то ли сжульничали учетчики, но плата за еду, которую им привозили в поле, оказалась больше ею заработанного. И снова пошла семья на сбор колосков да мерзлой картошки. Но собрать столько же, как и прошлой осенью, не удалось. Во-первых, прибавилось количество желающих: в соседние районы пригнали латышей, литовцев, молдаван (здесь их называли сербиянами) — и угроза голода погнала и их на убранные уже поля. Во-вторых, стали гонять объездчики. И если поймают с картошкой или колосками зерновых, накажут — мало не покажется. Но все одно люди шли собирать в сущности уже брошенное, пропадающее зерно. Не прорастет ведь оно более. Или ту же картошку: местные-то колхозники ее даже скоту не собирали.

А в октябре пришла и та страшная для немцев весть, что станут теперь забирать в трудармию и женщин. Сбылось предсказание Марты. И затаилось немецкое население в страхе очередном: то в одну семью беда нагрянет, то в другую. Страшно было видеть и слышать тот стон в немецких семьях, оттого что забирали матерей в ту армию, и невольно ожидать и себе той же участи. Об армии той до сих пор не сложено песен: ни веселых, ни

печальных — никаких. Женщин, обезумевших от горя, грузили в «телятники» под охраной, а плачущих детей увозили в разные стороны. В такие разные, что и спустя больше полувека не все еще смогли найти друг друга. Уж обязательно и живыми — надгробию хотя бы поклониться.

При каждом незнакомом шорохе вздрагивала вся семья Эльзы, и только главный их человек, Эрих, относился к этому с невозмутимым спокойствием, глядя на мир невинными глазами. И такая исходила от него уверенность в собственном будущем, что передавалась она и матери, и сестренкам. После двух-трех месяцев успокоились они под защитой своего маленького ангела. Не распалась семья. А однажды в полдень лютым февралем, примерно через год после того памятного визита Марты, постучался к ним усталый, изможденный путник, лицо и одежда которого были черными от угольной пыли. Как и всегда, завела его с улицы Агафья. Он назвался Егором и, как оказалось, привез весть о Марте. Печальную весть. И когда умылся, отогрелся да щей пустых похлебал, сел, навалившись на стенку лавки в углу, и стал рассказывать. Говорил медленно, как бы размышляя: продолжать или остановиться, и старался не глядеть на Эльзу.

— Я с последнего полустанка в углярке ехал, — объяснил он свой невзрачный вид. — Хорошо хоть на вашей станции остановился товарняк и соскакивать не пришлось. Бывает, что прут без остановок часа три, когда дорогу им дают, так околеешь, что и не двинешься. Так

что можешь соскочить, да из ледышки тут же в инвалида превратиться. А потом подфартило еще: аккурат у самой еще станции ваш земляк на дороге меня подобрал и прямо к дому на санях подкинул.

— Степан его привез, — уточнила Агафья и, сказавшись занятой, ушла.

— Он так сказал, — кивнул Егор и прикрыл глаза. И сейчас, и потом с Эльзой он говорил по-немецки, но как только появлялась Агафья или кто другой, он переходил на безукоризненный русский. Так что со стороны нельзя было догадаться, что он немец. Агафья так до конца и думала, что русский. Усталость одолевала его, и он буквально засыпал на ходу, но торопила его Эльза, хоть и жаль было человека.

— Ну, что Марта, Егор? Что с ней-то?

— Плохая она была третьего дня, когда я видел ее. Врач говорил, мол, слабая больно, что иногда даже сознание теряет. Нас с ней в госпиталь еще с месяц назад с торфяных разработок привезли, не слышала про такое? Это, Эльза, каторга почище лесоповала будет. Околевают и мрут здесь люди намного быстрее. Не, не люди, ошибся я, нас за них не считают: трудармейцы мы, вот оно слово. Женщин, тех обычно не успевают оттуда живыми довести. А она живучая оказалась. Хоть в дороге уже в беспамятстве была. Тиф же. А как немного оклемалась, слышу — молится. Душа родная! Я к ней, дескать, кто такая и откуда? Я-то уже раньше решил сбежать с каторги с этой. Мне бы детишек своих с жинкой одним глазком увидеть, тогда и помирать можно. И я

знаю, что Господь меня на это подвигнул. И ее, Марту, встретить, значит, Он предусмотрел. Ну, я и сказал ей об этом. И она за меня молилась Богу, чтобы удалось мне это мероприятие. Вот адрес ваш сообщила, дескать, сыночек ее тут. Просила тебе за него поклониться, Эльза. А как случай подвернулся, я и убег. Искать меня никто не станет, пока сам не попадусь. Никому до нас дела нет: мы вроде и есть, и нас нету. В госпиталь уже обреченных везут: без документов — какие могут быть документы! Знают, что отправляют на тот свет. Список только и есть у сопровождающего. Так его, сопровождающего нашего, самого вон тиф свалил, и он раньше нас еще в те неизведанные края отправился. — Егор медленно клонился спиной по стене и уткнувшись головой в угол в другую стенку, смолк. И тяжело, и надсадно задышал в кошмарном сне.

Глава 8

Эльза сидела не шелохнувшись и шептала молитву. Она была твердо уверена, что Марта выживет. Иначе Господь не послал бы к ней этого вестника. И когда он ткнулся в стену, осторожно переклонила его и уложила на лавку, подобрала ноги. Такова была смертельная усталость в человеке, что он даже не пробудился. И проспал до самого раннего утра. А проснувшись, увидел при чуть тлеющем свете керосинки Эльзу, терпеливо ожидавшую

его пробуждения. Она сидела у стола, с вощемешком у ног.

— Поедешь? — только и спросил он.

Эльза молча кивнула.

— А доберешься?

— Доберусь. Бог будет помогать. Я должна увидеть Марту живой. Только живой. И я заберу ее оттуда.

— Я знал, что ты поедешь, — сказал он. — Жаль, что я не могу с тобой. В ту сторону мне теперь путь заказан. Надо двигаться дальше. Ну, я сейчас соберусь.

— Нет, Егор, останься у нас пока. Подожди меня. Тетя Агафья говорит, что тебе надо хоть немножко отдохнуть. Ноги подлечить. Они у тебя, Егор, совсем негодные. Больные ноги.

Только теперь он увидел, что разут, и ему стало совестно, что за ним ухаживали, как за ребенком. А Эльза продолжала:

— Мы с Мартой приедем, и все трое за тебя помолимся, тогда и поедешь. Ладно?

— Ладно, — согласился он. — Я буду здесь молиться за вас, Эльза. И сейчас давай у Бога просить благословения на дорогу.

И встали на колени два уже немолодых и таких разных человека, и зашептали в ночной полумрак проникновенные слова к всемилостивому Господу. А поднялась Эльза уже со светлой улыбкой на лице и полной уверенностью, что все задуманное исполнится.

— Как Господь мне отвечает, Егор! — в радостном волнении шепчет она. — Как Он знает, что все будет хорошо?

— Он все знает. Он что-то готовит и мне, — отвечает не менее взволнованный Егор. — Иначе бы Он не послал меня сюда. В сенях послышались шаги, и в избу вошла Агафья. В руке у нее была стеклянная баночка.

— Иди, Лиза, Степан подъехал. Привези мне Марту, скажи, что я жду ее. Напомни, что она мне еще обещанное не выполнила. Так, давай проверим, — начала она загибать пальцы, — значит, валенки тут, штаны ватные тут, платок, шаль, верхонки тут, хлеб с картошкой положили... — Эльза только подтверждала кивком головы наличие перечисляемого. — Ну, храни тебя Восподь. — И к Егору: — Ну, здравствуй, Божий человек. Цас я тебя сибирскими травами да припарками полечу, а то ты далеко-то не уйдешь с такими ногами. Глянь, какая страсть между пальцами! Но ничего, пройдет, если Богу угодно будет.

Эльза вышла из избы, и студеный предутренний воздух перехватил её дыхание. От такого чистого, настоенного на хвое озона у приезжих, особенно у городских, кружится голова, и легкие готовы разорваться; до того полной грудью дышится в сибирском захолустье. Степан, в огромной шапке, с заиндевелой бородой, усами и даже ресницами, стоял в санях. Лошадь нетерпеливо постукивала копытом и сердито фыркала. При этом из ее ноздрей вырывался густой белый пар. Мороз был что надо — все сорок, однако.

— Не сильно тепло тебе будет в куфайчонке-то? Днем, пожалуй, хорошо отпустит, а чичас стужа — волков только морозить, — усмехнулся он, взявшись за вож-

жи. И кивнул на сани. — Вон там, под дерюгой, тулуп. Накинь, да возьмишь его с собой в Тюмень. Пригодится. Приедешь — отдашь. Да бери, бери, Агафья велела. Извиняй, но больше ничем не могу помочь.

И погнал коня в сторону станции.

— Спасибо тебе, добрый человек! — услышал он за спиной ее тихий голос.

Эльза все никак не насмеливалась расспросить Агафью о нем, а та сама, видать, не очень-то горела желанием рассказывать о своем двоюродном брате. Только и знала Эльза, что мужик он вдовый и кругом одинокий; но не бобыль в том понятии, что хоть и бездетный, но не нищий. Жена его умерла лет пятнадцать назад, но он больше не то, чтоб жениться, — даже слышать об этом не хотел. Так и жил затворником. Но в селе был уважаем и откликался на любую просьбу, пока не попытались использовать его доброту не по доброй совести.

Попался однажды он участковому при перевозке домашней утвари из другого села. Вез-то по просьбе односельчанина, а добро оказалось ворованное. Ну и доказывать пришлось, что сам-то тут ни при чем. Но Агафье и после этого никакого отказа не могло быть. Она ему нянькой в детстве была. Стоило ей только слово сказать, и он тут же готов выполнить все, что бы она ни попросила. Или, вернее сказать, скомандовала. Потому что она не говорила, а велела: сделай то-то и то-то. Было ему чуть за шестьдесят — мужик крепкий, некурящий и непьющий, что тоже редкость в этих местах. И что уж совсем из ряда вон — никогда не матерился. «Чудо в перьях», —

пренебрежительно отзывались о нем мужики. Правда, так, чтобы он не слышал, — рука у него была тяжелая.

Ехали молча, Степан был не из разговорчивых, а Эльза стеснялась своего говора, да и не знала, как начать разговор. Но он все-таки сам нарушил молчание:

— Как же ты, деваха, до Тюмени-то собираешься добраться? — чуть обернулся он к ней. Денег-то на билет, как я понимаю, у тебя нет. Откуда им взяться?

— Нету, — вздохнула Эльза. — Денег нету. Вот это есть, — и достала те злополучные серьги.

— Э-э, милая, ты это спрячь и никому не показывай, поняла? Это в деревне можно что-то на них выменять. А в городе тебе за них просто башку оторвут, поняла? Или в кутузку определяют. Это к кому попадешь, смотря. Спрячь подальше. М-да-а. Вот я и говорю, — продолжил он, удостоверившись, что она спрятала серьги, — что денег нету, языка толком не знат, а куды-то едет. Об чем только думает человек? — покачал он головой и продолжал рассуждать уже больше сам с собой, чем обращался к Эльзе: — На товарняке нынче не доедешь, обморозишься. Вон мороз-то как жмет, сосна лопается. Как ехать собираешься?

— Не знаю, дядя Степан, просить буду...

— Э-э, милая, нынче просить — кого упросишь? Гиблое это дело — просить. Проси, не проси — не допросишься. Озлился народ, окостыжился. Где и мог бы помочь — не захочет.

— Я не людей, дядя Степан, я Бога прошу. Он слышит и помогает.

— Ага, — усмехнулся он, — щас прямо и услышал. Держи карман шире. — Ты знаешь, сколько таких, как ты, кажинный день по путям-дорогам шастает? И всех Он услышит? Придумают же люди. Ну, а ежели бы и услышал, что, Он тебе билет купит? Тебе, тебе, тому, тому, — махал кнутом Степан, — всем купит билет? Как Он тебе поможет, ежели у тебя денег нет? — Он на секунду задумался, вспоминая слово. Вспомнил и удовлетворенно закончил: — Наивный вы народ, верующие. Я бы даже сказал, глупый: что наши русские, что немцы. Не-ет, милая, на Бога надейся, а сам не плошай. Наши-то хоть больше этого и придерживаются, а вы все на дядю в небесах надеетесь. — Он замолчал и снова отвернулся, считая, видимо, разговор законченным.

Но Эльза решила продолжить и спросить его о Боге. Дескать, ладно, те, про которых ты сказал, что могут помочь и не хотят, но ты-то сам, дядя Степан, всегда же помогаешь людям. Почему, мол, тогда в Бога не веришь?

Долго не отвечал Степан, будто и не слышал вопроса. Или не захотел услышать. Эльза уже ругала себя за любопытство, что, мол, досадила только мужику, и больше ничего не спрашивала. По обеим сторонам дороги стеной стоял воистину дремучий и загадочный лес без прогалин между величественными от заснеженности деревьями: все междурядье заполонило мелколесье и кустарник. Уже только там, поверх молодняка, виднелся просвет и мельтешили в глазах первые солнечные блики. Неожиданно Степан развернулся к ней всем своим корпусом:

— Почему, говоришь, не верю? Я, может, в Бога и верю. Не могу сказать определенно. Но вот попам вашим я, точно, не верю. Жил в городе — знаю.

— Но у нас нет попа, — изумилась Эльза такому обороту. — Поп — это не Бог.

— Ну, да, я знаю, у вас по-другому они называются. Папа римский или мулла, кто их разберет. А ты копника поглубже — тот же поп. Эльза не поняла, зачем и где ей нужно копать, и поэтому повторила: — У нас нет и римский папа, и мулла нет. У нас только Бог.

— Без попов? — не поверил Степан. — Не-е, так не бывает. Поп у всех человек должен быть. Какие без него крестины? Или опять же похороны? Не выйдет без попа. Ладно. Вот приедешь назад из Тюмени, так и быть, послушаю, кто ж там у вас есть.

— Хорошо это, — обрадовалась Эльза. — Марта вам расскажет тоже хорошо, чтобы понимать. Мы будем молиться, чтобы понимать.

— Договорились, значит, — подытожил Степан и показал кнутом. — Вон уже и станция. Не обмерзла ишо? Щас подведем, посидишь в санях чуток, а я схожу, может, друг мой сегодня дежурит. Тогда, может, че и придумаем. Вот ты и молись, чтобы был он тута седни, — с ухмылкой сказал он, бросил ей вожжи и пошел к вокзалу, невзрачному одноэтажному зданию. Вскоре снова показался в дверях, подозвал Эльзу и завел ее в дежурку.

— Ну, вот, повезло нам, деваха. Сиди здесь. Вот он тебя посадит на Тюмень. — Показал он на дежурного. — Через два часа поезд будет. Сиди, тут тепло. — И по-

вернулся было уходить, но замешкался. Лукавая улыбка тронула его губы. — Видишь, как? А ты говоришь — Бог! Нету у Него на всех вас билетов, нету, поняла?

— Да, да, поняла, — искренне радовалась Эльза. — Дядя Степан, а ты не знаешь, кто тебе это на душу положил помогать, чтобы я уехала?

Улыбка постепенно сползла с лица Степана. Он недоуменно посмотрел на нее, почесал под шапкой.

— Кто, кто? Дед Пыхто, да бабка Нихто, вот кто. Поехал я дале, до райцентра.

В положенное время подозвал ее дежурный и повел к последнему вагону подошедшего поезда на Тюмень. Там он долго объяснял что-то проводнику, высокому седому мужчине. Тот, наконец, взглянул на Эльзу, на ее неказистый вид, вещмешок и тулуп в руках, вздохнул, и произнес непонятное для Эльзы: «Эх, дярвеня!» Потом как-то обреченно махнул рукой:

— Ладно, пусть садится. Только объясни ей, чтобы сидела тише воды, ниже травы, и, если контроль случится, чтобы говорила, что билет, мол, потеряла. — И уже самой Эльзе неожиданно: — Шнель, шнель, подруга, ну!

Так и добралась она до Тюмени без лишних приключений, просидев все время на лавке у двери в тамбур и моля Бога, чтобы не ссадили на очередной станции. Несколько раз подходил и заговаривал с ней проводник, но тут же бежал по какому-нибудь неотложному делу. А однажды она увидела, как он направляется к ней с каким-то человеком в железнодорожной форме, и замерла от страха. Но они с безразличным видом прошли мимо —

и отлегло от сердца. И вздохнула облегченно, лишь когда покинула вагон и ступила на перрон в Тюмени.

Полдела было сделано.

Глава 9

На удивление быстро нашла она и то мрачное обветшалое здание больницы, как и описал ей Егор. Да какое там здание — обыкновенный длинный барак. Пройдя через обшарпанные двери, Эльза увидела столпившихся в коридоре людей, которые что-то шумно доказывали сидевшей за стойкой женщине в белом халате. Эльзу словно кто-то подтолкнул в спину: она, не отдавая себе отчета, прошмыгнула за их спинами, прошла вдоль стены несколько дверей и юркнула в открытую палату. Там тесно друг к другу стояло с десятков кроватей. Сразу у двери лежала сморщенная с обритой головой старушка, дальше еще одна такая же. Полумрак в палате не позволял рассмотреть, кто там лежит дальше, что за пациенты, и Эльза нагнулась к старушке, чтобы спросить у нее. Да так и застыла в ужасе от жалкой ее улыбки. На нее смотрела Марта! Эльза так и выронила мешок с тулупом и упала на колени.

— Марточка, это ты? Господи, это ты, Марта, — больше она ничего не могла говорить и, обнимая и целуя ее лицо, руки, повторяла только эти слова. До нее донесся слабый шепот, и Эльза скорее сердцем, чем ухом, поняла,

что Марта молится. Лицо ее оставалось безжизненным — ни кровинки, — но глаза излучали все тот же лучистый свет.

— Сестра ты моя во Христе, я знала, я верила, что ты придешь. Это Егор, да? Я молилась за него. Бог дал мне с ним встретиться, чтобы он нашел вас. Теперь ты пришла. Что с Генрихом, Эльза? — Марта приподнялась в постели, если это грязно-серое покрытие можно было так назвать.

— С ним все хорошо, Марточка, все хорошо. Я тебя заберу отсюда. Егор сказал, никому до вас дела нет. — Эльза развязала мешок и достала приготовленную для нее одежду. Затем протянула ей картошки с хлебом. — Вот, поешь сначала. Потом сядем на поезд и уедем, и ты увидишь Генриха.

Чувствовалось, что эти слова придали больной силы. Она взяла еду, попробовала есть и заплакала.

— Я уже не могу есть, Эльза. Выбраться мне отсюда можно уже только на погост.

— Через силу, Марта, через силу. Ну, попробуй. Давай, я немного дам твоим подругам и ты с ними поешь. — Эльза встала, чтобы подать хлеба рядом лежащей женщине, которая, как ей показалось, пристально смотрела на нее.

— Им уже ничего не надо, — остановила ее Марта. — Эльза, они обе мертвые. Они умерли после того как утром уже увезли первых.

— Мертвые? — Эльза невольно коснулась ледяной руки женщины и в ужасе отдернула ее. — Боже мой! Она

мертвая. Ты лежишь среди мертвых. Давай быстрее одеваться. Лучше околеть на морозе, чем ждать смерти здесь. — Она машинально сунула хлеб в карман фуфайки. — Поторопимся.

— Скоро за ними приедут, Эльза, — голос Марты завучал безучастно. — Есть санитары, которые как заходят сюда, всегда орут: «Сколько жмуров сегодня? И когда же вся эта фашистская сволочь передохнет?! — Потом спрашивают еще живых: — Может, помочь отправиться на тот свет?» — и весело гогочут. — А другие хорошие. Только сегодня те, злые.

Эльза слушала и торопливо одевала ее. Повязала платок и поверх закутала шалью. Теперь она немного стала похожа на себя. А заслышав равнодушные нотки в голосе, прижала ее к груди.

— Марточка, помни, что нас ждет Генрих. И тетя Агафья. Она верит, что ты сможешь ей отыскать ее сына. Ты сможешь хоть немного пройти? Хотя бы по коридору. Давай попросим Бога, чтобы дал нам силы, давай, моя ласточка. — Эльза приподняла Марту с кровати и ужаснулась в очередной раз: она почти ничего не весила. Они стояли у кровати на коленях, и горячая молитва Марты прерывалась едва сдерживаемыми рыданиями Эльзы. Потом она накинула на нее тулуп.

— Это еще что такое? — раздался грозный окрик и в палату вошла та женщина, которую Эльза видела за стойкой. — Как вы сюда попали, да еще с ребенком. Здесь вам не курорт! А ну, марш отседова!

Эльза мгновенно сориентировалась:

— Тут мой сестра была, — показала она на пустую кровать. Ее заплаканное лицо подтверждало ее слова. — Скажите, где она? Моей дочке плохо.

— Где, где? Где надо, — уже помягче проговорила медсестра. — Врача ждите, только не здесь. Не здесь, говорю! Он вам и скажет. А щас, марш отсюда! Да побыстрее, не то вам же худо будет. Да мешок-то не забудь, мешок!

Эльза нагнулась за мешком и тулуп спал с плеч Марты. Медсестра, легонько приподнимая ее, заглянула в лицо и задохнулась в гневе праведном.

— Это еще что такое?! — во второй раз заорала она. — Обдурить захотели! Да я вас, чер... — и смолкла с широко раскрытым ртом. Та, что назвалась матерью в отчаявшейся мольбе протягивала ей на ладони сережки. Но мольба и отчаяние были ей не в новинку: к этим проявлениям людских чувств в лазарете давно уже были глухи. А вот серьги были такие красивые, такой притягательной силы, что медсестра, даже не успев еще осмыслить своего действия, буквально смела их с ладони и сунула в надежное у женщин на груди место. И секунды не прошло.

— А теперь шнель, шнель, давайте, пока санитаров нету. Да шнель же! — дрожащим от нетерпения голосом, в котором сквозила теперь еще и боязнь, прошипела она.

Эльза в буквальном смысле сгребла Марту, завернутую в тулуп и чуть приподняв, потащила к выходу. Марта едва касалась ногами пола. Навстречу им прогремели двое дюжих мужиков, и до Эльзы донеслась сначала грубая брань, потом удивленный возглас, от которого у нее ноги сделались ватными.

— А где третья?

— Какая еще третья? — это голос той медсестры.

— Да еще ж одна доходяга тут была.

— Вы же утром увезли.

— Нет, она оставалась тут. Слушай, а кто это навстречу попался?

— Тебе оно надо? Нету, да и нету. Сактируем. Не здесь, так по дороге сдохнет. Меньше заботы...

Эльза схватила Марту на руки и, развернувшись, спиной толкнула дверь, вылетела на улицу и перевела дыхание, только отбежав на приличное расстояние от этого злополучного барака.

«Сактируем, сактируем, по дороге сдохнет», — звучали в ушах те последние слова, которые донеслись до нее в этом «доме милосердия». Упрямым, назойливым повтором застряло в уме незнакомое страшное слово: «сактируем». Что это они хотели сделать с Мартой, если бы она не умерла?

— Марта, ты жива? — развернула она тулуп и увидела счастливую улыбку своей легкой ноши.

— Да, Эльза. Отпусти, я попробую сама идти, — и опершись на руку Эльзы, встала на ноги. Но не прошла и десяти шагов, как ноги ее подломились, она потеряла опору и стала медленно оседать на снег. Эльза подхватила ее и уже не выпускала из рук, пока не добралась до вокзала. Был уже вечер и не тот собачий холод, что днем. В сгустившихся сумерках тускло горели привокзальные фонари, обозначая на снегу едва заметные круги с желтыми ободками. В помещении вокзала было достаточно

тепло и многолюдно. Все люди сновали туда-сюда с сосредоточенными лицами, и никто ни на кого не обращал внимания. На одной из лавок она прислонила к себе Марту и, отщипывая крошки хлеба и картошки, стала терпеливо, как ребенка, кормить, заставляя ее проглотить очередную порцию.

— Марта, иначе мы не доедем и не увидим больше своих детей, — уговаривала она ее, как малого ребенка, и настороженно глядела по сторонам. Ни за что и никому она не отдала бы сейчас свою драгоценную ношу, чего бы это ей ни стоило. Ведь Бог привел ее сюда, значит, Он даст им дорогу обратно. Хотя она сознавала, что без билета да еще с больной Мартой их не пустят ни в один вагон, но в душе теплилась надежда, что пустят хотя бы в тамбур. Сейчас это было ее самым большим желанием.

— Марта, что значит по-русски «сактируем»? Что они хотели сделать с тобой? Что-то страшное?

— Нет, они просто списали меня из этого мира. Я уже не живая для них.

— Ну уж нет, это не им решать, — успокоилась Эльза и озаботилась главной проблемой: — Ты прислушивайся, что говорит радио, я совсем не понимаю, что объявляют. Не пропустить бы нам поезд. — И застывали обе в напряженном ожидании, прислушиваясь, когда в репродукторе раздастся сухой щелчок. Но это чаще были объявления по станции: туда продвинуть грузовой состав, оттуда перегнать — и редко когда о прибытии пассажирского или скорого поезда. Но вот из разговоров соседей по лавке Марта поняла, что первый поезд в сторону

Омска (пассажирский — не скорый) будет лишь к утру. Относительное тепло вокзала благотворно подействовало на них обеих, и они задремали.

— Эльза, — услышала вдруг Эльза голос Марты и вскинула глаза. Та смотрела на нее немного удивленными глазами. — Эльза, мне хочется есть. Я просто чувствую голод.

— Господи, — обрадовалась Эльза, — родная ты моя. Вот видишь, как хорошо. Сейчас я тебе хлеба, — она наклонилась к мешку около ног — и холодная дрожь пробежала по всему ее телу: мешка не было. — Марта! У нас украли мешок... — Эльза растерянно смотрела по сторонам.

Все так же озабоченно передвигались по залу поредевшие ожидающие, все так же никому ни до кого не было дела. Она встретила взгляд старушки напротив, и та поманила ее пальцем. Эльза быстро подошла к ней. Наверное, подскажет, где мешок. Но не тут-то было.

— Что ж это вы разоспались тут? — упрекнула старушка. — Не на курорте, поди. Вот и проспали вещички.

— Бабушка, вы видели, да? Вы почему не сказали?

— Ищас, ага, так я тебе и сказала. Чтобы мне — чик! — она провела пальцами по глазам. — Да? Без глаз за вас, ротозеев, чтобы оставили? От этой шпаны все ожидать можно.

— А почему вы мне так показывали? — Эльза поманила рукой. — Вот так?

— Вот и позвала, чтобы сказать: будете дальше спать — все уташат.

— А-а-а. Теперь я буду знать. До этого не знала. Спасибо, бабушка.

Но бабка уже отвернулась к своим соседям, как и не было Эльзы вовсе. И пошли пересуды о том, как вот когда-то кто-то кому-то подсказал, что у того воруют, и как вор, мол, переспросив: «А ты видел?» — сказал: «Видел, так больше не увидишь!» — И бритвой по глазам: брр, одна ужась!

Эльза вернулась к Марте.

— Что будем делать, милая? Как же я проспала? Ведь предупреждал меня дядя Степан, чтобы смотреть в оба. Правда, он тулупчик имел в виду.

— Ничего, Эльза. Наверное, это так надо: мы просто еще не знаем, зачем Бог это допустил. Главное, что у меня чувство голода появилось, лишь бы не исчезло опять. А уж потерпеть-то можно. — Голос Марты все еще слабый, но звучит погромче.

— Милая ты моя, — уж в который раз повторила Эльза. — Все мы стерпим. Только бы в вагон нас пустили. Только бы добраться до дому. Все-таки лучше было бы, если бы мешок не украли. Постой! — вспомнила она и сунула руку в карман фуфайки. — Смотри-ка, тут же целая горбушка! Которую я там, в больнице, не отдала.

Вряд ли богатый может так радоваться сундуку с золотом, как радовались эти женщины кусочку хлеба.

Наконец пришел долгожданный поезд, и они вслед за немногочисленной толпой вышли на перрон. И хоть стоянка поезда была тридцать минут, Эльза страшно разволновалась. Закутав Марту в тулуп, она оставила

ее на одной-единственной лавочке на перроне у самого вокзала и побежала к вагонам. Вдоль перрона уместились три вагона в самом центре поезда, и около них стояли проводники. Дальше в обе стороны вагоны, освещаемые тусклыми фонарями, стояли уже на насыпи, и там проводников не было видно. Пассажиры, кому надо, уже сели в поезд — кому охота мерзнуть? В рассветный час-то самый и мороз! Хотя сегодня все равно не так лютует он, как вчера. Эльза подбежала к полной, молодой еще проводнице ближнего к ней вагона. От волнения у нее вылетели из головы все русские слова, и получалось какое-то заклинание:

— Помогите... мой дочка... она может умирать... помогите, ради Христа! До Заводоуковска.

Последнее слово она выговорила четко, потому что много раз приходилось его повторять. Это-то слово, видать, только и распознала проводница, с вытянувшимся лицом вглядывавшаяся в странную просительницу.

— До Заводоуковска? Доехать? Ишь чего захотела, гадина фашистская. А ну, пошла вон! Я те покажу, до куда тебе ехать!

— Че там у тебя, Галина? — закричал проводник переднего вагона, пританцовывая на морозе. Далеко разнесется говор в разреженной морозом пустоте, ровно, так же, как переговариваются диспетчеры по радию. На всю станцию.

— Немчура, Мить, в вагон просится. Видал — нет?

— Гони ее в шею, Галя!

— Дак и так прогнала, вон к тебе же мчится, собака.

Эльза, и правда, побежала было проситься к нему. И встала как вкопанная от услышанного. Дальше вперед бежать было бессмысленно: ни одного проводника у вагонов. Она резко повернулась и бросилась назад, туда, где стояла еще одна проводница. Та же, что обругала ее, завидев ее внушительную фигуру и решительное лицо, быстро запрыгнула на подножку.

— Ты чего? Ты чего? Мить! Мить! — Но Митя, по своему оценив ситуацию, предпочел не услышать зов подруги и скрылся в своем вагоне.

Увидев же, что немка бежит мимо, Галина заорала уже ей вслед:

— Вот кобыла! Валька, не вздумай подсаживать: сразу бригадира позову, не обрадуешься.

Это было последней надеждой: возможно, и сомневалась третья проводница, но при этих словах и она схватилась за поручень.

— Ниче не знаю, ниче не знаю. И не просись, — глухо звякнула и эта дверь. И раздался протяжный свисток паровоза.

Первая же, Галина, не унималась.

— Да вот, на дурнинку ездить нашлась, — громко объясняла она ситуацию кому-то любопытному. — Да кто, кто? Немка вон. — И уже закрывая дверь, Эльзе с хохотом: — Хочешь ехать без денег, садись на веник. Или вон на подножку. Ка-абыла! Слова, брошенные в издевке, подстегнули оцепеневшую Эльзу. Это последний шанс! Она кинулась назад, добежала и схватила Марту в беремья.

— Марточка, у нас нет выхода. Нас никогда не пустят в вагон. Поедем на подножке. Ничего, мы доберемся.

Марта покорно кивала головой, и к третьему протяжному свистку Эльза, пробежав по насыпи пару вагонов назад, усадила ее на верхнюю ступеньку подножки, успела заботливо запахнуть и подоткнуть полы тулупа и, встав на нижнюю ступеньку, ухватилась за поручни, защитив ее всем телом и от ветра, и от падения. Дело осталось за малым: чтобы на ходу не разжались руки, если обморозятся. Хоть и есть верхонки, да уж больно тонки для такого мороза. Паровоз скрипнул отпущенными тормозами, чуть ощутимо дернулся и покатил, разгоняясь сам, а непрерывным гудком разгоняя дрему сибирской действительности.

Эльза склонилась посмотреть на Марту и увидела, что та улыбается. Она прильнула к ней головой:

— Что, Марта? Ты улыбаешься?

— Я подумала, что если бы с нами был мешок, мы бы не уместились тут. Да он просто мешал бы. А бросить было бы жалко. Все было правильно, а?

— Конечно, милая, — развеселилась и Эльза. — Все как надо. Ты, если что, толкай меня ногой, ладно? — И, как нахохлившаяся квочка, сторбилась над Мартой.

Веселье быстро прошло. Поезд шел ходко, и на этом ходу самым страшным врагом для них оказался ветер. И это в тихое, почти полное безветрие. Стоило посмотреть вперед, как ветер вышибал из глаз слезы, и Эльза тут же отворачивала голову. Но тогда он забирался у шеи под шаль и фуфайку, и начинал леденить спину. Она

съеживалась и приседала на несколько минут, пока не затекали ноги и не начинали пощипывать оголившиеся запястья рук между верхонками и обшлагами фуфайки. Она выпрямлялась, подбородком подтягивая обшлага, и снова подставляла лицо встречному ветру. Пальцы рук коченели все сильнее, и она решалась отпустить одну руку. Сняв зубами верхонку, совала руку за пазуху и держала там, пока пальцы не теплели. Но вот одеть рукавицу снова на руку и не уронить, стоило большой ловкости и усилий. Через какое-то время то же самое она проделывала с другой рукой. Потом снова с первой. Все эти ее ухищрения имели один неоспоримый эффект: время вместе с паровозом медленно, но верно шло вперед. Верно — да, но, казалось теперь, настолько медленно, что возьми вот спрыгни — и побежишь намного скорее поезда. Особенно это было заметно, когда он шел в гору и непрерывно гудел. Зато в эти минуты не столь зло обжигал ветер, который и находил-то себе в тайге единственное место для разгула — вот эту нескончаемую железнодорожную просеку. По ней он и гулял-разгуливал. И как бывает со всяким пассажиром, независимо от занимаемого им места: будь то плацкарт или общий вагон, — невольно начинает человек подбирать фразы под перестук колес. И у Эльзы на подножке эта фраза воплотилась в настойчивое: «Мы доберемся, мы доберемся. Марта и я, Марта и я; мы доберемся, Марта и я». Однако ситуация не соответствовала оптимистичному рефрену. Все тело цепенело от всеобъемлющего пронизывающего холода, и Эльза воззвала к Богу: «Гос-

поди, почему Ты не сделал наоборот: чтобы теперь мы ехали в вагоне, а не тогда, когда я была одна. Ведь я одна бы смогла выдержать, а теперь нас двое, и она беспомощна. — И тут же ужаснулась от мысли, что она посмела укорить Бога: — Прости меня, Господи, за такие мысли, но, Бог мой, если я упаду, погибнет моя Марта. Дай мне силы не разжать руки, я их не чувствую... Хоть бы на минутку остановился поезд».

Но паровоз теперь — или это только казалось? — мчался все быстрее и быстрее, рассекая надвое тайгу в этом снежном безмолвии. И вот уже вылетел он на безлесное пространство, и унылая степь встретила его уже настоящим разгуляй-ветром. И занемело враз все тело, и рук уже вовсе не было, и захлестнул душу миг отчаяния. Взмолилась Эльза Богу и зашлась в призывном заклинании:

— Руки мои, рученьки, не оторвитесь. Еще хоть чуточку, ну совсем немножко... Нет! Все! Конец! Я не могу больше. Прости меня, Марта, простите все, прости меня, Господи! Спаси Марту, Господи!

Дорогой мой читатель. Если бы я был художником, я непременно бы отобразил на картине именно этот момент молитвы Эльзы. Нет в этом мире ничего прекраснее духа самоотвержения во имя любви к ближнему своему! Нет ни в музыке, ни в поэзии, ни в каком бы то ни было другом искусстве. Гимн духовной красоте сказался в этой жесткой — если не жестокой! — прозе жизни. И под мерный перестук колес, посреди необъятной степи на подножку вагона пришел ответ от Бога.

Эльза вдруг почувствовала, как по всему ее телу разливается живительное тепло, а руки буквально начинают гореть огнем...

Но Эльзе почему-то вспомнились рассказы бывалых людей о том, что обычно замерзающие видят перед смертью. Страх не было, он уже уступил место апатии. Ей виделось, что разжались ее пальцы и она плавно и очень медленно отрывается от подножки и летит рядом с вагоном, и никак не может приземлиться на снег.

— Наваждение, — равнодушно проносится у нее в голове, — это я знаю. Это уже сон. Мне приходит конец.

Но откуда-то вместе с теплом постепенно возвращается и уверенность, напоминая о себе перестуком колес: «Мы доберемся, мы доберемся...». Она очнулась. Стук колес все отчетливее. Так это не сон! Она еще жива! А как же Марта? Эльза оттягивает время, потому что боится взглянуть на нее. Потом наклоняется и видит совершенно блаженную, чуть-чуть виноватую улыбку Марты, и — глаза, полные восторженного удивления.

— Марта, ты тоже чувствуешь *это*! Ты чувствуешь Его! — не спрашивает — утверждает Эльза. — Значит, я не схожу с ума? — Слезы радости не успевают стекать с лица, бусинками застывая прямо на щеках. И в том перестуке колес уже чудится ей другой ликующий рефрен: «Господь нас спасет! Господь нас спасет!»

Так ведь по-другому и быть не могло.

Глава 10

На небольших, по две-три минуты, остановках Эльза стаскивала Марту с подножки и расшевеливала ее, прыгая и разминая затекшие ноги. А когда раздавался гудок, они тут же занимали свой «плацкарт».

А теперь поезд прибыл в Ялуторовск, где стоял достаточно долго, чтобы отогреться в движении, а чудесное спасение возродило надежду на благополучный исход. Отсюда ведь до Заводоуковска рукой подать. Около часа всего-то. И когда сошли они там, показалась эта станция такой родной и желанной, что тут же у вагона, приклонив к себе Марту, начала она молиться и благодарить Бога.

И в недоумении остановилась и воззрилась на них появившаяся на перроне проводница Галина:

— Ты смотри, *наша* немка, что ли?

— Она, — не менее ошеломленно поддакнул ее напарник Митя. — Вот стерва, добралась-таки! Не подходи близко, она ж тебя разом прикончит. Вон грабли-то какие.

Эльза чуть отстранила Марту и поклонилась проводникам:

— Большое вам спасибо, люди хорошие. Храни вас Бог.

— Че это они, Мить? Белены объелись? Эй, девоньки, за что спасибо-то?

— За подножку, — что-то похожее на улыбку, отразилось на лице Эльзы. — За совет добрый.

— Так вы на подножке?! Не-е, не может того быть...

— Че не может? — обронил проходивший мимо путеец. — Как есть на подножке ехали. — Он остановился и презрительным взглядом смерил проводников. — Я чуть не обмер, когда увидел. Одна сидит, другая — вот эта — висит, прикрывает ее. Не видишь, обморожены обе. И ни у кого не хватило сердца пожалеть их: эх, люди-звери! — И повернулся к Эльзе: — Спасибо тебе, мать, за такую любовь к дитю своему. Спасибо. До слез меня прошибло.

Огорошенные проводники стояли молча и наблюдали, как эта с виду неуклюжая женщина легко, как малого ребенка, взяла на руки свою спутницу и пошла к проселочной дороге. И на какой-то момент они увидели лицо завернутого в тулуп человека. И лицо это заставило содрогнуться даже таких озлобленных людей.

— Это не дите, — отшатнулась Галина и вцепилась в своего друга. — Мить, это не дите. Это старуха! Мертвая старуха. А эта — сумасшедшая.

Откуда ни возьмись около них появился молодой парень в форме железнодорожной милиции.

— Вот они, стой! — окриком остановил он Эльзу и показал на окно дежурки. — Заворачивай оглобли. Сюда, быстро! Оформлять нарушение будем. Я вам покажу, как на подножках ездить!

— Покажешь, — усмехнулся путеец. — Дурак ты, Петька. Как был дураком, так и остался. Может, штраф еще с них возьмешь? Так у них в кармане — только вошь на аркане. Оформи, оформи. Только не забудь, что потом тебе самому придется их или в район, или до дому везти.

А так, может, и сами дойдут. — Помолчал и добавил тихо: — Если живыми дойдут.

Милиционер и сам уже увидел, кого решил оштрафовать, что-то сообразил и махнул стоявшей на месте Эльзе:

— Иди, иди, пользуйся моей добротой. Пошутковал я.

Сразу за вокзальными пристройками их поджидал хоронившийся от милиционера Егор.

— Я уже думал, что просчитался, — радостно суетился он. — Часа два уж как тут. Сомневаться стал, получилось ли у вас. — Он отогнул края тулупа. — Ты жива, Марта? — И сам же подтвердил. — Жива, жива. Остальное все приложится. Ну что, большое дело сделано, а до дому уж как-нибудь. Пойдем, с Божьей помощью.

Поддерживая с двух сторон Марту, они вышли на большак и медленно побрели по укатанной санями дороге. Потом понесли ее по очереди на руках. Уже заметно потеплело, и неяркое полуденное февральское солнце, хоть и самую малость, а приласкать старается. Только место здесь, в степи, ветру со всех сторон открытое. Вот он все старания солнышка на нет и сводит: сдувает снег с сугробов и свистит — метет поземкой понизу, а то возьмет и швырнет его горстью прямо в лицо. Лес, нахлобучив на голову огромную белую шапку, стеной черной вдали насупился, больше километра до него. Там потише будет.

— Я ведь хотел только увидеть вас и дальше двигаться, — поделился планами Егор и упредил вопрос Эльзы. — Некогда мне лечиться, Эльза, некогда. Боюсь,

не дожить до свидания с детками. А как увидел, что ты ее на руках несешь, сердце оборвалось. Но слава Богу, жива. Вот помогу до дому добраться и пойду на Томашево. Там ближе будет и безопаснее. А тут какая-никакая, а милиция. Видишь, как придирается.

Но помощи оказалось от него не так уж и много. То ли двухдневная передышка выбила мужика из заданного ритма, то ли уже пройденный сегодня в один конец путь забрал все силы, но не прошли и километра, а все чаще останавливался он для передышки. Эльзе ничего не оставалось больше, как взвалить Марту на загорбок, а Егор уже только поддерживал ее сзади. Наконец и это стало ему не по силам.

— Все, Эльза, не могу я идти. Давай молиться. Пусть Господь поможет, иначе до потемок не добраться нам.

Эльза и сама уже из сил выбивается, но торопится до леса дойти. Печет правая обмороженная щека — спасу нет!

— Дойдем, Егор, до лесу, а? Там и помолимся.

— Ну, попробуем.

— Ты пробуй, пробуй, получится. Держись вон за меня. Посмотри, что там Марта.

Егор привстает на цыпочки, отворачивает ворот тулупа.

— Спит... по-моему. Марта! — тихо зовет он. И уже с радостью: — Закрой, закрой глаза, спи. Так лучше тебе будет.

И оба с Эльзой ускоряются в душевном волнении, будто дополнительный заряд бодрости получили. До-

пинг, как теперь говорят. В таком темпе к лесу и пришли. Дорога в лесу поуже и по обочинам наметенными высокими сугробами обозначена. Если по твоей стороне подвода едет, приходится к ним прижиматься, а то и наверх гарамкаться, когда буйный какой ездок несется. Но это когда уже было... Теперь обезлюдели дороги, за день двух-трех ездовых если встретишь, так и то хорошо уже. И все же встали на колени путники, выпрашивая у Бога милости. Чтобы подобрал их какой добрый человек. До села еще верст семь, а таким ходом засветло им не добраться. А не доберешься — погибель от волков верная. И вот уже снова они в пути. Теперь все чаще снимает свою ношу Эльза и все больше отстает Егор. Он первый и услышал еле различимый перезвон бубенчика. В какую сторону едут? Крикнул Эльзе. Она остановилась, тоже прислушалась: по пути едут! Осторожно Егор снял Марту, ждут в надежде великой. А когда вдалеке из-за поворота показалась упряжка из двух дошадей, оборвалось сердце у Эльзы: татары! Их также было двое, судя по лисьим малахаям, которые хорошо были видны на санях за лошадьми. Нет в тайге к ссыльным человека злее, чем объездчики, каковыми тут и работали татары.

— Не останавливай, не надо, — кричит она Егору, не сведущему в этом деле. — Прижмись к сугробу, Егорушка, не то собьют.

Растерялся мужик: видит, что Эльза уже на обочине провалилась в сугроб по колени и Марту рядом с собой держит, и сам — наверх. Эх, с такой надеждой руку тянул, а оно вон как вышло.

Но сани, поравнявшись с ними, остановились. Кони частыми поклонами отмахивают, на месте не стоят, гарцуют, и пар от них, как от паровоза. Засмотрелся Егор, залюбовался. Добрые кони! И седоки вроде не страшные. Добродушные, круглолицые азиаты в добротных белых полушубках и ватных штанах. Под мохнатыми шапками с одинаковыми у обоих черными усами и жиденькими, светлыми бородками узкие, словно с постоянным хитрым прищуром глаза, которые приветливо смотрят на испугавшихся путников.

— Зачем боишься? — улыбается тот, что помоложе. — Страшно нету. Я — не волк, он — тоже нет. Мал-мал заблудился. Этот дорога по какой дорога на карьер попадет, знаешь?

Егор вглядывается в их лица и вдруг, совершенно неожиданно для них, а тем более для Эльзы, начинает быстро-быстро лопотать на их языке.

Круглые физиономии мужиков расплываются в широчайшей улыбке, от которой глаз их становится почти не видно. В искренней радости они соскакивают с саней и один подбегает к Егору, а другой, помоложе, протягивает руки Эльзе и помогает ей выкарабкаться из сугроба. Потом вместе с Мартой усаживает их в сани, на застеленную поверх сухой соломы рокожу.

— Эльза, знаешь где находятся карьеры? Ну, там, где глину, песок разрабатывают? — по-русски спрашивает Егор.

— Так это за нами еще километров десять будет, — отвечает она по-немецки, заботливо укутывая Марту. —

А кто они, Егорушка? Как ты их язык знаешь? Откуда?

Егор сначала переводит попутчикам, дескать, все по пути. Старший из них немногословен. Он полулежит на боку, приклонившись к передку саней и внимательно вслушивается в его речь. Время от времени он кивает головой и одобрительно прищелкивает языком. Он держит вожжи, но не пользуется ими: кони бегут сами по себе. У младшего же рот не закрывается, и он то и дело разражается громким смехом. Наконец Егор поясняет Эльзе:

— Казахи это, колхозные представители из Северного Казахстана. Это рядом с Омской областью. У меня там в казахском ауле все детство прошло. Да и юность, считай. Потом только родители в город перебрались. Так что казахский для меня родной язык. Вот так-то. Ну, а у них тут какие-то производственные дела.

— Здесь семь километра, потом еще десять, — вслух между тем подсчитывает молодой казах. — Много. Где-то мал-мал отдохнуть надо. Весь конь устал немножко. — И без всякой видимой связи, с запоздалой вежливостью: — Вот я — Жакен, вот он — Алибек. — Подумал и поправился: — Алике. А ты — Эльза, ты — Егорушка, — показал он рукой и весело расхохотался. — Е-го-рушка. А это кым? Кыто это?

— Это Марта, — сказала Эльза. — Она болеет.

— Марта? — переспросил Жакен и восхитился: — Кра-сивый имя. Она голодный? — Он полез в мешок у ног и достал какие-то твердые белые шарики. — Это сухой молоко, коза, ме-е-е, курт. Возьми себе и дай ей. И делай вот

так, — он положил шарик в рот и стал его там перекатывать.

Возьми, возьми, — поддакнул Егор, — это прекрасная штука. Сначала заглушит голод, а потом такой аппетит разыграется, что ай, да ну! Как раз к дому и подъедем. Это то, что надо Марте. Бери.

Эльза положила шарик в рот и едва удержалась, чтобы не вырвать. Ей показалось, что она гложет мел. Но через некоторое время во рту появился приятный солоноватый привкус, и она уговорила дремавшую Марту проделать то же самое. А еще через минуту-другую задремала над Мартой и сама. Неожиданное участие незнакомых людей скрасило горечь этих двух предельно жестоких дней, и она позволила себе расслабиться. Молодой увидел, что она задремала, и кивнул Егору:

— А ее лицо тоже болит. Вот тут, — показал он на свои щеки и лоб. — Лопался весь. Надо быстро эту... мазать хорошо.

Егор стал им что-то объяснять. И оба казаха буквально превратились в слух и лишь изредка удивленно-недоверчиво цокали языком, приговаривая: «Ой-бай, ой-бой!». Что слышалось Эльзе сквозь дрему, как «Мой Бог, мой Бог!» — и приятная истома обволакивала все тело, и возвращался, казалось, навсегда выстудивший душу покой. «Гляди-ка, — умиротворенно думала она, — вот она, правда жизни: мы молились, и Он послал их нам. Значит, жить нам еще да жить.»

— Эльза, подъезжаем, — тронул ее за плечо Егор. — Они спрашивают, где можно заночевать здесь, а то дальше ехать опасно. Скоро будет темно.

— Так у нас можно, у нас, конечно, — тут же предложила она. — Девочки уйдут к Наталье, и всем места хватит. А тетка Агафья никогда не будет против.

— Ты прости меня, — улыбнулся он, — но я уже так и сказал им. — И повернулся к попугчикам. — Здесь, у нее, будем зимовать. Распрягайте, а я бабушку позову.

— Дева-а! — только и всплеснула руками Агафья, увидев Марту и запричитала над ней. — Несите ее ко мне, я сама буду за ней ухаживать. — И не насмелившись говорить прямо, отвела Егора в сторону: — Это что за басурмане такие? Как это вы ночевать решили с ними? Оне ж вас зарежут!

— Эти басурмане, бабушка, нас в дороге подобрали, когда мы уже идти не могли. Куда как сподручнее было нас там зарезать, чем здесь. Они, можно сказать, спасли нас. Но если ты против, мы пойдем, поищем другой ночлег.

— Ну, чего это ты, чего это? — запротестовала Агафья. — Ишь, какой скорый: «Пойдем, поищем». Уже и слова сказать нельзя. Да пусть ночуют, мне жалко, ли че ли.

— И все же не удержалась, чтобы не прибавить: — Но уж больно они черные, да узкоглазые — страсть!

— А твой братец Степан? — хитро прищурился Егор. — Он ведь намного чернее, а? Голимый цыган. И глаза узкие, щелки одни.

— Что черный, то черный. Ровно головешка, — вздохнув, согласилась она. — А глаза — нет, глаза нормальные. Это прищур у него такой.

— Так и у них прищур, — рассмеялся Егор. — Ты приглядись.

— Приглядывайтесь сами, мне некогда. Мне за Мартой приглядывать надо. Не отойду, пока не подниму ее на ноги.

— Спасибо тебе, тетка Агафья, добрый ты человек. Так мы переночуем, стало быть? А за сено, если дашь лошадам, они тебе деньгами заплатят. Ладно так будет?

— Так-то ладно, только сена сами пусть зададут. Некогда мне. А ты тоже потом ко мне заходи. На ногах вон еле стоишь, а туда же — встречать счинился. Сдается мне, они без тебя бы лучше да быстрее управились.

— Это точно, — кивнул Егор. — Эльзе я только в обузу стал.

— А я разве не отговаривала? — проворчала Агафья. — Ноги-то у тебя совсем негодные. За один день разве залечишь? А ты и сорвался сразу в путь-дорожку. Не-е, подлечить сперва надо, потом уж прогулки устраивать. Ладно, придешь потом.

Ворчала Агафья только так, для порядку. Егора она залюбила сразу. Да и как такого мужика не залюбить. Он вчера и коровник, и все стайки до такого блеска вычистил, какой был у нее только при муже. И на сеновале порядок навел, и лестницу туда отремонтировал, что без боязни теперь можно по ней подниматься. Это ж она вчера в кои-то веки барыней просидела, считай, весь день. Радостно было смотреть, как истосковался мужик по хозяйству. Правда, немного огорчилась, когда за все труды свои не выпил бражки, но и этому, поразмыслив,

нашла объяснение: «Вон он какой хворый. Видать, как-то ишо нутряная болюсть гложет. — Но расспрашивать не решилась, только прикидывала в уме. — Да-а, если в таку вот хворость так споро работает, то как же управляется, когда в здоровом теле!»

Но с ним, с его здоровьем, как говорится, было еще полбеда. Настоящая беда была с Мартой. И Агафья увидела это сразу. Она не была так обморожена, как Эльза, у которой обшелушилось все лицо и потрескалась до крови кожа еще и на руках. Марта после кратковременного улучшения — будто по заказу на эту поездку! — вся горела и потеряла ориентацию. Она даже не сразу признала, что перед ней ее Генрих, и смотрела на него отсутствующим взглядом. Да и он не сразу признал в этой старой изможденной женщине свою маму. А признав, мальчик припал к ней и целовал ее лицо и руки. Он уже понимал, что происходит нечто страшное и непоправимое, чувствовал свое бессилие и не переставал теревить ее:

— Мама, мамочка! Тетя Эльза, баб Агаша, с ней ничего не будет? Ничего? Нет, нет?

И Марта вдруг очнулась. Очнулась от очередного забытья и судорожно, словно пронзил ее какой-то электрический разряд, вцепилась в своего сыночка.

— Генрих! Сыночек мой! Ты со мной! — кричали ее глаза, а наружу вырывался лишь еле различимый шепот. Но уже внятнее: — Господи, помилуй нас! — И снова уход от реальности. И снова безотчетный страх за нее в глазах ее сыночка.

И чтобы как-то отвлечь и успокоить Генриха, решено было отправить его на ночь с девочками к Наталье, которая всегда с радостью принимала их у себя.

Приходя в сознание, Марта подолгу не могла вспомнить, где находится. Пока Агафья или Эльза не подходили к ней. Тогда она сразу вспоминала и то, что Генрих теперь с ней, и успокаивалась. В это время Агафья умудрялась накормить ее с ложечки. Пусть самую малость, но все равно это поддерживало ее. Так беспокойно для Марты и прошла эта первая ночь не в казенном доме. Первая за долгое время.

А рано утром, так никого и не зарезав, но заплатив хозяйке за сено и за ночлег, уехали казахи. Их не испугался даже маленький Эрих, поначалу забившийся в угол от незнакомцев. Но потом так разыгрался с ними, особенно с пожилым Алике, да еще после того, как распробовал подаренный ему самый настоящий пряник, что прямо друзьями стали — водой не разлить. С беззаботным видом усаживался он к нему на колени и с огромным энтузиазмом ручонками изучал жиденькую бороду аксакала. Тот же в свою очередь дурашливо щекотал его этой бородкой, отчего малыш заливался звонким колокольчиком. Ему вторил хрипловатым смехом Алике, а глядя на них обоих, не сдерживала улыбки и Эльза. Вдосталь наигравшись, мальчуган так и заснул у него на руках. Ну, а большую часть ночи гости просидели в беседе с Егором. О чем был тот разговор, Эльза узнала от него уже наутро. Впрочем, и догадаться было нетрудно: он просто сиял от радости.

— Я все рассказал им о себе, и они пообещали дней через пять-шесть заехать за мной на обратном пути. Ну, в общем, как только закончат свои дела. Эльза, я же доеду с ними почти до самого дома! Теперь я понимаю, почему не уехал вчера. На все есть Господня воля.

— Воистину, на все, — порадовалась за него и Эльза. — Ты только не забывай там молиться о Марте, Егор.

— Я напишу вам сразу же, как буду дома. Только бы мне добраться. Я не видел детей целую вечность.

К вечеру того дня Марту парализовало. У нее отнялась вся правая сторона, и она уже не могла пошевелиться. Агафья упорно натирала ее соком редьки и поила отваром майских целебных трав, единственными доступными лекарствами в тех условиях, но результата пока не было. Она угасала на глазах, и Эльзе с Егором оставалось только молиться за нее. Что они и делали с усердием. Иногда к ним подходила Агафья, прислушивалась к словам и, вздыхая, повторяла про себя одну и ту же фразу. «Неуж Он вас услышит? На иконку бы надо молиться, на иконку. А так, че ж, в пустоту-то».

Слух о том, что помирает у Агафьи приезжая немка, быстро распространился по селу. И у многих сразу же нашлось «заделье», чтобы зайти к ней. Но поскольку Каравайха никого дальше ворот не пускала, послом от любопытных не замедлила явиться сама Пелагея Никитична. И настырным образом — ну, хоть одним глазком, не чужая ведь я тебе! — пыталась пройти она в избу, несмотря ни на какие протесты и доводы Агафьи. Пришлось тогда той схитрить да пристращать родственницу.

— Ну что ж, ладно, — тяжело вздохнув, отступила от ворот Каравайха, — заходи. Только потом пеняй сама на себя. — И понизила голос. — Гляди, дева, болесть у нее ши-и-ибко переходчивая. Как бы тебе туда, — закатила глаза к небу, — вперед ее не загреметь.

— Брешешь! — Так и отпрянула от ворот сердобольная родственница. Но на всякий случай засомневалась: — Как же ты сама-то ишо не загремела?

— А у меня вот, — чуть оголила поцарапанную руку из-под фуфайки Агафья. — Видишь, укол? Мунитет у меня теперя спротив болезни. Поняла? Хочешь укол?

Пелагея не хотела. Ей даже одним глазком взглянуть и то расхотелось. Да и не только ей. Ни одного любопытного не нашлось больше проведать больную немку.

Прошло шесть дней, а Егоровых попугачиков так и не было. За это время он отремонтировал все, что можно было отремонтировать в Агафьином доме. А когда перестелил подгнивший пол на голбце, подкатилась к нему и Наталья, крутившаяся тут каждый день. Что, мол, взять бы да перебрать у меня в погребе картошку, и которая портиться начинает, так и отдать бы ее Эльзе с ребяташками. А заодно, мол, также пару досок подгнивших на голбце заменить, до которых у Ваньки руки не дошли, да чуток подкопать бы. Ну, надо, так надо. Пошел к ней Егор в тот шестой день. Картошку перебрал и с три ведра чуть задрябшей, но еще хорошей, унесла Наталья Эльзе. Потом и доски заменил. Подкопал в погребе, подправил, где хозяйка велела, а напоследок решил ей там полочки соорудить. Копнул стену раз, копнул

другой. И кричит хозяйке, что, мол, спускайся-ка сюда, Наталья. Дело, мол, есть. Наталья туда.

— Что за дело? — спрашивает.

— Вот смотри, — показывает Егор на стену. — Твоя?

Пригляделась хозяйка: банка жестяная круглая в стене замурована.

— Вот, войлоком промасленным прикрыта была, — показал Егор и подковырнул ее осторожно ломиком. — Примай, — она в руки Наталье и выпала.

— Чижола какая, — недоумевает Наталья, рассматривая ее. — И че там внутри? Глянь, ее и не открыть. Она еще и крышкой запаяна!

— Да, намертво. Ну, если желаешь, откроем, — предлагает Егор. — Твоя же?

— А то чья еще, — беззаботно отвечает хозяйка. — Раз в моем голбце, значит, и моя. — И вдруг начинает беспокоиться: — Открывай скорее.

Вылезли из погреба, Егор топором крышку прорезал, отогнул.

— На, — говорит, — любуйся. Только разум не потеряй.

Смотрит Наталья и глазам не верит: золотые кольца, брошки, цепочки...

— Че это, Егор? — и инстинктивно баночку ту к себе прижимает.

— То и есть, что золото. Награбленное.

— Дак почему же обязательно награбленное? С чего ты взял?

— Потому, девка, что заработанное горбом в стены подполов не прячут. Или не кумекаешь?

— Дак скумекала уже. Значит, правду в пьяном угаре Миколка бормотал. А я думала — блажит. А переспрашивать боялась. Что ж мне с этим добром теперь делать? — не спрашивает уже, а рассуждает она сама с собой.

— Если ты меня спрашиваешь, то вообще-то, говорят, сдают найденное государству, и процент какой-то с этого получают.

— Ага, щас я им и сдала. Если и впрямь награбленное, меня же еще и посодют. А я здесь причем? Не-е, нельзя показывать. Никому нельзя. Егор, возьми, что хочешь отседа, только не говори никому, а?

— Не волнуйся, Наталья, никому я ничего не скажу. Но и не возьму ничего. Ни к чему мне это.

— Да как же ни к чему, когда я слышала, что путь тебе ишо далекий, а? Возьми, я ведь от души.

— От души ты, девка, картошки бедным людям дала, это — да. За то тебе и спасибо. А вот этот клад ничего, кроме зла и беды, тебе не принесет. Да и никому не принесет. Одно только могу тебе советовать. Прислушайся, что Бог говорит.

— А что Он говорит?

— «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небесах... Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Подумай над этим, Наталья.

— А я попробую, — вдруг твердо заявила она, и глаза ее сверкнули нездоровым блеском. Просто зримо за это краткое мгновение переменялся человек. — Я соберу.

Откуда тебе знать, может, как раз Бог и послал мне это. Потому что сколько надо мной в жизни измывались, не знаешь? То-то. Отец бил? Бил. И муж бил да издевался. В нужде да голоде, бес хромой, держал, а в закутке, вишь ты, золото хоронил. У-у, bestия колченогая. И что? Скажешь, я не заслужила, чтобы пожить, как люди? Заслужила, Егор, заслужила.

— Да я разве что говорю. Я же про другое. Я про то, что изводит человека дармовое богатство. Душу изводит. Остывает она к добру...

— Меня не изведет. И душа не остынет. Я всем помогать буду. Перво-наперво мать от отца-оглоуда вызволю, потом... потом, — круг добрых намерений явно не обозначивался. — Да мало ли чего с деньгами можно сделать, а Егор?

Ответить он не успел. Во дворе раздался детский крик, и в избу вбежали Генрих с Эммой. Наталья торопливо, как это бывает с людьми, которые прячут украденное, когда их застают врасплох, сунула банку в столешницу и вся вспыхнула, увидев ироничный и в то же время сочувственный взгляд Егора. Он как бы говорил: «Осознаешь ли, Наталья, что вот с этого движения, с этого самого момента начались твои будущие беды? Не веришь наказу Божьему? Ну, что ж, время покажет».

— Дядь Егор, дядь Егор, — зачастили дети наперебой, — там твои казаки-баляки приехали. — Генрих для убедительности сузил пальцами глаза. — Те самые. Скорее, они вас ждут.

Егор развел руками, не скрывая радости:

— Ну, вот, а я уж грешным делом подумал, что не смогут. Или не захотят. Ну, что ж, Наталья, прощай. Да слов тех не забывай. Пошел я. Спасибо, что Эльзе помогла.

— Так ты не скажешь?

— Нет. Ты сама всем расскажешь. А мне это незачем. Будь здорова.

— Я тебе верю. Ты — мужик, — облегченно вздохнула Наталья, вновь вытащила банку и забормотала, провожая взглядом удаляющегося Егора. — Вот не позвала бы тебя — и ввек бы оно не открылось. Как же его, богатство это, Ванька не обнаружил? Копался ведь везде.

И похолодела от внезапной догадки: знал Ванька про золото! Для того и все полы подымал, вроде как чинить, а они еще какие ядреные. И до сих пор стоят — ни намек на грибок. Так ведь из лиственницы! А она, дура, думала, он все из-за нее старался. Знал Ванька, из-за чего из кожи лезть! Следом вспомнила она, что без всякой надобности строил он и копал в стайках, а главное, вспомнила оброненные им после похорон Микола нечаянные слова, дескать, не знаешь, хозяйка, не ведаешь, как разбогатеешь за счет упыря водяного. Она тогда и про него подумала, что блажит дурачок, а вон оно как обернулось. И еще страшнее мысль: нет, не та, что вовсе и не дурак он — в этом она давно не сомневалась, а та, как утоп Микола. И как перестала бить Ваньку после этого падучая. Она видела это, да и сам он хвастал-радовался. Ни одного ведь припадка больше с того памятного последнего на озере не было. Все новые и новые подробности, которым

раньше не придавала значения, всплывали в сознании Натальи.

Два раза незадолго до события она видела его возвращавшегося с озера с какой-то дьявольской ухмылкой. Может быть, он предчувствовал Миколы погибель? У дураков есть предчувствие. Дак не дурак ведь. Или...

Наталье впервые стало страшно одной в своем доме. Пусто и страшно. Отовсюду вдруг стал мерещиться ей Ванька, который дурачком-то как раз и не был. Надо рассказать кому-нибудь, иначе со страху помрешь. И остановилась. Так ведь Егор-то так и сказал: сама, мол, расскажешь. Ну, сама, так сама. Только не сегодня. Сегодня надо обмозговать все как следует. Успокоиться надо...

Глава 11

Прощание было скорым. Торопились мужики: подержались дольше положенного на Тюменщине. Но терпеливо дожидались, пока молились Егор с Эльзой и всеми ребятами над Мартой. Даже шапки свои сняли. А напослед подарил Эльзе старший Алике большой кусок мороженой лосятины, дескать, для больного человека мясо это самое что ни на есть целебное. И поблагодарили друг друга за все доброе, что случилось у них. На том и расстались. Агафья, так та даже всплакнула, перекрестившись. Жалко ей было Егора.

Вот ведь совсем недолго, чуть больше недели, пробыл человек, а какую память по себе оставил. И теперь о чем бы ни начинался разговор, а уж обязательно его имя упомянется. Даже ребятишки, желая в чем-то убедить один другого, частенько ссылались на него как на авторитет: так, мол, дядя Егор говорил. А то, что он уверенно заявил перед отъездом, что обязательно выздоровеет Марта, вселяло в них надежду и оптимизм, столь необходимые в этих условиях. Ее сразу и перенесли от Агафьи после его отъезда. «Кончился мой лазарет», — горько шутила Каравайха.

Но состояние Марты не улучшалось. Оно было каким-то переменчивым: вот вдруг очнется она и начнет разговаривать в ясном сознании. Лево́й рукой Генриха погладит, взъерошит ему волосы и нашепчет ласковые слова. Но только на ухо, потому что видит, что он уже стесняется быть «маменькиным сынком» — большой уже стал. Эти-то мгновения, видимо, и поддерживали затухающую жизнь в брэнном теле. В эти минуты в особенной благодарности молится Марта Богу и славит Его за всех вот этих, ставших ей родными, людей. А в душе Эльзы забрезжит светлячок надежды на счастливый исход, — пусть парализованная, но чтоб жива была! — а часа через два-три снова удушье, судорога и забытье. И снова стоит около нее в молитве Эльза. Не уставая просит на коленях Бога помиловать их всех.

Зашел однажды и Степан в сопровождении Агафьи, потоптался неловко, покашлял:

— Ты, Лиз, того... Может, батюшку, ну, попа, то есть, из города привезти, а? Он там в районе нынче будет, а я еду тудой. Мне че, я бы и привез. И отвезть отвезу, а, как думаешь?

— Спасибо тебе, дядя Степан. Но Марта не умрет. Я...

— Да откэда тебе знать: умрет — не умрет? — перебил он ее. — А хошь и не умрет, наперед причаститься не помешат. А ну, как умрет без причащения? Ладно — нет говорю, Агаша? Вот, видишь, — Степан глубоко вздохнул, — все, Лизонька, ворочается на круги своя. Кому долго жить, кому мало, а все мы в землю воротимся.

— Все, все, — глубокомысленно подтверждает Агаша. — Все туды пойдём; все там будем, только не в одно время.

— Ну, так как, Лиз? Привезти попа?

— Спасибо, дядя Степан. Только я сама с детьми прошу Бога, и Он услышит нас, если на то будет Его воля. Разве поп больше нас любит Марту? Нет. Больше нас ее любит только Сам Бог. Почему тогда поп, а не мы будем просить за нее?

— Ну, как знаешь, было бы предложено, — пожал плечами Степан, подошел к койке и наклонился над Мартой. — Какая хоть она там?

И в этот момент Марта открыла глаза и встретила с его глазами. Краткий миг — и снова смежились воспаленные веки. Степан медленно выпрямился и странным, даже недоуменным взглядом обвел избу:

— А ведь выживет девка. Вот те крест, выживет.

— Да че ж ты там увидел? — забеспокоилась Агафья. — Че, говори?

— Че, че? — нахлобучил шапку явно взволнованный чем-то Степан. — Жисть в ней увидел, вот че. Выживет — и все тут. Молись, Лиза, выживет твоя подруга. За меня бы кто так молился, и я бы выжил. — И вышел скорым шагом.

Такой прогноз еще больше ободрил Эльзу, но на следующий уже день всех их ждал еще один удар. Эльза с ужасом обнаружила, что лицо Марты перекошило: рот ее повело в левую сторону и уголок губ приподнял кверху. Она мучительно пыталась что-то сказать, но речь ее разобрать уже нельзя было. Слова сливались в одно сплошное мычание. Долгое время Эльза не могла поверить в это и в состоянии аффекта тщетно пыталась разглядеть, возвратит ли на место ее губы. Потом опомнилась и закачалась из стороны в сторону, закрыв голову руками.

«Господи, наверное, у каждого человека есть тот предел, за которым он уже не в состоянии вынести страдания. Если это предел, возьми ее, мой Бог, к Себе. Но скажи мне, объясни, зачем тогда Ты нас спасал от той лютой стужи? Я ничего не понимаю, мой Господь. Помилуй нас и прости». И так же, как и тогда на ту подножку, пришел ей ответ. Только теперь он не проник откуда-то извне, а возник в самой что ни на есть глубине ее души, и уже оттуда она услышала его. Благословенным теплом наполнил этот ответ все самые сокровенные тайники души и пролился слезами умиления. И радостью осветил ее лицо. Эльза заботливо укрыла Марту одеялом.

— Что, Марте лучше? — догадалась вошедшая Агафья и быстро нагнулась над Мартой. И тут же запричитала: — Свят, свят, свят! Да что же это такое, Марта? Эльза, да как же это? Вчерась же получше было. Вон и Степан говорил, что выживет, а? — И еще раз взглянув на Эльзу: — Дева-а, а ты никак радуешься? Или че это?

— Радуюсь, тетя Агафья. Мне ответ от Бога был.

— Иди ты! — привскочила Агафья. — Давно хочу тебя спросить: ты взаправду слышишь Его или всем вам только чудится. Как ты можешь учуять Его, если ни иконки, ни образа нет, а? Где тогда Он, что ты слышишь?

— В сердце, тетя Агаша.

— А слышишь как?

— Сердцем же и слышу. Он прямо в сердце и говорит.

— Мудрено, Лиза. Ну и че? Че сказано было теперь?

— Что молиться надо. Больше молиться.

— Дак ты и так не встаешь, молишься, а ей все хуже, — немного разочаровалась хозяйка, и как бы оправдываясь за расспросы: — Я ведь тоже все жду, а результату нету. Может, и я тогда бы че почувствовала сердцем.

— Помолись сегодня со мной, тетя Агаша, может, и почувствуешь. А? Помолишься?

— Не-е, я сама у себя помолюсь. Я без иконки не могу.

— А ты просто со мной постой. Я буду молиться, а ты постой. Мне это очень надо, тетя Агафья.

— Ну, давай. Ежли это надо, че ж не помолиться... — И склонилась у постели Марты, прислушиваясь к горячему шепоту Эльзы, к словам незаученным, которые ни

на какой бумажке не прописаны: просто говорит, что думки свои Богу излагает.

Так их и застала Наталья. С того самого дня, как уехал Егор, всего раза два и захаживала она к соседям. Только спросит про Марту — и опять домой. Была она какая-то вся не своя: больно уж раздражительная. Ни Эльзу, ни ребятишек к себе не звала больше, а тут вот появилась. И не сказать, чтобы с добрыми намерениями, потому что вместо приветствия вдруг с места да в карьер возмущение стала высказывать.

— Во! И эта туда же! — вытянула она руку на Агафью. — Куда конь с копытой, туда и рак с клешней. Ну, не дадут человеку помереть спокойно, не дадут. Да виданное ли это дело?

— Что это с тобой, кума? — воззрилась на нее Караванха. Обозначение кого-либо «кумой» или «кумом» означало крайнее ее раздражение. — Не с той ноги встала? Чего разошлась, как кипящий самовар?

— Да того самого, — не испугалась соседка. — Человек при смерти, а они молебны устраивают. Ей ваши молитвы — что мертвому припарка. Может, еще песни запоете? — с вызовом бросила она, явно рассчитывая на ссору. Но женщинам было не до этого. Агафья pokrутила у виска пальцем.

— Окстись. Хоть бы детей или больного человека постеснялась, — покачала она головой и вышла в сени.

Эльза же в недоумении смотрела на Наталью, стараясь уловить цель ее прихода. А та быстро переключилась на нее:

— Лиза, а что тебе Егор говорил, когда уезжал?

— Я не помню, Наташа, — просто ответила Эльза.

— Вспомни, Лиза. Обо мне что-нибудь говорил?

— Много говорил. Говорил о тебе будет молиться. Нас просил тоже.

— И что, все?

— Про тебя — все. А так много. Он скоро написать должен. Я скажу.

Похоже, это успокоило Наталью. Она наконец присела.

— Наталья, что случилось? Ты тоже заболела? Тебя совсем не видно.

— Дела у меня, Лиза, дела. Как сажа бела. К тебе шла, рассказать хотела, а подошла — и ровно бес вселился. — Говорила она отрывисто, то и дело оглядываясь по сторонам, и у нее даже менялся тембр голоса: — Да оно и к лучшему. Не хочу, чтобы в мои дела лезли посторонние. Потом тебе одной как-нибудь расскажу. А как дела у подруги твоей? Еще дышит? — И снова раздражение в голосе. — К врачам бы ее в район отвезти, а вы молитвы свои тут устраиваете.

— Нам нельзя врачей, ты же знаешь, — сказала Эльза и твердо добавила: — Да и не надо.

— Потому что у вас Бог, да? — с некоторой издевкой выдала Наталья.

— Да, — Эльза сделала вид, что не заметила насмешки.

— Лиза, — поманила Наталья рукой и, когда та нагнулась, зашептала, не переставая оглядываться: — Я за-

гадала: если Марта оздоровит, я в вашего Бога поверю. Она оздоровит?

— Так нельзя, Наталья. Богу нельзя говорить условия... Ставить. Понимаешь?

— Почему это? Другим можно, а мне нельзя?

— С чего ты брала? Никому не можно. Тогда Он не услышит.

— Вот мы и посмотрим: услышит или не услышит. — Наталья встала. — Ая, если услышу, что Марта здорова, сразу же поверю в Него. Поняла?

— Нет, теперь ты не поверишь сразу, Наташа, — покачала головой Эльза. — Так не будет. Скажи, что у тебя есть тут, на душе.

— Нет там ничего, Лиза. Но будет, — она вдруг распрямилась, и глаза ее заблестели каким-то нетерпеливым желанием. — Скоро я... — И осеклась, будто кто-то резко перебил ее. — Ладно, зайду на днях, договорим.

Но не пришла ни на днях, ни позже.

Зато пришел апрель, и весна всю предъявила свои права. И не принимая во внимание никакие доводы, заторопила, а где и взащей погнала со всех просторов строптивную зиму, оживляя заледеневшую от скуки природу.

В тот день, вернувшись рано утром в избу с дровами, Эльза увидела у кровати Марты Агафью, часто осенявшую себя крестным знаменем, и сердце у нее екнуло: «Все! Господь пришел за Мартой» — и промелькнула в

голове услышанная недавно фраза: «Все возвращается на круги своя»... Она присела и тихо, медленно, по одному полешку, словно боясь спугнуть гнетущую тишину, стала складывать дрова у заслонки.

Но вот Агафья обернулась, и Эльза увидела, что все до единой морщинки на ее дряблом лице лучились счастьем. Казалось, что они разгладились, и лицо ее помолодело. Она, видимо, пришла попытаться покормить больную, потому что в руке держала миску с кашей. Взглянув на Эльзу, Агафья приставила палец к губам, сказала: «Тс-с-с» — и указала на койку. На первый взгляд, ничего не изменилось, но, приглядевшись, Эльза увидела чуть заметный румянец на щеках Марты. Она склонилась и услышала ровное-ровное дыхание, без ставших уже привычными прерывистых всхлипов и натужного сипения. Но что-то еще изменилось в самом ее облике. Что? И тут, наконец, до Эльзы дошло то, что должно было бы замечено быть в первую очередь: исчез перекося лица, и оно снова было правильной формы! Неужели, Господи?

Марта же, словно желая развеять последние сомнения, потянулась во сне всем телом, выпростав из-под одеяла обе руки, и, повернувшись на бок, сложила их ладошками под щеку. Все поплыло перед глазами, закружилась голова, и зашлось сердце, и Эльза тихо сползла на пол, приклонив голову к койке. Что-то сбрыкало сзади. Еще и еще. Она оглянулась. Позади нее рядом с опрокинутой миской стояла на коленях тетка Агафья и в слезном благоговении беззвучно шевелила губами. О чем

молилась старушка? Теперь, воочию убедившись в силе Всевышнего, устремилась она к Нему всем своим сердцем, испрашивая прощения за те сомнения, которым подвергала молитвы Эльзы, Егора и всех ребятишек, просивших за Марту.

Исцеление Марты принималось ею, как данность, как очевидное Божье благо еще и к себе, и можно было расслышать, о чем просила Его ее наивная, независтливая душа: «Пошли теперь и мне милость, Господи, помилуй моего сына, если он живой. Дай успокоение в старости».

Она не сразу поняла, что произошло после этих ее слов, потому что такого никогда с ней не было. Все ее существо обволокло вдруг зыбкой волной какой-то таинственной, неведомой ей доселе неземной радости и разлилось тепло Христовой любви, наполняя все ее существо так, что от нахлынувшего умиления перехватывало дыхание, и она не замечала слез благодарности, обильно орошавших ее лицо. И только повторяла в пришедшем к ней познании: «Вот о каком ответе говорила Лиза. Вот как его слышишь. Вот она какая — Твоя любовь, Господи. Какое же это счастье, что успела услышать Тебя!»

И эту благословенную минуту нарушил требовательный детский голосок. Это Эрих, проснувшийся из детей первым, маленький Эрих, подбежал к маме и теребил ее за подол: «Мама, мама!»

Эльза села на койку подле Марты и взяла его на руки. Мальчик иногда подкрадывался к этой бледной непод-

вижной мумии, но большого интереса она никогда у него не вызывала. Но в этот раз он вдруг взвизгнул, заверещал от радости и потянулся к ней ручками. Неужели даже несмышленьиш признал в ней жизнь! Заверещал малыш с таким восторгом и так громко, что сбежались все остальные дети и, осознав свершившееся чудо, столпились в охватившем их трепетном волнении вокруг мамы.

Детский вскрик пробудил и Марту. Она вскинула глаза и быстро-быстро переводя их с одного счастливого лица на другое, никак не могла понять причину их радости. И лишь когда инстинктивно приподнялась и села, чтобы принять на руки тянувшегося к ней Эриха, то так и застыла в немом замешательстве. Тут же всю ее обсыпали дети: они залезли на кровать и обнимали, и ласкали ее со всех сторон, а Эрих теребил их всех и заливался счастливым смехом. Генрих с головой зарылся у мамы на груди, и только худенькие плечи его слегка вздрагивали, а Марта гладила своего сына и молилась. Наконец все успокоились в молчаливом ожидании. И она, опершись на руку Эльзы, с некоторым страхом ступила на пол и встала. Но прежде чем пойти, тут же склонилась на колени, и вся изба наполнилась славословием Небесному Отцу.

Господь исцелил Марту не по долям, не «в день по чайной ложке» — исцелил сразу и бесповоротно. И пусть потом, спустя многие годы, люди, вспоминая об этом, говорили, что никакого чуда там не было, — просто, мол, стечение определенных обстоятельств, Марта всегда

отвечала, что какими бы определенными они ни были, но без одного, непреложного обстоятельства, никакое исцеление немислимо. И обстоятельство это — присутствие Бога в твоём сердце.

Прошли годы. Много, очень много испытаний, которые просто не уложатся в наше короткое повествование, ещё выпало на долю этих двух простых женщин-христианок. Но главный Рубикон ими уже был пройден. Они славили Христа не только, когда им было хорошо, но и перед лицом смерти надеялись и уповали только на Него.

Время неумолимо и бесстрастно. Оно никому не делает скидок. Приблизился венец земной юдоли и старшей из подруг, теперь уже бабушки, Эльзы. Узнав об этом, через тысячи километров примчалась к ней из далекой заграницы такая же почти старенькая Марта. Под конец поездки она проделала тот же их путь на поезде от Тюмени до Заводоуковска. Только теперь уже не на подножке. И напомнила об этом Эльзе. В деталях вспомнив весь тот путь, она спросила:

— Эльза, помнишь, как ты кричала: «Руки мои, рученьки! Не оторвитесь!» Помнишь?

И совсем уже ослабевшая Эльза приподнялась на подушке и удивилась в последний раз в этой жизни:

— Марточка, но я не кричала! Я молилась про себя, чтобы ты не услышала и не испугалась. Как же это?

— Так и есть, дорогая. Я слышала твою молитву. Ведь Он говорил с нами обеими.

И через сорок с лишним лет, прошедших с того дня, оканчивая свой земной путь, с нежной любовью и детским удивлением вновь посмотрела Эльза на свои руки и зашептала в полузабытьи: «Руки мои, рученьки! Вами тогда Господь спас нас с Мартой. Вами я теперь обниму моего Христа. Как мне это славно будет!»

Дорогой мой друг! Это повествование я принес тебе от самих дверей неба. Из уст уходящей к своему Христу бабушки Эльзы. Но рассказ этот не только о ней и ее Марте. Он о тех людях, вся жизнь которых с самого момента покаяния была дорогой к Небесному Отцу, к вечной родине, к небесным обителям. Несть числа страданиям, которыми был усеян их путь. Но только тот, кто брал крест и шел с ним по этому пути до конца, мог рассчитывать на награду. Потому что «многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие».

Легенда о голубке

Глава 1

День клонился к вечеру, но за горами еще угадывалось солнце. Оно заливало неярким светом их лысые макушки, а вот по эту сторону, на склонах, поросших кустарником, уже господствовала полутьма, и только внизу, в долине, догорали последние неверные отблески заката.

Капитан Горохов, осмотрев с сержантом Зелениным несколько полуразрушенных мазанок, лепившихся к подножию горы, дал отбой прикрывавшим его бойцам. Никаких признаков жизни в покинутом селении не было, и солдаты, переговариваясь, уже взбирались на БТР, когда изменившийся в лице механик сдавленно крикнул:

— Духи!

Этого возгласа Горохов не слышал: он вздрогнул от истошного, пронзившего воздух вопля:

— Алла акбар!

Из-за глинобитной мазанки внезапно выскочил моджахед и, прицеливаясь из гранатомета, припал на колено. Зеленин с размаху бросился на землю, а капитан успел обернуться, дать очередь из автомата и удивиться: «Как же это я обмишулился? Там ведь никого не было!» Но моджахед тоже выстрелил, и взметнувшийся ввысь земляной столб накрыл бросившегося к дувалу Горохова.

И в эту самую секунду из «зеленки» по бойцам на БТРе ударили «калаши».

Приподнявшись, Зеленин смог различить лишь неестественно торчавшие из земли, оторванные, как ему показалось, ноги капитана. Он пополз было к Горохову, или, вернее, к тому, что от него осталось, но земля перед ним просвиристела и вздыбилась фонтанчиками пыли, и он, в отчаянной злобе полоснув в ответ по «зеленке», петляя, побежал к своим. Пуля настигла сержанта прямо перед БТРом.

— Олега — в клочья, — прохрипел он, падая на руки ребят.

— Видели...

— Отходим... — выдавил он из себя и потерял сознание.

Через какие-то десять-пятнадцать минут в воздухе появились вызванные разведчиками вертолеты и превратили горы, долину и нехстати подвернувшийся под руку кишлак в сплошное месиво, обеспечив тем самым безопасное прохождение грузовой колонны к Кабулу. В общем, задание свое разведчики выполнили.

Олег очнулся в крошечной темноте. Сколько он здесь лежит, капитан не знал. Он потерял счет времени. Вокруг стояла неправдоподобная, гнетущая тишина. Не было слышно ни адского грохота бомбежки, ни криков, ни выстрелов, а вроде бы вот только что звучали они в ушах... Сообразив, что его засыпало землей, Олег, с трудом высвободив руки, смел ее с лица и чуть приоткрыл глаза.

Луна и звезды показались на чужом фиолетовом небе бесконечно далекими — не достать! Они лили на землю матовый свет, делая местность узнаваемой и вместе с тем придавая ей фантастические очертания. Самая яркая из звезд, холодно поблескивая, цепко глядела на Олега своим стальным взглядом, а когда он прикрывал глаза, касалась его ресниц дрожащей — то цельной, то прерывающейся, — многоцветной паутинной нитью.

Олег лежал поперек пролома того самого дувала, к которому кинулся за секунду до взрыва. И по ту сторону дувала он увидел торчащие из земли ноги. Ровно так, как их увидел и Зеленин. Может, это не его? Своих ног он не чувствовал, а потому со страхом попробовал шевельнуть ими. Они и шевельнулись, но острая боль, пронзив все тело, вместе с радостью породила отчаяние.

«Все, приехал!» — отрешенно подумал Олег. Превозмогая боль, он с трудом, после нескольких попыток вылез из завала.

Чуть поодаль Олег заметил верблюжонка и в какой-то неосознанной надежде пополз к нему. Но вблизи верблюжонок обратился в груды глины того же развороченного дувала. Силы покинули капитана, и он, перевернувшись на спину, вновь вперил немигающий взгляд в чужое неприветливое небо.

Странно: ведь случилось то, что и должно было случиться. То, к чему он так упорно стремился. Ему казалось, что он давным-давно готов к смерти. Это равнодушие к жизни пришло после того, как он потерял Искру. Свою любимую жену, так внезапно и так навсегда по-

кинувшую его в этом мире. И вот теперь, когда извечная разлучница смерть, заглянув ему в глаза, захолодела душу, Олегу нестерпимо захотелось жить.

Неожиданно родилось сравнение: Искра погибла там, в Ташкенте, все еще лежавшем в руинах, в огненном пламени пожара. Он, опаленный войной, умирает в развалинах неизвестного кишлака...

Мысли спешили наперебой: конечно, Искра давно уже там, у Бога. Приняв в свое сердце Христа, она неустанно умоляла Олега последовать ее примеру. А он все оттягивал. То отшучивался, то просил повременить. Потом, потом, успеется. А когда ее не стало, отбросил все мысли о Боге, едва ли не обвинив Его в своем горе. И даже надеясь на встречу с Искрой в ином мире, не задумывался о том, что ему в этой встрече может быть отказано. Что она попросту не состоится — ведь он так и не покаялся.

И сейчас его охватил страх. Страх, который заглушил боль. Не его первого в предсмертную минуту посетило озарение. Озарение свыше. Дарованное Самим Христом. Здесь, под чужим небом, он из последних сил прошептал слова: «Господи, только позволь мне выжить. Я посвящу Тебе жизнь. Прости мне все, что я натворил. Не дай умереть непокаянному. А если и так — все равно разреши быть с нею. Ты же видишь: она как была, так и осталась моей единственной. Дай мне еще один шанс, Господи...»

Не он первый, не он и последний, кому дает Господь этот шанс. Почудилось вдруг Олегу, что небо над ним

преобразилось: радостнее, разбрызгивая вокруг себя радужные искры-переливы, засияли звезды. Теперь и та, самая яркая, смягчила взгляд и улыбалась ему. Олега охватило чувство умиротворенности. Он понял происхождение и этих лучей, и этого душевного покоя. И испытал облегчение.

Свет от звезд перламутром преломлялся на ресницах. Глаза были полны влаги. Он что — плачет? Значит ли это, что Бог услышал его? Ему захотелось встать и сказать еще много важных слов, которые, переполняя душу, спешили на ум, но где-то рядом, нарушая гармонию единения человека с Богом, зачастил пускач хлипкого тракторишки.

Спустя минуту-другую мотор завелся, и машина угрожающе двинулась на капитана.

«Да это же наш БТР! — мысленно изумился Олег, вглядываясь в неясные очертания машины. — Неужто „духи“ отбили его у ребят?»

Но тотчас понял, что ошибся. Это был их студенческий «чих-пах».

Неподалеку от дувала трактор остановился, из него выскочил Серафим, подал руку Искре, и они со всех ног бросились бежать.

Олег ясно сознавал, что это — Искра, но, как ни силился, разглядеть ее лица не мог.

А Серафим с Искрой все бежали и бежали к нему — и ни на шаг не приближались.

И тут Олег увидел подле себя того самого бородатого душмана — он прилаживал к плечу гранатомет.

— Назад! Назад! — истошно закричал Олег жене и Серафиму.

Бородач оглянулся:

— Не ори! Криком ты их только погубишь. Если бы я не закричал «Алла акбар!», ты не успел бы меня убить. Ты убил мою любовь к свободе. Теперь я убью твою любовь к жизни.

Олег вцепился в душмана, и они полетели в глубокую воронку. Серафим и Искра едва успели схватить Олега за ноги. Он взвыл от боли и на секунду пришел в сознание.

«Ну, теперь уж точно — все!» — мелькнуло напоследок в голове, и он провалился в небытие...

Под утро его подобрала и увезла к себе семья местных пуштунов — муж с женой; их сын, как потом выяснилось, был офицером кабульского режима. У Олега — он метался в бреду из-за большой потери крови — были перебиты обе ноги. В бедре правой к тому же застрял осколок. Глава семьи, используя в качестве обезболивающего какую-то жидкость, удалил его сапожным ножом. Потом довольно грамотно наложил шины.

Рана постепенно затянулась, но на бедре от сапожного ножа остался шрам величиной в три пальца, а в желудке — устойчивое тошнотворное жжение от «обезболивающего». Когда сняли шины, выяснилось, что одна нога срослась неправильно — Олег не мог ступать на нее без боли. Но тут уж медицина в лице старого пуштуна была бессильна.

В течение трех месяцев пуштуны прятали Олега от

моджахедов. А когда тех выбили из провинции шурави, передали его советским военным властям.

На родине он уже числился в списках погибших; впрочем, его судьбой особо никто озабочен не был. Близких родственников у Олега не было.

В ташкентском госпитале, куда его направили после некоторых проволочек с выяснением личности, ему дважды ломали и восстанавливали ногу. Перед выпиской он подолгу (пока не напоминала о себе больная нога) бродил по обновленному Ташкенту. Бродил с какой-то навязчивой надеждой на чудо: ни много ни мало — на встречу с Искрой. Причем с каждым днем надежда не только не угасала — перерастала в уверенность.

Олег отчетливо помнил то видение: Искра с Серафимом удерживают его от падения в пропасть. И он выжил. Что, конечно же, было чудом. Ему хотелось верить, что на этом чудо не заканчивается. И его надежды оправдались: правда, иначе, чем он ожидал.

Разыскивая на городском кладбище могилу Тофика, Олег неожиданно наткнулся на могилку жены. Он был близок к обмороку. Фотография на памятнике и дата не оставляли никаких сомнений: здесь похоронена Искра. Почему же Сагина Каюмовна сказала Олегу, что она кремировала дочь? Выходит, даже после смерти Искры она продолжала винить во всем его? И как не хотела делить с ним дочь, пока та была жива, так не захотела, чтобы он оставался с Искрой после смерти.

На могилке лежали свежие цветы... Наверное, их принесла Сагина Каюмовна — женщина она еще не

старая. Встреча с матерью Искры была бы не просто бесполезной — ненужной для обоих. Ну ничего, теперь он знает, где похоронена его жена, и обязательно будет ее навещать.

Олег разделил букет, купленный для Тофика, на две равные части и оставил цветы Искре. И только отойдя от кладбища на приличное расстояние, он вдруг с тоской осознал, что не сделал сейчас для себя и Искры главного — не поблагодарил Бога. Вернуться? Но уже ныла натруженная нога. Да и молиться-то он толком не умеет. Ну ничего, завтра он обязательно выберется на кладбище и тогда... Однако он смог прийти к Искре лишь через три дня. С ним был товарищ по палате. Молиться в его присутствии Олег постеснялся. «Зачем обращаться к Богу прилюдно? — убеждал он себя. — Только поставлю человека в неловкое положение...»

Авскоре Олег уехал в город, из которого его призвали в Афганистан; там демобилизовался, получив очередное звание и медаль «За боевые заслуги». О ранении напоминала лишь небольшая, едва заметная при быстрой ходьбе хромота.

На гражданке он вернулся в геологию, и уже через год дела его стремительно пошли в гору: сначала его пригласили работать в управление, — мол, хватит блуждать по лесам и степям ветерану афганской войны, пора передавать опыт молодым. Потом он и вовсе стал одним из замов управляющего трестом. Входил в разные советы и комитеты, так что свободного времени ни на что не оставалось. И только иногда (по пути, с оглядкой) забе-

гал Олег в церковь, давал щедрые подаяния нищим старушкам, ставил свечи и украдкой крестился... Тоска по Искре была неизбывной.

Вновь и вновь он мысленно спрашивал себя, почему Господь допустил ее уход, почему именно ему, Олегу (ведь он старается никому не делать зла), приходится терпеть такую муку?..

Да, в трудную минуту человек обращает свой взор к небу, зная, что помощь может прийти только оттуда. А вот, поди ж ты, забыл Олег про свой обет — посвятить себя на служение Господу. И, как за соломинку, хватался он за то, что Бог долготерпелив (об этом говорила Искра). И милостив. Может, еще успеется...

Так пролетело несколько лет. Отбушевала война в Афганистане, страна содрогнулась от нешуточных потрясений, а личная жизнь Олега не претерпела больших изменений. Впрочем, сослуживцы начали поговаривать, что он вот-вот вступит в брак с одной добропорядочной женщиной из управления. Похоже, об этом не знал только Олег. Но слух упорно распространялся. И распространялся, по всей видимости, самой соискательницей семейного счастья. И кто знает, удалось бы устоять закоренелому холостяку перед натиском этой красивой женщины, не получи он письмо от двоюродного брата Юры.

Олег почему-то сразу взволновался. Долго рассматривал адрес на конверте, силясь припомнить, как выглядел Юра мальчиком, в восемь-девять лет. Он о нем ничего не слышал лет этак тридцать с гаком. Ничего путного из этого не выходило, и он распечатал конверт.

Из письма следовало, что брат случайно увидел в журнале его, Олега, статью с фотографией и послал в редакцию запрос.

«Я написал им все как есть, и они решили нарушить правила и дали твой адрес, — сообщал он Олегу и приглашал его в гости. И в конце письма: — Я проповедую Слово Божие в той самой церкви, где был пресвитером мой отец. Помнишь, когда он приезжал за мной, вы с ним много говорили о Боге? А помнишь, как мы с тобой учили библейские стихи на крыше?»

— Не на крыше, а под крышей, — вырвалось вдруг у Олега. Его глаза увлажнились, подернулись дымкой. — Боже мой, сколько же лет прошло! Все, еду!

— Куда? — робко пискнула секретарша, изумленно внимавшая его эмоциональным восклицаниям. — Куда вы хотите ехать, Олег Алексеевич?

— У меня брат отыскался. — Голос Олега дрогнул. — Помогите с билетами до Тюмени. Полечу из Москвы. Ну и оформите отпуск...

— Я думала, вы к свадьбе будете готовиться...

— А кто женится? — рассеянно спросил Олег. — Я? Не-е, не получится. Как-нибудь в другой раз... Когда полечу? Попробуйте взять билеты на завтра.

Олег собирался в дорогу в возбужденном состоянии, с каким-то радостным предчувствием. Он с удивлением обнаружил, что неплохо помнит то время. И это доставляло ему огромное удовольствие.

— Не на крыше, Юронька, не на крыше. — Не переставал он улыбаться. — На чердаке. Да еще и с сухарями.

Глава 2

В немногочисленном в то утро здании Тюменского аэропорта сердечно распрощались двое мужчин, и один из них, тот, что помладше, вернулся к ожидавшей его машине, а другой шагнул в глубь зала. Это был немолодой, чуть выше среднего роста человек, в ладно сидевшем на нем синем джинсовом костюме, соломенной шляпе аля сомбреро и синих, с белыми полосками кроссовках; через его плечо на ремне была перекинута спортивная сумка. В правой руке он держал небольшой полукруглый чемоданчик.

Достав из нагрудного кармана куртки билет, мужчина сверился в справочной с расписанием и, довольно хмыкнув: «Есть еще время», прошел в зал ожидания. Сев на лавочку, Олег — а это был он — поставил сумку в ноги, облокотился о чемоданчик и закрыл глаза. И тотчас отключился от суеты аэровокзала; только монотонный голос диктора, время от времени объявлявший о посадке и регистрации, отвлекал его от приятных воспоминаний. Продолжая опираться о чемоданчик, Олег прикрыл ладонью глаза и так, отрешенно, просидел довольно долго.

Он вновь и вновь прокручивал в голове события двух последних недель, которые провел на Тюменщине у Юры. Здесь неожиданно для самого Олега его жизнь, жизнь пятидесятилетнего человека, приобрела совершенно новый смысл, наполнилась ни с чем не сравнимой радостью и нетерпеливым ожиданием новых благословений — а в их приходе Олег не сомневался. Ведь это

случалось с ним не раз, и он принимал эти благословения, но потом, когда до покаяния оставался один шаг, под благовидным предлогом сам же от них и отказывался. Теперь он знал, кто останавливал его на полпути. Наконец-то все его сомнения разрешились. И помог ему в этом Христос, избрав для этого Юру, его драгоценного брата — отныне еще и по вере.

Как-то так само собой вышло, что поначалу они только и делали, что вспоминали детство. Восстанавливали в памяти мельчайшие детали прошлого. Собственно, лишь оно одно и связывало их, потому что было общим. А что случилось потом, когда они расстались, когда их пути разошлись? С Юрой все было более или менее ясно: знавший Бога с детства, он пошел по стопам отца. А Олег? Как обстояло дело с ним?

Олег впервые поведал о себе все без утайки. И особо — об Искре. А этого прежде он не делал. Да, он говорил, что любил ее больше жизни. Ему казалось, это достаточно для того, чтобы друзья и знакомые поняли, что она для него значила и что она была за человек. Но Юре он рассказал об их отношениях во всех подробностях. А рассказав, освободил душу от страшного гнета. И в конце не удержался и задал брату мучившие его долгие годы вопросы: почему она должна была уйти, если так любила Бога? Почему он, Олег, должен был остаться без нее и страдать всю дальнейшую жизнь? Себя он спрашивал об этом сотни раз, другого человека — впервые.

Юра не перебивая выслушал исповедь Олега, а после того, как тот обратился к нему с вопросом, надолго за-

думался. Он размышлял о превратностях судьбы. Так они и сидели друг против друга, уйдя в себя, изредка вздыхая и поочередно произнося «м-да-а...». Внезапно Олег вскинулся и заторопился, словно испугавшись, что может быть превратно истолкован:

— Только пойми меня правильно, я уже давно не виню Бога. Просто хочу знать: почему?

— Почему Он это допустил?

— Именно.

— Знаешь, мне тоже случается задавать себе такие вопросы. И когда я спрашиваю об этом Бога, ответ приходит ко мне самым чудным образом. Вот послушай. Одолевали меня как-то сомнения. И тут один покаявшийся зырянин¹ приносит мне старый-престарый журнал. Увидел он — а надо сказать, что это был человек неграмотный, — изображение распятого Христа и решил, что журнал христианский. Ну и принес. Клеенный-переклеенный, да еще с несколькими рукописными страницами, пришитыми нитками. Сколько же людей его листало? Сколь многим он открыл глаза, помог найти Спасителя? Так вот, там я прочел что-то вроде притчи. Хочешь, расскажу?

— Конечно.

— Я почему про притчу эту вспомнил? Слушая тебя, я будто воочию увидел твою Искру — увидел ее как чистого, еще неиспорченного миром ребенка, возлюбившего Бога...

— Так оно и было, — вздохнул Олег.

¹ Устаревшее название представителя народа коми.

— А теперь послушай, что говорит Писание через пророка Исаию: «Мужи благочестивые восхищаются от земли, и никто не помыслит, что праведник восхищается от зла». Понял?

— Нет, — честно признался Олег.

— Она была восхищена от зла, как благочестивая праведница. От зла, понимаешь? Об этом-то и рассказывает притча. Твоей Искре, как нежному, неприспособленному к нашему злему миру цветку, грозили страшные беды. Для белоснежной лилии опасна даже пыль. Хотя бы потому, что пыль эта серая. Господь знает, что лучше для Его цветка. Наш небесный Садовник счел нужным пересадить твою лилию в другое место — более прекрасное и безопасное. А что Он восхитил ее от земли так рано, то сделал это для того, чтобы уберечь ее от зла; чтобы она не осквернилась грехом мира. Стало быть, Он предвидел бури, грозившие ей, но скрытые от нашего ограниченного взора. Потому и взял ее так рано в Свое Небесное Царство. И теперь она в Его саду, вдали от печали и слез, ликует в свете вечного дня. Разве ей там не лучше? Посмотри, как по земле расползаются цинизм и неверие!

— Значит, и я к ее уходу руку приложил, — снова вздохнул Олег. — Чего-чего, а цинизма в моих шутках-отговорках хватало.

— Но жизнь-то продолжается. Послушай-ка лучше притчу: «У одного человека умерла единственная дочь, которая была ему дороже жизни. И вот как-то раз снится ему сон. Будто идет он по саду и вдруг видит: возле дороги растет чудесный цветок. Смотрит на него несчаст-

ный отец — и не может глаз отвести. Настолько он ему по сердцу пришелся. Но любовался он им недолго: появился садовник и принялся тот цветочек выкапывать.

— Не тронь его! — закричал отец. — Я полюбил его всем сердцем. В нем вся моя жизнь!

— Но я хочу пересадить его в другое место. Там ему будет лучше, — ответил садовник. — Здесь, у дороги, цветку расти опасно. Мало ли что может случиться.

И вот отец видит цветок уже на новом месте. Расцвел он пышнее прежнего, и солнце, наполняя все вокруг безудержным ликованием, трепетными золотыми лучами касалось его нежных лепестков. Это был незабвенный аленький цветок из нашей детской сказки. Надо ли говорить, что стал он еще прекраснее... — Брат пристально глянул на Олега и закончил: — Проснувшись, отец понял значение сна и перестал плакать».

— Я понял, — еле слышно прошептал Олег. — Я все понял...

— Одним цветком земля беднее стала, одной звездой богаче небеса, — тихо продекламировал Юра.

— Значит, она там, где ей хотелось быть. А я все это время думал только о себе, — проговорил Олег и добавил: — Мне нужно побыть одному.

— Конечно, конечно... Иди к себе, тебе уже постелено. Спокойной ночи.

В полночь в комнату Олега тихо вошел Юра и опустился на пол подле брата, который стоял на коленях рядом с кроватью.

— Помолимся?

Олег молча кивнул.

Так же бесшумно вошла жена Юры, затем и его старший сын — и весь дом наполнился молитвой. Молящиеся благодарили Спасителя. Благодарили за то, что так терпеливо ждал Он одного из Своих блудных сынов. Теперь, после стольких лет мытарств, тот вернулся к Нему навсегда...

Что испытывал Олег в эти минуты? Да разве можно словами передать то ощущение неизбывной радости, которое наполняет сердце человека, принявшего Христа?! Нет, слов наших явно не достанет, да и образы не той силы, чтобы передать духовное состояние покаявшегося и уже прощенного грешника. Потому как это непостижимая, ни на что на земле не похожая радость. Радость, обретенная в таинственной мелодии Евангелия. Потому-то и говорят, наверное, христиане: «Богу слава! Заново родился человек. С Христом возродился к новой жизни».

Глава 3

Внезапно Олег ощутил смутное беспокойство. Диктор уже дважды объявлял задержку какого-то рейса, и хоть это не должно было интересовать Олега, он почему-то досадовал, что не смог разобраться — какого. Что-то знакомое почудилось ему в названии рейса, но он не мог понять, что именно.

Он выпрямился и скосил глаза влево. Рядом с ним на лавочку уселась миловидная женщина. В руках она держала небольшой перехваченный лентой сверток.

— Не помешала? — услышал он ее приятный голос.

— Ну что вы? — Олег сделал вид, что подвинулся. — Места хоть отбавляй!

— Беда прямо с этими задержками, — словоохотливо продолжила женщина. — Вроде и погода хорошая — самое время летать. Чего задерживать? — Она явно хотела втянуть его в разговор. — Вот что им, кроме непогоды, может помешать?

— Ну, мало ли, — уклонился он. — Может, в аэропорту назначения какие-то проблемы. С той же погодой.

— Тогда так и надо сказать. А то один рейс задержали, другой. Теперь аж на два часа. А ты сиди и гадай, сколько еще придется ждать. — И без всякой связи, по-видимому, сочтя, что теперь можно приступить к более тесному общению, она поинтересовалась: — А вы, простите за любопытство, случаем не геолог? — В голосе женщины прозвучала какая-то затаенная надежда. И когда Олег со смущенной улыбкой развел руками: дескать, куда денешься, — попался, она удовлетворенно произнесла: — Я это тотчас определила. Вас, геологов, за версту видеть. Кстати, это не ваш рейс задерживается? — И она неопределенно указала на потолок.

— Нет. Мне еще ждать и ждать. Я в Москву.

— А-а-а, — разочарованно протянула женщина. — Выходит, ошиблась. — И утвердительно: — Но вы не здешний, не из Тюмени?

— Не-ет. Первый раз в этих краях. А что, это ваш рейс задерживают? — из вежливости поинтересовался он.

— Да как сказать: и мой, и не мой.

— Интересно, однако, — оживился он. — Это как?

— Да мне сыну надо бы кое-что передать. — Она указала на сверток. — У самой-то ни времени на перелет нет, ни денег. Вот я вас и присмотрела — думала: раз геолог, стало быть, туда и летит. Передать кое-что хотела Сереже.

— Передать... Передача, значит? А как же там...

— А, нет, — спохватилась она, — вы не то подумали. Не в тюрьме он. Служит он в Заполярье.

— Вон как! И где именно, если не секрет? — Олега словно бы что-то подталкивало к расспросам.

— Да у черта на куличках! Слышали, только что объявляли: «Вылет самолета, следующего рейсом Тюмень — Салехард — Мыс Каменный, задерживается на два часа»? — ловко передразнила она диктора. — Вот на Мысе этом и служит. А попросту, если все называть своими именами, так в дыре настоящей. Это ж надо, как назло, никто из вахтовиков сегодня не летит! Никого из них не вижу. Я с ними часто посылочки передаю. Что с вами? — всполошилась она, заметив, что ее собеседник, схватился за сердце и застыл, неестественно выпрямившись.

— К-как вы сказали? — повернувшись к ней всем корпусом и заикаясь от волнения, переспросил Олег. Его лицо пошло красными пятнами. — Мыс Каменный?

— Ну да. Он самый.

— Тот, что на Ямале?

— До сих пор там был. — Она озабоченно смотрела на собеседника. — Где ж ему еще быть?

— Невероятно, — в растерянности забормотал Олег. — Там что — аэропорт есть? В такой дыре, как вы выразились?

— Есть, — с улыбкой кивнула она. — Пожалуй, это единственная достопримечательность на весь Ямал. Хотя какой там аэропорт — все та же вечная мерзлота, никакого покрытия не надо: взлетай — не хочу! И... степь да степь кругом — в смысле тундра. Да по краям океан воды, хоть залейся. Заманчиво?

И тут Олег, все это время нечленораздельно, как заклинание, мычавший «не может быть, не может быть», обрел наконец осмысленный вид и все еще себе под нос, но уже более внятно произнес:

— Почему не может? Это *должно* так быть.

— Что «должно»? О чем это вы?.. Простите, не знаю вашего имени-отчества...

— Олег Алексеевич, — машинально отозвался он. Потом, взглянув на часы и словно стряхивая наваждение, поправился: — Просто Олег. На два часа, говорите, задерживают?

— На два. Уж не хотите ли вы...

— Хочу. Ждите меня здесь. Никуда не уходите... Как думаете, билеты еще есть?

— Куда, на Каменный? — В глазах и голосе женщины читалось сомнение: в уме ли мужик? Пытаясь понять

этого странного человека, она в раздумье глядела на него, оттягивая время. — Да сегодня туда всего полтора человека и летит. У вас что — сердце прихватило?

— Да нет, все в порядке. Кажется, вашу посылку отвезу я. Как вас зовут? Нина? Так вот, Нина, сидите здесь и ждите. Я мигом, — приказным тоном распорядился Олег и, убедившись, что паспорт и билет на месте, бросился к кассам.

Увидев это, Нина утвердилась в мысли, что геологи действительно взбалмошный народ. Она хотела было остановить Олега, но махнула рукой и придвинулась к его вещам. Время тянулось медленно, и, как всегда бывает в таких случаях, ей начало казаться, что уже давным-давно можно было уладить любой вопрос. Однако Олег не появлялся. Всякие мысли, одна нелепее другой (вплоть до: «а не хватил ли его инфаркт»), бродили в голове женщины. Нина досадовала на себя за то, что попала в двусмысленное положение. И все из-за своей откровенности. Или что ближе к истине — болтливости. Сиди теперь, сторожи чужие вещи, волнуйся. Когда Олег возник перед нею (она все время посматривала направо и никак не ожидала, что он появится с противоположной стороны), Нина с облегчением вздохнула. Ее новый знакомый светился, как сегодняшнее первоиюньское солнышко. Вмиг от ее глупых страхов не осталось и следа. Она поняла: Олег летит.

— Заждались? — В его голосе звучала неприкрытая радость.

— Да нет, — соврала она. — Быстро вы...

— Я забежал на почту... — объяснил он. — Дал телеграмму, попросил отпуск на пару недель продлить.

— А что такой счастливый? Можно подумать, в лотерею выиграла.

— Можно, — согласился он и показал билет. — Да, собственно, я и выиграл. Представьте, девчата с меня даже не вычли за возврат билета.

— Немудрено, — не удивилась она. — Не часто встретишь такого чудака. Это ж надо: предпочесть тмутаракань столице. Кто ж туда по доброй воле сунется? Туда и охотники за длинным рублем не очень-то едут. Считаю, девушкам повезло. Как и мне, кстати.

Олег весело рассмеялся:

— Вы что, подслушивали? Именно так девчата объяснили свое решение меня не штрафовать. — И чуть успокоившись, добавил серьезно: — Сегодня у меня особый день. Это не просто череда совпадений, я знаю. Вот он, билет: Мыс Каменный. Верите, я должен был быть там лет двадцать назад. Да ладно, нет времени на сантименты. Доверяете мне вашу посылку?

— Вы еще спрашиваете?! Вот здесь, сверху, адрес сына. Но это так, на всякий случай. Поселок-то семь на восемь, восемь на семь... метров. Все друг друга знают. Я-то сама к Сереже еще по пропуску ездила. Но теперь Ямал — открытая зона. Да и он уже капитан. Не знаю, что вы там потеряли, зачем летите, но если надо — у них можете и остановиться. Он с женой Клавой хоть и в балке живет, но балок ничего — просторный, места хватит. Передавайте им привет. Там внутри лекарства для Кла-

вы. Ну и письмо. — Нина открыто радовалась тому, что для нее все так замечательно сложилось. — Однако и заинтриговали же вы меня: очень хочется узнать, с чего вдруг вы приняли такое решение. Впрочем, муж у меня был геолог, и к крутым виражам я привыкла. Подожду, пока вы сами обо всем расскажете. Когда вернетесь. Вам ведь придется — разве нет? — зайти ко мне с весточкой от сына. Видите, как я бесцеремонно...

— Да все нормально. Думаю, через неделю-две объявлюсь.

— Что ж, если вы не против, я побегу. С работы на полдня отпросилась. Пока доберусь... Ну, храни вас Бог.

— Вы верите в Бога? — вскинулся он и придержал ее за руку.

— Да не так уж, чтобы... — смутилась она. — Просто к слову пришлось.

— Постарайтесь, чтобы было «так, чтобы», — с какой-то просительной улыбкой произнес он, на мгновение запнулся и вдруг, повинуясь внезапному порыву, заговорил с воодушевлением: — Тогда Христос сделает вас самым счастливым человеком. Я знаю. Недавно Он сотворил это со мной. Более тридцати лет Он звал меня к Себе — дозваться не мог. И вот я у Него. Вы, конечно, слышали выражение «как у Христа за пазухой»? —

Что оно значит? Что-то уютное, да? А я вам скажу больше: какой бы атеист это ни произносил, какой бы смысл ни вкладывал в эти слова, подразумевается-то одно — безопасность и счастье. Так вот: я сейчас там. И поверьте, это прекрасно! — Он спешил выговориться,

как это часто случается с долго молчавшими людьми.

А ей, такой общительной и словоохотливой, почему-то хотелось слушать его, не перебивая. Но он так же неожиданно умолк, как и взорвался.

— И на Ямал вот так, с бухты-барахты, тоже Бог надоумил? — без иронии спросила она.

— Тоже. Когда объявляли о задержке этого рейса, меня словно что-то в сердце толкнуло. А тут вы. И все стало на свои места. Потому что Господь знает наши пути. Он ведет и вас, иначе в жизни не бывает. Может, вы этого еще не замечаете, но это так.

— Ну, как вам сказать... Я частенько задумываюсь над этим. Все об этом думают, наверное. Да только жизнь иной раз такие сюрпризы преподносит... — Нина помолчала и закончила со вздохом: — Где найдешь, где потеряешь...

— Вот-вот, — снова загорелся Олег, — а кто найдет Христа, обретет себя. И никогда уже не потеряет. Христос — это навсегда. Сейчас я вам... — Он бросился было открывать чемодан, потом, что-то вспомнив, вскрикнул «ах!», махнул рукой и вынул из нагрудного кармана куртки авторучку и миниатюрную книжку в красивом синем переплете, на котором золотом было вытеснено «Новый Завет и Псалтирь». — Это вам. У меня еще есть. Вот здесь, в вопроснике, я пишу адрес и телефон человека, который помог мне найти Иисуса. Он живет под Тюменью. Но если вам захочется с ним встретиться, а добраться до него не сможете, — не беда. Позвоните — и он приедет.

Нина осторожно взяла книжку и прочитала на титульном листе: «Эта книга — безвозмездный дар Геденовых братьев».

— Должно быть, рейс задержали не случайно. Я найду этого человека. Только у меня к вам просьба: передайте эту книжку Клаве с Сергеем. Им нужнее. А у меня Библия есть. Мамина еще.

— Берите, берите, у меня и для них найдется экземпляр. — Олег указал на чемодан.

— Ну, спасибо вам, Олег. И до свидания. Я вас буду ждать?

Он молча кивнул головой и легонько помахал ей вслед.

Внезапно его охватило чувство благоговения. «Вера от слышания...» — пело у него где-то внутри. Ну, большое ли дело — сказал женщине о Боге? Но она услышала! А Господь и это заметил и послал душе ободрение, наполнил радостью. Как это прекрасно, что в первые дни после покаяния человек во всем видит Его и сверяет по Нему дела свои! Только бы не растерять со временем то, что приобретено с таким трудом. Оно, конечно, по благодати, даром все это от Бога, но сколько же мытарств, самому себе вчиненных, претерпевает человек, пока поймет это! И о чем еще совсем недавно и помыслить было нельзя — преклонил колени Олег в молитве тут же, принародно.

— Господи, — зашептал он, зарывшись лицом в стоявшую на скамейке сумку, — это Твой знак мне. Как славно, что успел я расслышать Твой голос.

Молоденький милиционер, курсировавший взад-вперед по аэропорту и бдительно следивший за порядком, быстрым шагом приблизился к Олегу, нагнулся, тронул его за плечо:

— Вам плохо?

Олег выпрямился, сел на скамейку:

— Нет, сержант, спасибо. Мне так хорошо еще никогда в жизни не было.

— А слезы? — не поверил сержант. — Да вы не смущайтесь, мы вам поможем, ежели че.

— Спасибо, не надо. — Олег достал носовой платок. — Мне уже помогли.

— Я ж серьезно. А кто помог? — Сержант на всякий случай огляделся.

— И я серьезно. Христос мне помог. Бог наш.

— А-а-а... — снисходительно протянул милиционер и поиграл пальцами у виска. — Ты один из этих. Ну-ну. Снисходительно, это уже кое-что. Это обнадеживает. Не злобно, как могло бы быть.

«Объявляется регистрация... Мыс Каменный...»

Олег, улыбаясь сержантику, «взял под козырек»:

— Из этих, молодой человек. Из этих самых... Чего и вам от души желаю. Ищите Бога, не прогадаете! Ну, счастливо оставаться...

Глава 4

Мираж — появление в атмосфере одного или нескольких мнимых изображений отдаленных объектов (зданий, деревьев и т. п.) — прямых или перевернутых, вытянутых, или сплюснутых, или вообще искаженных. Возникает из-за полного внутреннего отражения света в атмосфере при необычном распределении плотности воздуха по вертикали (БЭС).

Призрачные города, оазисы и колодцы мерещатся не только изнуренным зноем и жаждой путникам, странствующим по жгучей пустыне. Миражи бывают и там, где воды в изобилии.

Есть в Заполярье, на полуострове Ямал, место, обозначенное как Мыс Каменный. В двух-трех километрах от одноименного поселка, прямо с берега Обской губы в иные летние дни в час утренний можно увидеть, как в синей дымке горизонта над гладью залива проступает вдруг скромный провинциальный городок с невысокими домами под красными крышами и прямыми зелеными улицами, по которым проносятся немногочисленные машины. Не хватает только людей. Просуществовав с час (а иной раз и дольше) в дрожащем между морем и небом мареве, город исчезает, то ли погрузившись в воду, то ли воспарив в светозарную лазурь небес. И, может быть, как раз вон то единственное в небе пушистое облачко и спрятало его от любопытных глаз: хорошего понемножку! А зрелище это не просто чудное — завораживающее!

Чужие в эти места заглядывают редко, но если и объявится кто, ведут его тотчас на берег залива полюбоваться этим чудом. Так в больших городах гостей таскают по музеям, театрам, паркам...

На всем огромном полуострове единственный аэропорт — на Мысе Каменном. Сюда с «земли» прилетают вахтовики: нефтяники, газовики, геологи. И ищут, и бурят, не оставляя в тундре живого места. Местный аэропорт — это расстань. Сюда прибывают одной дорогой — по воздуху. Отсюда дорог много. Здесь — расставание: кому куда. Но иди ты хоть направо, хоть налево, хоть прямо — все равно попадешь в тундру. Невелик выбор? Ну, это кому что по душе...

Вот и Олег прибыл именно сюда. От аэропорта до поселка доехал на вахтовке «Урал», вышел из машины и оказался на пустынной улице. Его попутчиков, в основном тех, что подсели в Салехарде, «Урал» повез в тундру, к месту работы. Олег пожалел, что ни с кем из них так и не разговорился. Неловко было вклиниваться в чужую беседу: люди возвращались к работе после отдыха и наперебой делились впечатлениями. Ясно, что не до него было.

И вот теперь в нескольких близлежащих двухэтажках он пытался распознать гостиницу.

Все дома стояли на сваях, намертво законопаченных в вечную мерзлоту. Возле домов, поражая воображение, высились горы мусора. Зимой их заносит снегом, но сейчас он растаял — и все тайное стало явным. Убирать мусор никто не торопился. Зачем? Еще два, от силы три месяца — и поселок заметет белым-бело, чисто-пречисто.

Тягостное ощущение, возникшее при виде этого запустения и убогости, усугублял пасмурный день. Даже Олег, посмотревшийся всякого на своем веку, приуныл. «И впрямь тмутаракань, — думал он. — Ну что меня сюда занесло? Для чего я здесь? Куда идти?»

Потоптавшись на дощатом настиле, он двинулся наугад и тут же увидел низкорослого мужчину неопределенного возраста, сходящего с крыльца одного из домов.

— Друг! — окликнул его Олег. — Можно тебя на минутку?

Друг, опознав в нем человека пришлого, с готовностью поспешил навстречу.

Перед Олегом предстал ненец в изрядно потрепанной одежде, с совершенно испитым синюшным лицом и безжизненными оловянными глазками. Пожав его дряблую, холодную, как кочерыжка, руку, Олег ощутил такой застарелый запах перегара, что впору было закусывать. Переборов брезгливость, он спросил о гостинице. Мужичонка так долго осмысливал вопрос, внимательно изучая при этом чемодан и сумку Олега, что тот уже начал сомневаться, понял ли его вообще новый знакомец. Может, слово «гостиница» в местном лексиконе попросту отсутствует? Наконец мужичок вскинул на Олега глаза и спросил с затаенной надеждой:

— У тебя водка есть?

Голос был сиплый, с надрывом.

— Ловко ты, брат, — усмехнулся Олег и покачал головой. — От скромности не умрешь, однако. Нет у меня водки. Не пью я.

— Все пьют, — не поверил мужичонка. — Все с земли привозят. И ты привез. Жадничаешь только. Ты к кому приехал?

— К Сергею Акимову. Знаешь его?

— К Акимову? А-а-а... — Глаза ненца ожили. На его пепельно-серых висках проступили голубые жилки. Он засуетился: — Пойдем проведу. Его нет сейчас, в Амдерму уехал, зато Клава дома. Я знаю. Пойдем быстрее. — И он попытался взять чемодан.

Олег тотчас сообразил, почему ему помогают с такой готовностью: видимо, Клава из жалости привечает этого алкаша.

— Нет, — остановил он мужичонку. — Сначала я должен вещи где-то определить.

— Ну и ладно, — не огорчился тот. — Сам скажу ей, что ты приехал.

— Да как же ты скажешь, если не знаешь, как меня зовут?

— Ага, не знаю, — озаботился мужичонка. — А как тебя зовут? Как сказать?

— Ну, что с тобой поделаться? — сдался Олег. — Может, и впрямь так лучше будет. Скажи, мол, от мамы Сергея приехал Олег. Запомнишь?

— У Василия хорошая память, — расхвастался вдруг ненец. — Он в Яр-Сале семь лет в школе-интернате учился. Грамотный.

— Так ты, стало быть, Василий? Как же ты, Васылю, грамотный, а не знаешь, где гостиница?

— Почему не знаю, — обиделся ненец и ткнул пальцем

в дом, у которого они стояли. — Вот она. Туда иди. Как же я не знаю?

— А-а-а... Ну, а много там народу живет?

— Народу — нет. Тараканов — да. Спать ночью не дают. Иди к Акиму, там хорошо.

— Нет, мне сначала надо себя в порядок привести, оглядеться... Знаешь что, приходи ко мне часика через два-три. Чайку попьем с медом. Знаешь, какой у меня мед! О-о, брат, это получше водки будет. Разговаривать будем, а? Придешь?

Василий глянул на него с легким недоумением, неопределенно пожал плечами и зашагал к расположенным невдалеке балкам. Энтузиазма это приглашение у него явно не вызвало. И тут Олег вспомнил, где он находится, и посмотрел на часы. Хотя на улице было светло как днем, шел десятый час вечера. М-да, через три часа — это хорошее приглашение, однако...

— Тогда приходи завтра, — крикнул он вдогонку своему новому знакомцу. — Обязательно приходи, слышишь!

Ну, расслышал — не расслышал его Василий, а только не успел Олег расположиться в гостиничном номере, как тот появился вновь. Его сопровождали дежурная Зина, с которой Олег, естественно, уже познакомился, и две молоденькие женщины.

— Вот это Клава, — на правах старого знакомого указал Василий на одну из них, красивую, чуть полноватую брюнетку. Представлять Олегу подругу Клавы, Настю, он, видимо, не счел нужным.

Кратковременная прогулка пошла ему на пользу. Видно было, что он «поправил здоровье». В голосе Василия зазвучали бодрые нотки; на щеках проступил едва заметный румянец; кожа на лице разгладилась. Да и плечи расправил мужик, вроде ростом даже выше стал. В общем, выглядел на этот раз он намного симпатичнее и был разговорчивее.

— Она не хотела тебя дожидаться, — сказал Василий и, добавив: — Я тут посижу, — прошел в угол и сел на табуретку.

— Ну, что ж, как говорится, нашего полку прибыло, — радушно потер руки Олег и быстро достал из сумки банку меда. — Липа, самая настоящая. Поможете организовать чай? — Затем извлек из той же сумки три длинных огурца. — А это видели? Друг в Тюмени угостил, вырастил у себя в теплице.

Если мед женщин особо не удивил, то огурцы вызвали у них настоящей восторг. Они засуетились, забегали — и через пять минут на столе уже дымился чайник, а рядом с нарезанными огурцами (от них по всей комнате распространился неповторимый духмяный аромат) на блюде лежал вяленый муксун — заполярное угощение.

Клава уже усаживалась за стол, когда у нее за спиной негромко, но со значением кашлянул Василий.

— Ах, да, — спохватилась она и вынула из сумочки маленький флакончик с бесцветной жидкостью. — На, держи. Да ты бы садился с нами...

— Не-а, — мотнул головой Василий. — Ваш разговор неинтересный. Я завтра приду. — И, прихватив кружо-

чек огурца и хвост муксуна, не прощаясь, по-английски, ушел.

— Спирт? — кивнул ему вслед Олег.

— Да. Пусть уж лучше его выпьет, чем будет всякой отравой травиться, — ответила Клава и как бы спохватилась: — А может, вы... с дороги да с устатку? И мы бы с вами за знакомство, а? — С этими словами она глянула на него, на подруг и достала из сумки более объемистый флакон.

— Ну, по пять граммов на зуб можно, — засмеялась Настя.

Клава ловко разлила спирт по стаканам.

— Вам развести? — поинтересовалась она.

— Вообще-то никогда не разбавлял, — усмехнулся Олег. — Но...

— И правильно. Настоящие мужчины пьют неразведенный, — не дала ему договорить Настя. — К чему добро переводить? Давайте сначала за знакомство.

Они встали, чокнулись, женщины выпили и с наслаждением захрустели огурчиками. Олег сел и поставил стакан (он был полон) на стол.

— Что так? — удивилась Настасья.

— Видите ли, — развел руками Олег, — не пью я. С некоторых пор.

— Печень? Сердце? — профессионально поинтересовалась Клава.

— Не без этого, — уклончиво ответил он.

— Ну, тогда неволить не будем.

— Печень, сердце... — насмешливо передразнила Настасья. — Ерунда это все. Пять граммов не повредят.

— Ну, не скажите, — не согласился Олег и кивнул на окно. — Гляньте-ка, что из-за этих пяти граммов бывает.

По улице, балансируя руками, чтобы не оступиться с дощатого настила, шел Василий. Чем-то он напоминал ворону-подранка.

— Уже добавил, — огорчилась Клава. — А говорил, сегодня больше не будет.

— Ага, не будет, — засмеялась Настя. — Держи карман шире. Не будет, когда нечего будет, а не когда есть.

— Готов мужик, — констатировал Олег. — Давно он так?

— Да кто его знает, — откликнулась Зина, отводя взор от позабавившей их сценки. — У нас он первый год обретается. Прибился было к геологам, да что-то не заладилось: не то сам ушел, не то выгнали. Теперь то в одном поселке, то в другом... Здесь-то их, таких неприкаянных, раз-два и обчелся. А вот на «земле» спившихся после этой городской цивилизации много.

— Не понял, — удивился Олег. — После какой цивилизации?

— А такой, — хмыкнула Клава. — Их ведь в семь-восемь лет, детьми, короче, у родителей отбирали и отправляли в интернат грамоте учиться. Ну, власти наши. До седьмого класса учили. А уж как они там науки проходят, знамо дело: выходит после этой учебы такой пацан в пятнадцать-шестнадцать лет и только и знает, что Москва — самый большой и красивый город в мире. Правда, хоть по-русски говорят сносно в отличие от родителей. Зато пить-курить городские мальчишки учат

их на всю катушку. Они ж дети природы, им много не надо: привыкают быстро. А потом никуда не годные. За оленями смотреть не могут — навыка нет. Да и не хотят. Уходят со стойбищ в поселки, в город, а там их берут только на черную работу. Редко кто домой, в чум, возвращается.

Вот этот пытался вернуться. Мы с одной молоденькой девушкой, врачом, — она на практику сюда приехала с «земли» — Василия как раз в стойбище увидели. Совсем плох был: болезней целый букет. Ну и забрали его с собой в Яр-Сале; она его там выходила. Так он за ней потом хвостом ходил: куда она, туда и он, как собачонка благодарная. А как уехала — затосковал. Ну и видать, снова запил и с геологами сюда попал. Все собирается к родителям податься, да никак не соберется. Вот сколько ему лет, по-вашему?

— Где-то около сорока, — прикинул Олег.

— Двадцать. Только двадцать. Жалко его, — вздохнула она и замолчала.

— А где он живет? И чем?

— Да тут и живет. То один попросит его помочь, то другой... Так и перебивается. А к зиме опять в Яр-Сале уедет.

За чаем да разговорами засиделись за полночь. Между тем за окном стоял все тот же пасмурный день, и все то же линияое небо наводило на грустные мысли. От спирта женщины раскраснелись и разговорились, засыпали гостя вопросами.

Олег рассказал им о тайге и пустынях, в которых ему

довелось работать, а вот о личной жизни — к этой теме его постоянно возвращали собеседницы — говорил скупо. Да, холост. Так получилось — не завел семьи. Словом, в подробности не вдавался, аккуратно уводил разговор в сторону.

— Вот вы все про пустыни да про пустыни, — подала голос Клава. — А скажите, случалось вам видеть миражи?

— Случалось, — ответил Олег.

— Как только дни устоятся, сходим на берег. Мы вам наши миражи покажем. А Сережа вернется — по тундре провезет. И к буровикам, и к геологам своим съездите.

У Олега сладко заныло сердце: «Миражи! Значит, и впрямь случаются они здесь».

Клава заметила его волнение, но истолковала по-своему:

— А вы думали, только в ваших пустынях люди видят миражи?

— Нет, не только. Думаю, вся жизнь человека — в пустыне ли, в городе ли — мираж.

— То есть? — заинтересованно вскинула брови Клава.

— То есть все, к чему стремишься, что тебе видится важным и нужным, на поверку оказывается миражом. И это со всяким может случиться.

— Так уж и со всяким, — засмеялась Настя. — Мне, к примеру, пока ничего не мерещится: ни важное, ни нужное. Полный штиль. Серость одна. Может, скажете, с кем такое случилось?

— Конечно. Теперь вот со мной.

— Теперь — это когда? — осторожно осведомилась Настя. — Когда случилось? И что?

— Да недавно. Буквально на днях, — промолвил Олег. — Христос мне открылся. Я Его в сердце свое принял.

На эти слова женщины отреагировали по-разному: от Олега не укрылось, как инстинктивно подалась вперед Клава и, наоборот, съежилась, ушла в себя Настя. Как забежали глазки у Зины, хотя внешне она оставалась безучастной.

— Так вы что — верующий? — Клава неуверенно произнесла последнее слово. В ее глазах было больше чем удивление. Она словно надеялась на что-то.

— Да, милые женщины. Я принял в свое сердце Христа и только теперь увидел жизнь, а не мираж.

Женщины вопросительно переглянулись, и первой, как бы спохватившись, приподнялась, отодвигая стул, Настя. Вид у нее был какой-то обиженный:

— Ну что мы к человеку пристали? Времени-то вон уж сколько. Пойдем, пожалуй, Клава. Олег Алексеевич чай с дороги. Притомился. А мы его разговорами совсем укатали.

Поднялась и Клава, хотя и с неохотой.

— Ну да, мы пойдем. Но потом вы расскажете нам о Христе? Я ничего о Нем не знаю. — Она увидела, что Олег достал книгу, и запротестовала: — Только не давайте мне Библию. Сергей увидит — взбесится. Лучше на словах. Я запомню, — виновато добавила она.

— Хорошо, — пожал плечами Олег. — Ну а если вы скажете, что Евангелие вам просила передать его мама?

— Мама? — обрадованно переспросила Клава. — Неужели мама?

Она бережно приняла книгу.

— Ну да, в аэропорту. Я подарил Евангелие ей, а она тут же передала вам.

— Мама вызывала нас сегодня. Вы уже были в самолете. Только я не поняла: кто летит, когда и куда, потому и не встретила. Связь-то у нас раз в год по заказу: кричишь, кричишь — и не докричишься. Но все равно, здорово, что вы приехали. У меня такое чувство, Олег Алексеевич, будто я вас уже видела... Вертится вот тут... — Она дурашливо постучала по голове. — Но где — не вспомню. Вы у нас, в этих краях, впервые?

— Да. Уж где только не бывал, а в Заполярье впервые.

— Ну а я дальше Салехарда не уезжала. Там родилась, выросла, замуж вышла. А потом Сергея сюда направили. Один раз только в Тюмени и были с ним, да и то всего полдня. Может, в Тюмени вас и видела? И там не бывали? Ну, ладно, почудилось, значит. Так вы завтра придете к нам? Василий вас проводит.

— Обязательно.

Олег долго ворочался в постели с боку на бок. И дело тут было не в тараканах, нагло шуршащих по полу, стенам, столу...

«Как можно спать днем? — говорил он сам себе. — Это сколько ж у меня на акклиматизацию уйдет? Впрочем, не спится мне, наверное, совсем по другой причине.

Ведь для чего-то приехал я сюда... Господи, Ты побудил меня к этому, открой — только ли ради памяти?»

Так, пребывая в сомнении, молясь, он и уснул. Уже под утро. А в полдень его разбудил Василий. Был он в приподнятом настроении:

— Вставай, однако. Клава зовет. Говорит, Аким вот-вот приедет.

— Сергей, что ли? А ты, брат, как погляжу, уже на взводе. Что, Клава угостила?

— Почему Клава? — обиделся ненец. — Я заработал. Кто рано встает, тому Бог дает.

— Тю-ю, — присвистнул Олег. — Да при чем же здесь Бог, Васылю? Разве ж Он может тебя этакой гадостью травить? А?

— Почему травить? — хитро сощурился тот. — Он меня лечит. Я сегодня болел, а Он вылечил. Хорошо сделал, однако.

— Вон как! Да ты, брат, философ. Вот только все с ног на голову поставил. Ну, ладно, пойдем к Клаве, коли пришел. Там и поговорим...

Дорогой Василий делился с Олегом своими планами (он хотел вернуться к родителям в стойбище), расписывал прелести жизни в тундре, хвастался, какой он ловкий оленевод. Вот только перестанет пить, подкопит денег и поедет. Олег с интересом слушал его и покачивал головой: он хорошо знал, чего стоят обещания подобных людей. Сколько их нанималось на сезонную работу в геологические экспедиции! И все на одну колодку. Работая в необжитых

местах, не имея возможности выпить, они вот так же разумно планировали свою будущую жизнь. «Все, Алексейч! — старался убедить его, а больше себя, очередной бедолага. — Теперь-то уж точно все. Гляди: не пью месяц (два, полмесяца) и не тянет. Даже на дух не надо!

Вот получу деньги, прикуплю кое-что — и к жене, детям. Не с пустыми же руками возвращаться! Хватит гулеванить. Пора становиться полноценным гражданином. Я теперь, пока не уволите, у вас работать буду: на душе спокойнее, да и соблазна нет». Но в конце сезона, после полочки, исчезал из поля зрения несостоявшийся гражданин и потенциальный работник. А если какой снова объявлялся с просьбой взять на работу, тяжело было смотреть на него, испитого, опустошенного. Но Олег брал, потому что жалел, да и людей иной раз не хватало. И снова по кругу: с неделю отходняки, клятвы — «ну, теперь-то уж точно все!» — и планы, планы... До следующей полочки.

«Неужели Василий (ведь он совсем мальчишка) дошел до этого?» — спрашивал себя Олег.

— Васька, — прозвучало внезапно от одного из балков, — подь сюда!

Около дома, широко расставив ноги, стоял приземистый, почти квадратный большеголовый мужик с мясистыми, заросшими щетиной щеками, крупным носом и чрезмерно толстыми губами. Кивками своей патлатой головы, а также взмахами ладони — мизинец и большой палец были оттопырены — он манил парня к себе. Васька, мгновенно забыв о своих планах, засуетился:

— Мичман зовет. Смотри, вон балок Акима, — махнул он рукой. — Ты иди один, я потом приду... Может быть.

— Друга бери с собой, — зычно продолжал мужик. — Давай, друг, не брезгуй, причал твой отметим.

— Спасибо, — поблагодарил Олег. — В другой раз.

— Было бы предложено. — Развел тот руками и подтолкнул к крыльцу подобострастно крутившегося подле него Василия.

— Ну, швартуйся, Индия-Китай.

Когда Олег подходил к балку, до него долетели голоса: спокойный, увещевающий Клавы и визгливый, раздраженный Насти. Двери балка были распахнуты настежь. У крыльца Олег в нерешительности остановился — говорили о нем.

— Знаю я этих святых! — звенела Настя. — Небось, натворил чего на «земле», вот и сбежал куда подальше. Геолог! Еще надо посмотреть, какой он геолог...

— Ну что ты мелешь? — урезонивала ее подруга.

— А ничего. Зачем он сюда приперся, скажи? Ни на работу, ни в гости: на кой ляд ему в эту дыру лезть? Приперся тут... Святой! — В голосе Насти слышалась неприкрытая злоба.

— Настя, не знаешь человека...

— Я скоро тридцать лет как Настя, — не давала сказать та. — И знаю людей. Разбираюсь, кто есть кто. А то, вишь ты, не пьет, не курит... С нами не пьет. А втихушку хлебает, наверное, почем зря. «Раньше не разбавля-ал», — передразнила она Олега (тот почему-то удовлетворенно улыбнулся). — Ага. А теперь, вишь ты, не

пшет. Будь осторожна с ним, Клава, говорю тебе. И выбрось эту книжицу от греха подальше. Сергей увидит — по головке не погладит. А то читать взялась.

«Вот оно что, — возликовал Олег. — Она читала Евангелие!» Он решительно ступил на крыльцо, постучал по косяку и учтиво осведомился:

— Не помешаю?

— Ну, что вы, Олег Алексеевич, проходите, — смутилась Клава, понимая, что он все слышал.

Настя, не скрывая неприязни, коротко поздоровалась и сделала вид, что хочет уйти. Олег придержал ее за руку, виновато улыбнулся:

— Куда же ты, Настя? Вы так хорошо беседовали, да и я не прочь присоединиться к вашему разговору.

— Некогда мне тут с вами лясы точить, — сердито бросила Настя.

— Ну-у, так вот сразу и некогда, — разыграл недоумение Олег. — Я ведь ненадолго, раз хозяина нет. Нет ведь еще Сергея? — повернулся он к Клаве.

— Он уже вернулся в часть. Солдатик от него приезжал. Так что скоро будет. Подождите.

— Подожду. Думаю, и Настя с нами подождет. — Олег добродушно засмеялся. — Не бросит же она подругу в беде. Наедине неизвестно с кем. А, Настя?

Та вспыхнула, подбоченилась и театрально отчеканила:

— А вот подслушивать нехорошо, к вашему сведению. — При этом каждое свое слово она сопровождала энергичным кивком головы.

— Как? — Олег округлил глаза, изображая искреннее удивление. — Разве ты не специально для всего поселка речь держала? Мы с Васyleм от самой гостиницы тебя слушали.

— И обиделись, — констатировала Клава. — Просила же: не ори как заполошная, — укорила она Настю.

Та по-прежнему стояла подбоченясь. И хотя она сосредоточенно молчала, Клава знала по опыту — грядут события! Своим скандальным характером Настя была известна далеко за пределами поселка. Вот она уже распрямилла плечи и еще больше стала похожа на букву «Ф». Клава зажмурилась: «Ой, что буди-ит!»

Но Олег словно и не замечал воинственных приготовлений Насти.

— Впечатляющая речь. Но... На правду не обижаются, — сказал он. — Настя верно подметила: натворил я дел на земле. Только под землей я подразумеваю этот свет, а не то, что находится до Ямала. Да, милые женщины, столько натворил, что не расхлебать бы вовек. Никакой жизни не хватило бы.

— Как так? — растерянно проронила Клава, а ее подруга, чуть сбавив набранные было обороты, глянула на нее свысока, словно бы спрашивая: а я тебе говорила?!

— Да так, где-то сам дров наломал, где-то люди подсобили. И спирт неразведенный пить доводилось. И повоевать пришлось...

— Воевать? — в голос проговорили подруги. — Вы воевали?

— Воевал. В Афгане. Твой Сергей там не был, Клава? Считай, повезло. У меня во взводе как раз его ровесники служили. А я туда сам, по доброй воле, пошел, хотя по возрасту и не должен был. Зачем? Сложно ответить.

— Ой, как интересно! — воскликнула Настя. — Расскажите что-нибудь о той жизни.

Ее отношение к Олегу мгновенно изменилось. Теперь она поглядывала на него с почтением. А Клава — со страхом.

— Я это не к тому рассказал, чтобы себя героем выставить, а чтобы вы хотя бы попытались понять, чего мне стоило покаяться перед Богом, — сказал Олег. — И как Он принял меня...

— Как это принял? — В недоумении воззрилась на него Настя. — Что вы мелете! Может, еще скажете, что у Него в приемной сидели? Там, на небесах?

— На небесах? Что ж, вполне вероятно. Когда каешься, и впрямь кажется, что находишься на небесах. Но это только кажется. В действительности Он Сам нисходит в твоё сердце с небес.

— И что? — Клава смотрела на него, затаив дыхание. — Он принял вас?

— Не только принял, Клава, но и простил мне все грехи. Все, что я натворил. Я это к тому, что Он никого не отринул, даже такого грешника, как я. Нужно только признаться в своих грехах и покаяться перед Ним.

— Ловко! — саркастически ухмыльнулась Настя и снова вскипела: — Так и я могу: всю жизнь делать пакос-

ти, потом каяться, и — на тебе! — Боженька простит. Ловко! Куда как с добром: согрешил — покаялся, согрешил — покаялся. И ни за что не отвечай. Так, что ли?

— Нет, Настя, не так. «Бог поругаем не бывает, — говорит Библия. — Что человек посеет, то и пожнет». И этого никто не отменял. Обмануть можно себя или другого человека. Бога не обманешь. Просто когда ты искренне покаешься...

— Кто? Я? Думайте, что говорите!

— Извини, это я так, к примеру. Понимаешь, да? Так вот: когда человек искренне покается, у него больше не возникнет желания грешить. Тем более обманывать Бога. Вот и все.

— Вижу, что все. Только, пожалуйста, меня сюда не приплетайте. Мне не в чем каяться.

— Я это сразу понял. Ведь в душе ты, Настя, глубоко верующий человек. Как, впрочем, и многие другие.

— Это я-то верующая?!

— Ну да, ты.

— Еще чего не хватало!

— А вот смотри: только что ты беспокоилась за Клаву. Волновалась, что она поверит незнакомому человеку, то есть мне, и попадет в какую-нибудь историю. Верно? Ты же предостерегала ее?

— Конечно! Она моя подруга. Единственная.

— Стало быть, как я понимаю, ты желаешь ей только блага?

— Спрашиваешь! — Настя даже не заметила, как перешла на «ты».

— Ну, а раз ты желаешь ей блага, значит, желаешь чего-то Божеского. Значит, сама ищешь Бога.

— А это еще почему?

— Потому что благ один Господь. Потому как все истинные блага в Нем. Понимаешь?

— Вишь, как подвел. Ничего я не понимаю и понимать не хочу. Мне и так хорошо, без понятий. Рассказывайте это кому-нибудь другому. Клаве вон или Ваське. Кстати, куда вы его дели?

— Никуда я его не девал. Мужик его какой-то позвал, он и пошел к нему. Кудлатый такой мужик.

— Японец! — в голос ахнули подруги и переглянулись.

— Ну да, у них же вахта кончилась, — вспомнила Настя. — Ох, прибьет он когда-нибудь парня.

— Что за японец? — удивился Олег. — Вроде нормальный русский мужик.

— Русский-то он русский, да только не совсем нормальный, — махнула рукой Клава. — Бывший мичман. На подлодке служил, потом на торговом флоте. Все тут про Японию рассказывал, вот и прозвали так. Теперь на буровых работает. Пьет почему зря да еще колотит всех, кто под руку попадет. А попадают те, с кем пьет. Этого Ваську уж сколько раз гонял, а тот все одно к нему тащится. Лишь бы выпить. Да вот, кажется, уже началось, — насторожилась она.

Где-то рядом послышалась громкая перепалка, сменившаяся спустя секунду-другую смачной бранью Японца и топотом ног.

— Стой, Индия-Китай! — орал мичман. — Лучше стой, или убью каналью!

— Точно убьет! — Клава переменялась в лице. — Ой, не ходите, он и вас зашибет. Это же танк!

Олег пулей вылетел на крыльцо. В эту самую минуту мичман догнал Ваську, подставил ему подножку и, когда тот рухнул на землю, замахнулся на него обрезком доски.

— Эй! — метнулся к мичману Олег. — Японец!

Тот круто обернулся, в глазах его блеснула неподдельная радость.

— А-а, друг! Святой! Выпить, стало быть, побрезговал со мной, друг святой. Вот я тебя, козла, сейчас на пару с Васькой и приголублю. Вот он, святой кулак, по окаянной шее. — Потрясая доской, мичман шагнул к Олегу. — И-э-эх! Раззудись плечо!

В следующую секунду он уже лежал ничком на земле; пытаясь освободиться от мертвой хватки, он елозил по земле, хрипел, отплеывая вязкий песок, которым так богат Ямал.

— Пусти, — наконец выдавил он. — Уважаю. — И сел, вращая по сторонам ошалевшими больше от удивления, чем от боли, глазами.

Олег опустился на корточки рядом с Японцем и заглянул ему в глаза.

— Успокоился, мичман? — И очухавшемуся Ваське: — Принеси-ка доску.

— Ты чего? — с подозрением промычал Японец. — Я ж сказал.

— Слышал. — Олег взял поданную Васькой доску и

сунул ее мичману под нос. — Зачем она тебе? Так не справился бы с пацаном?

— Да попугать я его хотел, — понурил голову Японец. — Нешто думаешь, тронул бы?

— Ага, не тронул бы, — жалобно проскулил Васька, держась за бок. — Все ребра болят.

— А не попадайся под горячую руку, — не поднимая головы, буркнул Японец. — Не перечь, когда я говорю. — И вдруг будто ожил, что-то вспомнив, и даже хохотнул: — Он ведь, каналья, меня уверял, будто ты не пьешь. Поэтому как веришь в Бога. Говорил, нет, Индия-Китай? — рывкнул он вслед Ваське, которого Настя с Клавой вели под руки в балок.

— Ну и что? — ответил за Ваську Олег и развеселился: — Повод, чтобы бить? Он же правду сказал.

— Чего-о? — недоуменно промычал мичман. — Не-е, травишь!

— Ладно, ладно. Потом разберемся. Забирай свою орудию. — Олег сунул ему в руки доску. — В хозяйстве пригодится.

— Да нет, ты скажи: че, правда, что ли? Ну, Бог там и все такое...

— Правда, мичман, правда. Но об этом после. Когда проспишься.

— А откуда же это? — крутанул тот кулаками, поставив их друг на друга. — Десант?

— Да какая тебе разница. Вставай. Давай, помогу.

— Сам встану. Черт, ты ж мне плечо напрочь вывернул.

— Это только кажется. Пройдет. Поторопился я малость. Но все равно — прости.

— Ты меня прости. Засовестил ты меня с пацаном. И впрямь озверел я. — Японец махнул рукой: — Озвереешь тут. Ну, я пошел. Скажи Ваське, больше не трону. Никогда. Ты сам-то, где остановился, в гостинице?

— Ну.

— Если и впрямь не пьешь, тяжело тебе придется. Сегодня ребята с вахты вернутся. Если уже не вернулись. Сам понимаешь... Пир горой, пока не улетят. Так что перебирайся к Сергею. К себе не приглашаю — не лучше. Ну, давай, семь футов под килем.

— Плечо-то не парь, холод приложи, — посоветовал Олег.

— Да знаю я... — Мичман медленно побрел к дому, вобрав огромную голову в плечи, отчего еще больше стал похож на квадратную глыбу. У крыльца обернулся: — А может, когда зайдешь? Погугорим.

Олег пожал плечами:

— Зайду, коли приглашаешь. Почему бы и нет?

Глава 5

Сергей был высокий, стройный и приветливый. Сверх всякого ожидания, он довольно добродушно отнесся к тому, что его Клава с головой ушла в Евангелие.

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало! —

глубокомысленно заявил он Олегу. — Об одном прошу: меня в это дело не впутывайте. Вот получу генерала, ну, на худой конец, перейду в бухгалтеры, там и посмотрим. Тогда я сам себе хозяином буду. А сейчас у меня своя религия: вперед не соваться, взад не отставать. — Сергей обладал особым, так называемым солдатским, чувством юмора. — В общем, моя хата с краю... Так удобней.

Однако он не мог не заметить, как оживала его супруга после чтения этой книжечки, и радовался тому, что в ее голосе наконец-то зазвучали оптимистичные нотки. Сергей даже подсаживался к Клаве, задавал какие-то вопросы, ответы на которые, впрочем, его не интересовали. Да он их и не слушал. Просто у него появился повод лишний раз приласкать жену — он о ней очень заботился. Они оба с трепетом готовились к рождению долгожданного первенца. И только иногда Сергей подтрунивал над ее, как он выразился, «новой причудой».

На следующий день после возвращения он прокатил гостя по тундре; они побывали на буровых и у геологов. Познакомившись с Олегом, геологи взяли себе за правило с утра заезжать за ним, так что большую часть дня он проводил в тундре.

В гостинице, как и сказал мичман, поселились и трое суток подряд куролесили молодые шумные ребята. Олег приходил туда только на ночь. Мысленно он слово «ночь» закавычивал — какая же это ночь, если светло как днем?! Ну а по возвращении из тундры Олег шел к Клаве, открывал Библию, и они вместе пытались уразуметь Божии истины.

Во время этих встреч Олегу почему-то вспомнились те годы, когда он впервые заинтересовался Библией. Интерес этот возник под влиянием одного художественного фильма, в котором бравый революционный вояка ловко, этак, просто играючи, обезоружил парой фраз из Библии не то батюшку православного, не то монаха, не то самого настоятеля монастыря. К месту или не к месту были приведенные цитаты — вопрос второй. Кому хочется вникать в детали? Главное, зрителю было ясно, что атеист — это вам не просто так, а дока во всех областях: в науке ли, в религии ли. Вон как батюшку его же оружием — Словом Божьим — сразил. Наповал! Ох и умен же, бестия! Разве такого с пути истинного (читай — безбожного) собьешь?! Да он так и сыплет цитатами из Священного Писания! И засело в мозгу занозой: значит, герой этот изучал Библию и докопался до истины, постиг ложность религии и восстал против нее ради блага человека. (В ту пору несть числа было таким высосанным из пальца карикатурным героям, кочующим из фильма в фильм.)

Ах, до чего хотелось Олегу иной раз вот так же, походя, блеснуть парой-другой библейских цитат! Он даже представлял себе, как небрежно бросит какому-нибудь, изумленному его познаниями и оттого растерявшемуся служителю Божию: «Постойте, постойте, сударь! Позвольте не согласиться. Вот ведь и в вашей Библии сказано...» На этом, впрочем, фантазии иссякали. Ничего из того, что там «в их Библии» сказано, он знать не знал. Но блеснуть очень хотелось.

Дело было за малым: найти Библию, постичь неправильное ее учение, быстренько разочароваться, а уж потом... Потом нужно будет отыскать где-то такого же, как в фильмах, туповатого батюшку, который согласился бы покорно выслушивать разглагольствования новоявленного знатока Библии. Не будешь же цитировать библейские стихи одноклассникам — засмеют. В общем, Олег загорелся этой идеей и немедля приступил к ее реализации. Благо Библия в их доме имелась.

Он увидел ее случайно, когда мать, разыскивая для отца праздничную сатиновую рубашу, перевернула весь сундук и выложила на стол какую-то потрепанную толстую книгу. Это и была Библия. Олег безо всякого интереса покрутил книгу в руках и тотчас ее отложил. Библия эта принадлежала младшему брату матери, Ивану, отбывающему пятилетний срок в тюрьме. За что — Олег и его старшая сестра Таня не знали. Мать наказала никому о дяде не говорить и вообще как можно реже упоминать его имя. Даже восьмилетний Юра, сынишка дяди Ивана, живший у них уже четвертый год, об отце при посторонних помалкивал. А когда из тюрьмы приходило письмо, старательно читал его вслух своей неграмотной тете, маме Олега. Потом они долго сидели вдвоем, пригорюнившись, и мать Олега, словно боясь, что племянник может поверить в виновность отца, горячо убеждала его:

— Невиноватый твой отец, Юронька. Ни в чем не виноватый. Ни за что осудили. Злые люди возводят на него напраслину... Но Бог все видит и оправдает его. Вот дождешься отца — поймешь.

Сильно любила она брата, часто молилась за него, поставив перед собой деревянную иконку с изображением Богородицы с Младенцем. Доставала она ее из того же сундука и после молитвы водворяла на место: мало ли что...

Олег знал только, что чуть ли не в тот же самый год, когда посадили дядю Ивана, умерла и его жена Люба, оставив Юру сиротой. Отец Олега привез пятилетнего племянника откуда-то из-под Тюмени. Был он тихим и незаметным мальчиком: другой раз и за день не увидишь, не услышишь... В семье Олега его очень любили и жалели. Есть люди, которых в детстве называют лишь уменьшительным именем, и оно прилипает к ним на всю жизнь. Вот и Юру называли Юронькой — Юронькой он для них и остался.

Итак, улучив момент, когда в доме никого, кроме него, не было, Олег сунул книгу в свою холщовую сумку и поспешно забрался на чердак. Разумеется, он мог попросить Библию у матери и спокойно, не таясь, читать ее внизу, но тогда пришлось бы объяснять, зачем она ему понадобилась, а это, без сомнения, расстроило бы мать. Ну а врать он не мог. Поэтому и спрятался от посторонних глаз — революционная конспирация, а как же!

Хрустя сухарями (мать хранила их в мешках на чердаке), Олег приступил к перековке простого советского школьника в революционного поборника истины. Но как он ни вчитывался в текст Библии, смысл оставался ему непонятен. Он даже заглянул и в конец книги (обкатанный прием), но и здесь ровным счетом ничего не разоб-

рал — только запутался еще больше. В растерянности он захлопнул книгу, потом открыл ее на первой попавшейся странице. Под обозначением главы увидел прописью: «*Нагорная проповедь*». Так, неплохо... Об этом что-то говорила историчка... Ах да, точно! К ним приезжал лектор по антирелигиозной пропаганде. Ну она свою ученость и показывала... Вроде бы какой-то плотник на какой-то горе излагал простому люду свое лжеучение. Годное лишь для рабов. Лектор еще ей поддакнул, верно, мол, и добавил, что если по-простому, то оболванивал тот плотник народ. Олег облегченно вздохнул и бегло просмотрел главу. Стихи были короткими, так что зубрить их не составляло для него никакого труда. Он обладал прекрасной памятью — наизусть шпарил целые поэмы. Одним словом, решил он для начала заучить вот эту самую, пятую главу. Тем более, что первые стихи начинались одинаково: блаженны, блаженны, блаженны. Куда уж легче! Но, странное дело, как он ни силился, запомнить больше двух стихов не мог. Это выводило его из равновесия, он ожесточался. Однако, грызя очередной сухарь, с упорством продолжал зубрить текст. Но все равно сбивался — если не на первом, то на втором стихе. Нет, кое-чего он тем не менее добился: от сухарей у него началась икота и такая страшная изжога, что он кубарем скатился вниз по лестнице и бросился на кухню. Там он проглотил большую ложку соды и запил ее водой. Когда ему полегчало, Олег снова собрался лезть на чердак. Он решил отказаться от сухарей, но не от намеченной цели.

Олег уже поднимался по лесенке, как вдруг его осенило: надо позвать на помощь Юроньку. Сказано — сделано. Теперь они сидели вдвоем, друг против друга, и младший брат старательно следил за текстом, поправлял старшего в нужных местах.

И тут случилось то, что и должно было случиться: через четверть часа восьмилетний Юра уже знал стихи наизусть и по памяти подсказывал их пятнадцатилетнему Олегу. Сообразив, что происходит, Олег отобрал у братишки Библию и стал его проверять. Ну и в результате разобиделся на весь белый свет... Сказал, что теперь сам видит: права была историчка — книга эта для рабов, Потому-то он не может ни одного слова запомнить. Затем взял с Юроньки клятву не рассказывать матери, что они брали книгу без спроса, и незаметно вернул Библию на место. После чего благополучно забыл о пережитых мучениях. Тем более что тут же с легкостью выучил стихи для школьного спектакля.

Но Юра о Библии не забыл.

— Олечка, — сказал он как-то, с виноватым видом глядя себе под ноги, — меня так и тянет еще раз почитать Библию. Ну прямо спасу нет. Если я попрошу ее у тети Лены, ругаться не будешь?

— Да читай сколько душе угодно, — великодушно разрешил Олег. — Только что вы там поймете? Мама неграмотная, а тебе вроде рановато за такие книги браться. Но про уговор наш помни.

— Я помню, помню, — обрадовался Юра и, не удержавшись, похвастался: — А мне папка посоветовал для

начала за Новый Завет взяться. Ну, чтобы лучше понять.

— Так ты, что — написал ему про нас? — опешил Олег. — Ну, кто тебя просил, Юронька? А еще говоришь — не забыл про уговор.

— Так уговор-то на тетю Лену был, — справедливо возразил Юра. — На папку не было. Да и читать мы будем не с тобой, а с ней. А мы с тобой какой Завет читали — Новый?

Олег лишь рукой махнул: новый, старый — какая разница. Религия — опиум для народа. Теперь он это знал наверняка. А его герои — они вон где: «Ему судьба готовила путь славный, имя громкое народного заступника, чахотку и Сибирь...» Или что еще лучше: «Ваше слово, товарищ маузер!»

Нет, что ни говори, человек — это звучит гордо!

Теперь мать Олега частенько сидела с племянником в горнице: Юра читал вслух Евангелие, а она, облокотившись на стол, внимательно слушала. Как-то раз к ним подсел отец, но, послушав немного, встал.

— Мудрено, — покачал он головой. — Не по Сеньке шапка. Сами читайте, может, что и поймете.

— А ты послушай еще, Федор, — остановила его мать. — Прочитай нам, Юронька, про чудеса, которые Иисус творил. Как слепого исцелил, прочти. Послушай, Федя, а?

Но отец наотрез отказался.

— Эти теперешние чудеса у меня вот где. — Он взял

себя рукой за горло. — Сегодня — чудеса, а завтра — каталажка. Смотри, Еля, как бы вслед за Иваном не отравили.

— Да я ж в церковь-то не хожу, чего ж бояться?

— Ну, лиха беда — начало, Еля. Слышал я, сильно эта Библия человека затягивает. Почитает он, почитает, а потом ему уже и в церковь зайти хочется. А церковь-то ихняя — ну тех, кто этой Библии держится, — не православная, а вроде как иноверная. А стукачи да держиморды живо всех на карандаш берут. Никуда ты от этих ищеек поганых не спрячешься. Я бы их всех... — Отец осекся, спохватился, что лишнее при мальчонке сболтнул. — Ладно, сидите тут тихонько.

Осенью неожиданно вышел из тюрьмы Иван. Впрочем, ничего неожиданного в его освобождении не было: ровно от звонка до звонка отбыл он свой срок. Это уж близким так показалось. Томились, томились пять лет ожиданием, сетовали, что не отпускают, а как пришел, показалось — внезапно.

Вцепился Юра в отца, повис у него на шее, да так и не отошел от него весь день. Теперь, когда отец и сын были вместе, они с особой силой ощутили свою утрату. К радости встречи примешивалась грусть об умершей тете Любе.

Меж тем горькое чувство пришлось пережить и Олегу. Где-то за полночь его разбудили голоса отца и дяди Вани. Отец был слегка подшофе и говорил достаточно громко, впрочем, слова дяди тоже разобрать труда не

составляло. Видимо, взрослые не сомневались, что дети спят. Олег как раз натягивал одеяло на голову, когда услышал, как отец настойчиво повторил:

— Да ты пойми, я не против Бога. — И уже с жаром: — Но где, скажи, Он был, когда нас сюда ссылали? Кулаков, видишь ли нашли! — Олег так и застыл с накинутым на голову одеялом. — Это я-то кулак? Да у нас только худая лошаденка и корова были. И после этого я должен любить эту свору? Ты в уме, Ваня? Нет, ты подумай, Еля, — призвал он в свидетели хранившую молчание жену, — мы с тобой должны любить тех, из-за кого чуть не подошли с голоду! Да я и сейчас вот этими самыми руками раздавил бы ту гниду Хмырева, большевика поганого, не сгори он от самогона. И всех его сотоварищей. Спроси у любого здешнего мужика, и он тебе то же скажет. Но только так — по доверию. Не для чужих ушей, потому как все мы тут — ссыльные. Научены язык за зубами держать. Да что тебе об этом говорить, ты и сам через тюрьму прошел. Любить... Ну надо ж такое выдумать! Сам-то веришь в то, что проповедуешь? Только честно?

— Мне не честно нельзя, Федор. Верю, потому что так велит Христос. Вот ведь не ушел от расплаты твой Хмырев — ты сам сказал. Много он нарадовался твоему горю? То-то. И тебе не пришлось грех на душу брать. А где он теперь обретается, если не в аду? Вот что страшно. А здесь, на земле, Господь нам терпеть велел. Чтоб вечность в муках не проводить.

— А-а, вечность... Это бабка еще надвое сказала, есть

ли она вообще, вечность твоя. Сгнием вон — и все дела... Не хочу я больше разговоры эти говорить, тоска одна. Тоскливый ты собеседник, Ваня. Ни спеть с тобой, ни выпить. Тоска. Лучше я спать пойду. Нет, это ж надо — любить я их должен!..

Когда отец сказал «поганый большевик», на Олега словно ушат ледяной воды вылили — весь последующий разговор доносился до него, как в тумане. Услышать такое от отца! Ведь большевики — олицетворение справедливости. Они боролись за счастье народа. За это их при царизме в Сибирь ссылали.

Мысли Олега смешались. Он даже не догадывался, что его родители ссыльные. Ему вдруг вспомнилось, как недавно на линейке директор с гордостью сказала, что по ученикам их школы можно проследить всю географию Советского Союза. Выходит, его одноклассники — внуки тех самых кулаков, против которых как раз и сражался выдуманный Олегом храбрец комиссар — тот, что был нафарширован библейскими цитатами. Но разве его отец — враг? А мать? Стоило Олегу задать себе эти вопросы, и образ красного комиссара померк навсегда. И откуда-то всплыло в сознании имя Иуды — синоним чего-то хитрого и подлого.

Вспомнил Олег и о том, как его, шестилетнего, отец взял однажды на лесоповал. Шибко гонялся он за папкой и вырвел-таки себе эту привилегию. Хотя, откровенно говоря, отца скорее мужики из бригады уговорили, — дескать, возьми мальчика, вон как убивается по тебе. И был Олег

ту неделю на самом на седьмом небе от счастья: то с одним шофером на полуторке проедет, то с другим. Никто из пацанов в деревне больше такой чести не удостаивался.

А еще бродил он босиком по тайге и собирал ягоды. Почему-то больше всего любил Олег костянику. Может, потому, что мимо нее пройти нельзя — до того призывно вспыхивают в траве ее прозрачные рубиновые бусинки! Сгребешь с веточки ягодки в ладонь, наберешь полон рот и катаешь-перекатываешь косточки. Нет ничего вкуснее!

И вот как-то раз, во время обеда, сидя в ногах отца, слушал он, приоткрыв рот, здорового мужика — его лицо было изуродовано глубоким шрамом, шедшим до губы через всю правую щеку. Мужик тот неторопливо, с долгими остановками, рассказывал, как привольно жилось людям в годы его молодости. В голосе этого человека звучала щемящая тоска, которая становилась особенно заметной, когда он говорил: там, на моей родине. Это удивило Олега: он что — не русский? Раз у него родина другая? Но когда после долгого молчания отец сказал: «Да, брат, ты словно про мою родину говорил. И у нас такое творилось, что не приведи Бог...» — Олег совсем растерялся. Тут, впрочем, разговор оборвался. Отец с напарником заметили, как к ним идет еще один лесоруб, и тотчас принялись громко рассуждать, где ловчее начать вырубку. Олег сообразил, что сейчас к отцу с вопросами приставать нельзя. Пришлось ждать вечера.

— Папка, — спросил он, когда они с отцом остались

одни, — а че, дядя Митя — немец? Ну, он все говорит, родина его не здесь...

— Да нет, сынок, русский он, — тяжело вздохнул отец. — Такой русский, каких еще поискать. А говорил дядя Митя про те места, откуда он родом. Где человек родился — там его и родина. Вот только отобрали ее у него. Как и у меня. Тебе пока этого не понять, да и не надо. И спрашивать об этом никого не надо. Договорились? Ну, иди спать.

Отец знал, что сын больше никого об этом не спросит. А раз нельзя спрашивать, то и забыл тут же Олег тот разговор. И вот теперь, услышав, что говорил отец Ивану, вспомнил он про дядю Митю и его родину.

Тяжелым был в ту ночь сон Олега. Не принес облегчения ни наступивший день, ни следующий. Несколько раз порывался мальчик поговорить с дядей, но в последний момент задавал ему какой-нибудь пустяковый вопрос. Выручил его сам Иван.

— Хочу поговорить с тобой напоследок, Олежка. — Сидевший за столом дядя подался вперед, положил огромные руки на столешницу и глянул племяннику прямо в глаза.

Хотя Иван был моложе матери Олега, он казался ее старшим братом. Высокий, сутулый, белый как лунь.

— Вижу, ты сейчас на распутье. Не нашел еще своего призвания. Ну, через это все проходят... Вот и хочу дать совет, а слушать, не слушать — твое дело. Ты ведь пытался читать Евангелие?

— Пытался. Только не далось оно мне. Двух строчек не осилил.

— Может, с недобрыми намерениями ты за него взялся, Олег? Ну, не хочешь — не отвечай. Только запомни: Библия открывается лишь тому, кто нуждается в ее добром совете. Не хочу тебя сейчас в чем-то убеждать. Мне это не нужно. Я и так вижу: ты придешь к Богу. Об одном прошу: сделай это как можно быстрее... Для своего же блага. *И помни, что Бог таит истину от мудрых и разумных и открывает ее младенцам...* Говоря попростому, дитя истину ищет не для того, чтобы корысть из нее извлечь, а по наитию души. Сердцем искренним. Подумай над этими словами.

Через несколько дней Иван взял сына и уехал с ним домой, на Тюменщину.

Долго уговаривали его отец и мать Олега погостить у них еще (в кои-то веки свиделись!), но он торопился.

— Пять лет не был на служении в своей церкви, — смущенно объяснял он. — Да и мать наша там ждет. За живой недоухаживал, так хоть за ее могилкой присмотрю. Поедем мы.

На том и расстались.

«*Бог таит истину от мудрых и открывает ее младенцам*». Долго не давали покоя Олегу эти слова. Но мало-помалу забылись и они. И вот теперь, через столько лет, наблюдая за Клавой, которая впитывала в себя каждое слово Библии, он понял их значение. Хотя Клава была несведуща, как младенец, Господь открывал

ей свои истины, и она их схватывала на лету. Сходным образом это произошло когда-то с маленьким и, казалось бы, неразумным еще, Юронькой. Но не с Олегом, который воображал себя мудрецом.

На этот раз Олег не испытывал ревности; напротив, сердце его переполнилось радостью — ведь к этой тайне Божией вместе с Клавой прикоснулся и он. Он смотрел на знакомые библейские стихи новыми глазами и переосмысливал их. И эти тайны, их сокровенный смысл открывались ему с совершенно неожиданной стороны — отчего он терялся и замолкал в изумлении. Можно было с уверенностью сказать: Слово Божие Олег с Клавой постигали сердцем.

И настал миг, когда молодая женщина в слезах и молитве опустила на колени, взывая к Богу и прославляя Его, а Олег от благоговения растерялся, забыл все слова. Глаза его подернулись влагой, и смог он только вторить Клаве: «Иисус мой, Иисус, славим Тебя!»

Присутствовавший при этой сцене Василий в замешательстве поглядывал то на одного, то на другого. После случая с мичманом Олег стал для него идеалом. А тут — слезы. У такого мужика — слезы! Не-е, неладно тут что-то... Неладно. Разум Василия воспротивился такому раскладу, в голове его сам собою получился сумбур, и он, чтобы привести мысли в порядок, тихонько выскользнул за дверь и дунул к Японцу. С тем, по крайней мере, все было ясно. Без сантиментов. Или веселье до упаду, или по роже веником...

Глава 6

За два дня до отъезда Олега из поселка солнце наконец-то прорвалось сквозь плотный серый покров туч, и небо засияло ослепительной, настоящей синевой. Небольшие тучки сбивались в стайки и, будто сознавая вину за то, что так долго скрывали небесное светило, спешно уплывали за горизонт, где и растворялись без остатка.

В воскресенье Олег вместе с Клавой, Сергеем, Василием и Японцем пришел на берег Обской губы. С замирающим от восторга сердцем взирал он на соткавшийся из воздуха призрачный город. А его спутники с большим интересом наблюдали за ним. Их переполняло чувство гордости: дескать, смотри и запоминай, Олег Алексеевич места наши! Нам-то не впервой, а ты где еще встретишь такое? А он и запоминал. Стоял в каком-то оцепенении и до рези в глазах вглядывался в город-призрак, словно пытался там что-то отыскать... Уже и мираж рассеялся, а Олег все так же стоял, глядя в одну точку. Город этот продолжал жить в его воображении, и он боялся его разрушить.

— Мы пойдем, Олег Алексеевич? — тихо произнесла Клава. Спутники Олега видели, в каком он пребывает состоянии, и не хотели ему мешать.

— Да-да, — чуть слышно, не оборачиваясь, проронил Олег. — А я еще постою...

Но и уходить когда-то все-таки надо. Спустя время Олег с сожалением отвел взгляд от моря и увидел сидящего на песке Японца.

— А ты что не ушел?

— Хочу спросить тебя, Лексеич. Без свидетелей.

Ответишь?

— Конечно, — рассеянно проронил Олег. Он все еще находился под впечатлением от увиденного.

— Ты что, и впрямь холостяк? Не было жены вовсе?

— Была, Виктор, была. Искрой звали.

— Ишь ты, красивое имя. И сама красивая?

— Красивее не бывает.

— Я так и знал. Как моя, значит, — подытожил Японец. — Лучше моей тоже не было. Скажи: ты однолюб?

— Допустим, — Олег был заинтригован. — А ты что, верховный птицегадатель?

— Да я не к тому. Скажи, твоя Искра... она тоже умерла?

— Да, — Олег внимательно вглядывался в Виктора.

— А почему — тоже?

— Так и моя померла, — с невыразимой тоской, так не вязавшейся с его бойцовским характером, объяснил тот. — В одночасье. Я как раз в загранку ходил. Вернулся, а ее уже похоронили. — Помолчали. — А я сразу увидел, что ты однолюб. К бабам живого интереса не проявляешь. Как и я. Мы вообще похожи. Судьбы наши, то есть. Ты — в пустыне, я — в море. Одинокие волки. И вот мне интересно: почему я от горя запил, а ты — нет? Бог? Так Клавка говорит, ты в Него недавно поверил. А что же раньше? Растолкуй мне, если, конечно, можешь.

Олег присел рядом с Японцем, но ответил не сразу.

Виктор не торопился, сосредоточенно выцарапывал пальцем на песке замысловатые иероглифы.

— Да что тут растолковывать? — начал Олег. — Пробовал и я горе свое залить, но ничего из этого не вышло. Искра моя была верующей. Вот мне и привиделось однажды, будто она смотрит на меня, пьяненького, — укоризненно так смотрит, мол, отчего ты развеселился, Олег? Неужели, рад тому, что я ушла? Веришь, вмиг протрезвел. Как ты объяснишь ей, что это я с горя? Пьют-то для веселья. С тех пор как отрезало. Выпиваю, конечно, изредка, но только по необходимости. Если замерзну или вместо лекарства, как у геологов принято. Теперь-то понимаю: это Господь меня с помощью Искры от пьянства удержал.

— Ты извини, Лексеич. — Японец стремительно поднялся. — Вот пока ты про себя говоришь, мне интересно, я еще верю, понимаю и принимаю. Но когда Бога в это дело впутываешь... Извини, но меня от глупости такой аж корежит.

— Немудрено, — встал и Олег. — Было бы странно, отреагируй ты на мои слова иначе.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А ты попробуй выслушать меня без эмоций. Скажи, ты уверен, что Бога нет?

— На все сто.

— А если другие о Боге говорят, а тебя это напрямую не касается, тебя как — корежит?

— Да ну, пусть тешатся. Мало ли что кому на ум взбредет.

— То есть тебе все равно, верно? Стало быть, тебя волнует только то, что касается тебя?

— Конечно. Меня не тронь. Себя дурачить не позволю.

— А почему? Только честно.

— Сказал же: не позволю дурачить.

— Нет, Виктор, ты сейчас слукавил. Это не ты не позволяешь, а тот, кто управляет тобой. И ты это уже понимаешь, иначе не спросил бы, какая между нами разница. Вот скажи, в тебе сейчас, ну, пусть не злора, но досада на меня растет?

— С чего ты взял? — поспешно, как это бывает у людей, застигнутых врасплох, выпалил Японец.

— С того самого. Потому что сам хаживал в этих сапогах. Чуть ли не с кулаками кидался на любого, кто мне о Боге хотел сказать. А ты попробуй ее, злора эту, унять. Хотя бы из уважения ко мне. Смотри: после той драки мы подали друг другу руки... И ты не держишь на меня зла. А вроде бы причина была более весомая, так? А сейчас из-за каких-то слов закипаешь. Откуда это?

Японец тяжело опустил на песок.

— Ну, откуда? — глухо выдавил он.

— Сам поразмысли. — Олег тоже сел. — Вот ты сказал, что у нас схожие судьбы. Ты даже не подозреваешь — насколько. Слушай, я ведь тоже потерял Искру, когда был в загранке. В Монголии, в пустыне Гоби, мантулил, зарабатывал деньги на жилье. Не хотелось больше мотаться по съемным квартирам. А ведь у Искры были очень влиятельные родители. Только обо мне ее мать и

слышать не хотела. Короче, вернулся, а Искры уже нет. Слышал о ташкентском землетрясении? Так вот, она погибла чуть позже. Город только-только начали восстанавливать. Она жила у бабушки, меня ждала. Еще ты сказал, что мы оба — одинокие волки. Это справедливо лишь отчасти. Я был одиноким волком. Теперь я с Христом. Он со мной всегда, везде и всюду. Я — Его раб. Он — Господин моего сердца, моей души. Ну, а тот, у кого в сердце нет Христа, рискует стать вечным рабом Его противника. «Ибо кто кем побежден, тот тому и раб», — говорит Библия. И противник этот никогда не смирится с потерей души своего подопечного. Однако он начинает действовать только после того, как этот подопечный проявит интерес к Христу, даже самый мизерный. Вот что происходит с тобой, Виктор. Нет ему резона отпускать тебя: нужен ты ему — он тебя и подзуживает, травит душу.

Японец сидел неподвижно, понурился. Непонятно было, слушал ли он, или погрузился в воспоминания. Наконец он выпрямился и посмотрел на Олега.

— Хочешь сказать: я раб черта? Или как там его еще называют?

— Так и называют — сатаной. Но решать, быть или не быть его рабом, — тебе, не мне.

— И как же я могу это решить? Заявление написать? Богу? — мрачно усмехнулся Японец. — Прошу принять меня в ряды... А?

— Ну да — заявление. Но писать его незачем, нужно просто смиренно попросить Господа войти в твоё сердце.

— А как же грехи, Лексеич? Их-то куда девать? — возвысил голос Виктор, потрясая руками. — Они ведь, грехи эти... Ого! Отца... Мать больную бросил, ни разу копеечкой не помог: это куда, в архив? На работе еще куда ни шло, забываешься. А как безделье... О-о! Одно спасение: напьешься — забудешься. Очнешься — совесть хватъ тебя за воротник. Что делать? Снова за рюмку. Заколдованный круг!

— Вот и расколдовывай. А грехи твои Он возьмет на Себя, как взял мои. Коли уж судьбы наши схожи, одинаковыми они должны быть до конца... Значит, надо было Ему, чтобы мы встретились. Как думаешь?

— Разбередил ты мне душу, Олег, — в первый раз обратился к нему по имени Японец. — Голова кругом идет. Пойду я, думать буду.

— Подумай...

Глава 7

Олег вернулся в поселок, а к вечеру, захватив альбом для рисования, снова пришел на то же место. Безлюдный берег и тишина как нельзя лучше подходили для его хобби — рисования. Он хотел запечатлеть вот эту переключку моря с вечерним небом. Но после первых набросков — здешний пейзаж в них лишь угадывался — один за другим появились портреты Искры. Олег не без удовольствия отметил разительное сходство портретов с

оригиналом. Ничего удивительного: Искру он рисовал многие годы. Рисовал, когда появлялось подозрение, что он начинает забывать ее лицо, и когда выдавалась свободная минутка.

Олег отложил альбом в сторону, лег на песок и задумался, пристально вглядываясь в небо. Вроде бы и недолго пожил в поселке, но в памяти навсегда останутся люди, с которыми довелось здесь встретиться. А сколько дорог он успел исколесить по совсем незаунывной и однообразной, как он полагал доселе, тундре! Завтра эти дороги вновь сойдутся в аэропорту. Завтра будет, как говорят местные жители, «борт на землю», и Олег улетит. Улетит и увезет с собой память, — наверное, за ней он и приезжал. За памятью и воспоминаниями.

Ему и впрямь удалось вспомнить свою забытую мечту... Несбывшуюся мечту своей молодости. И ее, Искру, юности. Потому что... Ах, какой же юной она была в ту пору! Неполных восемнадцать... Ну что ж, он выполнил обещание, и хотя Искра так и не побывала в этих краях, она жила в его сердце и, значит, тоже увидела Ямал. Таков был уговор. С уходом жены он показался Олегу ненужным, забылся. Пока Сам Господь не напомнил о нем в аэропорту Тюмени. Теперь все стало так, как она и мечтала в том далеком-далеке, в казахстанской степи, когда высокое ночное небо залилось вдруг необыкновенным матово-бледным светом и все окрест тотчас приобрело таинственный вид. Это длилось несколько минут. Они не знали, что это было. Возможно, запуск ракеты.

— Наверное, — сказала Искра, — таким бывает северное сияние. Ты видел северное сияние?

— Нет, никогда.

— И я не видела. Но это моя заветная мечта: побывать на Ямале и увидеть северное сияние.

— Почему на Ямале? Северное сияние видно во всем Заполярье. Даже ближе.

— Там есть воздушный город, мираж. Мне рассказывали... На каком-то Каменном Мысе.

— Мираж? На Ямале? Что-то я не слышало таком чуде.

— Да, — заволновалась Искра. — Они говорили, там есть небесный город. Даже пели о нем песню. Поедем туда после института? Понимаешь, мне необходимо там побывать. Поедем?

— Посмотрим. Надо еще дожить.

— Ну не будь таким скучным. Что значит — «надо еще дожить»? Доживем, да еще как! — И вдруг сама задумалась: — Если ты меня, конечно, дождешься. Тебе то год остался, а я только первый курс осилила. — Олег улыбнулся: «осилила» она его на «отлично». — Окончишь институт и удерешь на Ямал без меня. А идея-то, между прочим, моя.

— Да куда ж я без тебя, Искорка! Мне и минута без тебя — вечность. Придумала тоже — «без меня».

— А вдруг? — не сдавалась она. — Вдруг это случится? Но даже если и так, я должна быть с тобой.

— Как это? — улыбнулся он. — Один, а с тобой?

— Со мной в сердце, — просто сказала она. — Я это почувствую.

— А если ты поедешь одна, я...

Она не дала договорить:

— Я без тебя не поеду. Но если тебе вдруг *придется* поехать туда одному... Обещай, что я буду с тобой!

— Ну, что ты, Искра. На Ямал — только вместе. И ни-ка-ких гвоздей.

— Конечно, это было бы замечательно, — согласилась она, но в ее темных, как ночь, глазах внезапно поселилась печаль.

Вот и выполнил он ее волю. Почти через четверть века. Олег видел ее город, город-мираж, в существование которого в молодости не очень-то и поверил, а потом за бесполезностью и вовсе забыл о нем. А он — прямо перед глазами! Как наяву. И теперь Искра была в его сердце. Именно теперь, как она и говорила...

Выходит, она... предчувствовала это? Выходит, она чувствует это сейчас? Получается, прав Юра: Господь знает, *что* лучше. Но когда смысл лучшего откроется ему, Олегу? Жаль, что этот вечер на песчаном откосе Обской губы для него последний. И какой вечер!

Кровавый диск солнца, неспешно катится по небу. Кажется, вот он — рядом, за выпуклой водной гладью, только руку протяни. Но лучше этого не делать — обожжешься! Да Олег и не пытался дотронуться до солнца, лишь прикрывал рукою, как козырьком, глаза, подглядывая за этой раскаленной сковородкой. Смотреть открыто на такое солнце — себе дороже. Попробуй — и так ослепит, света белого не взвидишь! Мир обернется

радужным пятном. Долго потом придется тереть глаза. Но и не смотреть на эту красоту нельзя, вот и приходится подглядывать. Да и как не взглянуть на то, как на самом краю земли («Ямал» по-ненецки означает «край земли») падает в море солнце? Кто устоит перед подобным искушением?

Вот огненный шар покотился над самой водой, и заискрилась, побежала по ней зеркальная дорожка с атласными кромками. Клинышком уткнулась она у ног Олега в берег. Казалось, еще мгновение — и солнце, коснувшись поверхности воды, взорвется... И с шипением взметнется ввысь клубы пара... Но солнце дотронулось до моря и начало уменьшаться прямо на глазах: осталось две трети, половина, треть, все меньше, меньше... И никакой вселенской катастрофы! Правда, спустя время, что-то подобное все же происходит. Мир погружается в какую-то странную субстанцию, похожую на испарение кристалла, а пылающий на горизонте закат, достойный кисти Куинджи, уступает место вечерней заре, которая мягким слоистым янтарем разливается по небосводу. Впрочем, заката, как такового, летом в Заполярье не бывает. Всю ночь, то есть все отведенное для нее время, бледно светится горизонт.

Зачарованно глядевшему в вечернее небо Олегу показалось, что он тоже причастен к этому волшебству; что с его души свалился огромный камень; что она очистилась и наполнилась умиротворенностью.

Олег всем своим существом возблагодарил Бога. Внезапно сами собой пришли на память строки:

*И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.*

Когда-то, много лет назад, эти стихи нашептывала ему в степи Искра.

Потускнела, а потом и вовсе убежала к горизонту солнечная дорожка и только там, вдали, все еще мельтешила она серебряными переливами. Тихо накатил на берег очередной пенистый бурун. Олег, привстав и не отрывая глаз от потемневшей глади залива, прислушался к шороху уходящей в песок воды. Говорят, если долго глядеть на большую воду, увидишь что захочешь. И ему это удалось.

...Откуда-то сверху полилась едва различимая грустная мелодия. Сначала невнятно, затем все отчетливей зазвучали робкие переборы домбры. Эту мелодию вызвало к жизни одно воспоминание.

Все было удивительно схоже. Такая же вода. Много воды... И такая же дорожка, только лунная, на озере Торайгыр. В Казахстане.

Искра сидит, обхватив руками колени, и не спускает глаз с Толегена, или, как его ласково называют казахи, Токе. Рядом, боясь шевельнуться, замерли остальные члены студенческого отряда — всего восемь человек, включая и Олега. Чудную песнь об этом удивительном крае и своем народе поет Токе. Он поет о том, какую безграничную любовь проявил Господь к людям, создав на

земле райский уголок — Баянаул. Здесь есть все, что надо человеку: раздолье степи и обилие озер, манящие горы и тенистые леса, плодородная земля и тучные пастбища... Казалось бы, живите и радуйтесь, люди! Но люди пошли друг на друга войной.

Некий жадный бай, наущаемый дьяволом, подбил соплеменников вытеснить с этих благословенных земель представителей другого рода. И схлестнулись они в кровавой схватке. Услыхала об этом Когаршин, жена одного из батыров, и поскакала к месту битвы на верблюде. Но она боялась, что не успеет остановить мужчин. Тогда она попросила Бога помочь ей. Господь превратил ее в голубку, и Когаршин взмыла в небо. И где пролетала голубка, там опускали воины мечи и братались друг с другом. Облетела Когаршин поле битвы, села, обессилевшая, на скалу — и окаменела. Скала та, Когаршин, то есть Голубка, так и стоит неммым укором людям: нельзя ненавистью победить зло, только любовью Божией.

А сколько раз на эту землю посягали завоеватели! Сколько здесь пролито крови! Вот почему каждую весну казахстанская степь, словно красным ковром, покрывается маками и тюльпанами. Точно хочет показать людям, каким прекрасным может быть мир без войн.

Всякая капля крови взывает к человеческому разуму. Ведь Бог дарит солнце и добрым, и злым и посылает дождь праведным и неправедным. Ибо Он есть любовь...

По лицу Токе пробегают отблески огня. Он будто бы и не поет вовсе, а вслушивается в себя. Взгляд его отре-

шен. Руки старика нежно касаются струн, и те отзываются на его ласку трепетными звуками. То, затухая и тоскуя, жмутся эти звуки к земле, то, будто стая птиц, взмывают вслед голосу Токе ввысь, к мерцающим звездам. Там, наверху, они превращаются в звенящее эхо, мало-помалу угасающее в космическом пространстве.

Пальцы старика медленно скользят по струнам домбры. Слышится тоскующий глуховатый перебор. В это мгновение Серафим быстро переводит студентам слова песни.

Словно наяву, видят ребята битву. Звенят мечи, гудит, содрогается от топота копыт земля, прекрасная Когаршин обращается с мольбой к Богу, взмывает над схваткой голубка... Внезапно Серафим смолкает на полуслове и пораженно застывает, не сводя глаз с озера. Все разом поворачивают головы.

Близ берега, выплыв из-за скалы, кружит в танце стая лебедей. Грациозно выгибая шеи, скользят прекрасные птицы по озеру и следом за ними скользят их двойники, отражения. Искра импульсивно подается вперед.

Лебедь чистый, лебедь белый,

Сны твои всегда безмолвны,

Безмятежно-серебристый,

Ты скользишь, рождая волны, —

восхищенно декламирует она, схватив Олега за руку. Эти строки так естественно вплетаются в канву этого не придуманного спектакля, что кажется, им и должно было прозвучать здесь.

— Остановись мгновение! Ты прекрасно! — это уже взбалмошный командир студенческого отряда Гарри Шварц. — Ты прекрасно! — повторил он еще раз. На большее его не хватило — он тотчас смутился от своего порыва. Возвышенные чувства не в чести у современной молодежи. Запросто можно прослыть сентиментальным. К счастью, в эту минуту в компании царит совсем другое настроение, и Гарри, успокоившись, вместе с друзьями молча смотрит на лебедей.

Драматизм легенды, озеро, освещенное льющимся с небес лунным светом, скала Когаршин, затухающий костерок, дивный танец лебедей и изумительные по красоте пение и игра Токе захватили ребят целиком и полностью.

— Бог возводит Свое солнце над добрыми и злыми, ибо Он есть любовь! — вновь повторяет Токе, заканчивая легенду, и слова эти еще долго звучат в головах студентов. Было в них что-то притягательное... Их хотелось повторять вновь и вновь.

(Попробуйте и вы прочесть эти слова в уединении, глядя на звездное небо, и они непременно западут вам в душу, и вы почувствуете эту любовь. В них — все Евангелие. В них и в звездном небе вы отыщете Бога. И Его любовь.)

Ребята уже забыли, с какой неохотой согласились послушать пение акына; забыли, что еще час назад хотели ехать в сельский клуб на танцы. А главное, они и не вспоминали, для чего приехали к Серафиму.

Глава 8

Видавший виды «ГАЗ-53» с наращенными бортами, доверху груженный досками, бревнами и дровами, не очень резво, но весело бежал по степи. Весело было и шестерым студентам, восседавшим вопреки правилам безопасности на досках и горланившим на всю степь:

*От зари до зари, где горят фонари,
где студенты на ночь собираются...*

Кошмар! Нет на них декана. Но самое кошмарное то, что вместе с ними, стоя на подножке газика и размахивая рубахой, невпопад орет песни командир студенческого строительного отряда ССО-2 студент-дипломник Гарри Шварц. И это вместо того, чтобы призвать товарищей к соблюдению коммунистической морали! Как и многие люди, лишённые музыкального слуха, Гарри страстно любит петь, но стесняется делать это при народе... Однако здесь, в степи, под шум мотора как не выплеснуть переполняющие душу эмоции!

Врач отряда, студентка мединститута и по счастливому совпадению жена Гарри, Таня, покачивает головой от удивления. Она сидит в кабине — женщине в «интересном» положении ехать в кузове, расположившись на досках, небезопасно.

— Потрясающе! — кричит она мужу, сунувшему на мгновение в кабину свою кудлатую голову. — Тебе не медведь на ухо наступил — на тебя, сонного, бульдозер наехал.

— Ага! Он самый, — радостно соглашается Гарри, чмокает жену в щечку и, подставив лицо встречному ветру, принимается орать с удвоенной энергией.

Запевал песню, аккомпанируя себе на гитаре, парень в выцветшей солдатской форме — Олег Горохов. Остальные, поддерживая его с обеих сторон, дружно подхватывали:

Они горькую пьют, они песни поют...

В кабине, улыбаясь во весь рот, выводил слова песни колхозный шофер Абельда — очень уж она ему нравилась.

Выходило так, что из всей компании не пела одна Таня, но у нее на то были веские причины. Во-первых, ей мешал жутко фальшивящий Гарри. Во-вторых, Тане приходилось то и дело просить шофера держать глаза открытыми: ей казалось, что от счастья и без того узкие глаза Абельды превращаются в щелки, и он ведет машину вслепую. И вообще, надо смотреть на дорогу, а не выискивать в боковом зеркале поющих девушек!

Абельде льстили Танины замечания — он делался еще счастливее, заливался самодовольным смехом. Но надо отдать ему должное: газик он вел аккуратно, не заваливая на виражах, хоть дорога и петляла меж многочисленных невысоких холмов.

Машина вынырнула из ложбинки на прямую дорогу. Ландшафт стал идеально ровным, и на горизонте явственно обозначились очертания гор, тянущихся дымной

цепочкой от одного края степи до другого. Казалось, что до гор рукой подать. Но таково свойство степи — скрадывать расстояние. На самом деле до подножия Баянаула пришлось ехать еще добрых полчаса.

Стихли задорные песни. Ребята, глядя на горы, сгрудились у кабины. С неммым восторгом, забыв обо всем на свете, смотрели они на эту каменную сказку. Можно сколь угодно долго рассказывать о здешних горах, но слова не передадут и сотой доли их красоты.

Словно бы угадав настроение своих пассажиров, Абильда заглушил мотор. Молодежь тотчас рассыпалась по пологому склону. Кто-то расположился тут же на камнях, чтобы взирать на эту красоту снизу, кто-то, желая прикоснуться к ней, принялся карабкаться вверх.

...Невысокие, причудливых очертаний скалы и нагромождения валунов, напоминающие окаменевших животных. Меж ними по скальному грунту беспорядочно разбежались крохотные елочки, сосенки и березки; из каждой расселины тянутся они к небу. На вершине небольшой ступенчатой скалы из еле приметной трещины проросли березка и елочка. Но, по-видимому, им стало тесно, и они, словно поссорившись, отпрянули друг от друга в разные стороны. Так и стоят, похожие на огромную бабочку, расправившую разноцветные крылья. Одно — изумрудное, другое — переливчатое, бледно-золотистое. А вот та сосенка вообще все перепутала: выросла строго горизонтально из межреберного скального наложения, уткнулась вершиной в противоположный

уступ — будто над расщелиной мостик-скамеечку перекинула. Потом, осознав, что растет неправильно, уже обессиленная, выбросила она вверх ветви, напоминающие иссохшие паучьи лапки. И только на самом конце одной веточки сохранился мохнатый пучок зеленых иголок, благодаря которому можно понять, что она все еще борется за жизнь. Рядом — тоненькая, махонькая, от горшка два вершка, сосенка с такой пышной кроной, что на ствол уже и внимания не обратишь. Да он и не заметен. К ней, изогнувшейся в замысловатом танце, скрученной, будто пружина, прижался щекой Олег. Она напомнила ему о тайге. Крохотная — а сосна! Вон и лишайник, самый настоящий, в комлевой части ствола светло-зеленый, придел ее, скрыл кривизну. Танцуй, милая, радуйся жизни: нас-то ты самым фактом своего существования осчастливила.

Искра стоит рядом с Олегом, смотрит на янтарные капли смолы, растекшейся по растрескавшемуся стволу, и благоговейно шепчет стихи. Она слышала, что ароматной смолой, будто чудодейственным бальзамом, деревья залечивают свои раны. Выходит, сосенка эта — одна сплошная рана. Не это ли жизнелюбие? Как она не погибла? Благодаря чему? Или Кому? И главное — для чего выжила?

— Искра, ты опять задумалась, — сказал Олег, любясь девушкой. — Вечно мне приходится тебя будить. Где ты?

— Олег, — тихо произнесла Искра, обводя вокруг себя рукой. — Что это?

— Не знаю, — так же тихо ответил он. — Наверное, природа. Из сказки.

— Из какой? Кто ее создал, Олежка?

— Не знаю. Природа и создала, — неуверенно повторил он.

— Сама себя? Природа природу?

Олег развел руками:

— Сказка создала природу. Или наоборот. Не будем забивать голову философией. Вряд ли мы найдем ответ, — а потом добавил: — По-моему, ты читаешь про себя стихи... Пожалуйста, прочти их мне.

Искра не успела ответить. Раздался долгий гудок клаксона. И вслед за ним призывно громыхнул голос Шварца:

— По коням! — И через мгновение: — Ну, вы, там, геолухи! Шестеро двоих не ждут! Или вам требуется особое приглашение?

Искра с Олегом с сожалением привстали и прижались друг к другу, держась за «крылья бабочки». Им так не хотелось расставаться с этой сказкой. И еще они мечтали хотя бы немного побыть наедине...

— Стоять! Спокойствие! — Искра и Олег вздрогнули. Чуть ниже, привалившись спиной к огромному валуну, замер с фотоаппаратом в руках Гарри. — Вот я вас ущучил, так ущучил. Попробуйте теперь отвертеться от свадьбы. И попробуйте только меня не пригласить. По судам затаскаю!

Вновь оседлали студенты доски и таким макаром вскоре въехали во владения колхозного тракториста

Серафима. Что, собственно, и было целью их поездки.

Серафим владел приземистой глинобитной мазанкой из трех мизерных клетушек-комнатушек под ветхой крышей и притулившейся к камню беленой летней печкой из сказки «Гуси-лебеди».

На шум мотора из мазанки высыпала орава ребятишек, мал мала меньше, следом за ними вышла хозяйка с грудничком на руках и только потом, согнувшись в три погибели, появился Серафим — высокий, сутуловатый мужчина лет сорока.

— Принимайте, хозяева! — театрально раскинул руки Гарри. — Это Серафиму за его ударный труд на строительстве кошары на благо овец и баранов...

— То есть он хотел сказать, на наше благо, — перебила мужа Таня. — Что, в общем-то, одно и то же.

— Нет, нет, — мотнул головой оратор, — мы выше баранов... Намного.

— Но ниже овец? — встрял Олег.

— Вопрос бестактный. Снимаю его с повестки дня. Повторяю для недогнавших: Серафим помог воплотить нашу мечту о баранах в жизнь: подчеркиваю, нашу — о баранах. И за все про все ему от нас вот эти самые дрова и бумага, удо... у-до-сто-веряющая... Бе-е-е, запарился я с отчетом. Что я вам, Цицерон? В общем, Серафим, здесь накладная с колхозной печатью. Это, — махнул он рукой в сторону газика, — твое. Все чин по чину. Разгружайте! — крикнул он ребятам и, не дав Серафиму опомниться, спросил: — Как хозяйку зовут? А... Дарья Павловна... Так вот, Дарья Павловна, люди с дороги,

неплохо бы организовать чай. Остальное сделают наши девчата.

Дарья, во время речи Гарри как заведенная повторявшая вслед мужу: «Да как же это так, ребята, да как же это так?» — мигом оправилась от смущения:

— Митя, Стеша, Саша, Глаша, кто там из вас? Зато пите печь!

Дети с восторгом бросились выполнять поручение.

— Мама, — дернул Дарью за руку малыш лет трех-четырёх, — дяденьки нам дрова привезли? Чтобы ты не говорила папке, что печь топить нечем? — И, увидев, что ещё больше смутил мать, застеснялся сам, зарылся лицом в ее подол. Не менее смущенный Серафим бросился разгружать машину.

Глава 9

Тракторист Серафим был прикомандирован колхозом к ССО, который возводил в степи кошару для овец. Ребята устанавливали опалубку для заливки цоколя. Раза два в неделю Серафим привозил им стройматериалы.

Одновременно за два километра от кошары, на отгоне, студенты сооружали двухквартирный домик для чабанов. Поскольку все делалось вручную, без трактора «Беларусь» ребятам пришлось бы туго. Молодежь любовно окрестила этот трактор «чих-пах». Он трещал,

пыхтел, стрелял, но работал. Причем добирался до объекта быстрее газа Абильды.

Обычно Серафим отправлялся в степь за бутовым камнем, добыча и погрузка которого считалась самой тяжелой работой. Потом, отцепив прицеп, трактор развозил материалы — курсировал между кошарой и домиком чабанов. Управляли «чих-пахом» студенты. А Серафим тем временем помогал на стройке.

У Серафима были золотые руки и огромный опыт строителя. Увидев, как и из чего студенты выставляют опалубку, он посоветовал изготовить щиты (шесть метров в ширину и метр в высоту) из лиственницы-пятидесятки. После чего эти щиты оставалось только перенести. Тяжело, но выполнимо: бригада-то на кошаре — тридцать пять человек! Работа пошла быстрее. Так Серафим — он помогал ребятам почти до самого окончания строительства, вплоть до возведения крыши, — стал негласным советником по строительным делам.

Короче говоря, пришелся он студентам ко двору. Вот только порой их раздражала его чрезмерная стеснительность. Первое время отрядным поварихам Искре и Вере (они были студентками педагогического института) с трудом удавалось усадить его за стол. Серафим вечно или «только что ел», или был «сыт по горло». Но девушки не отступали, шутливо звали на помощь ребят, и он сдавался. Потом привык, даже краснеть перестал. Лишь сокрушался, что хрупким девчатам приходится выполнять такую тяжелую работу. А работали они и впрямь наравне с парнями — от зари и до зари. Короче говоря,

поначалу студентам было не до степных закатов: после работы падали замертво в палатках, и даже комарам не удавалось их разбудить. Потом пообвыкли, втянулись, и вечерами зазвучали в степи студенческие песни. Правда, совсем не те, что прославляли партию, а невесть откуда взявшиеся песни-шутки, песни-раздумья Галича, Окуджавы, Визбора...

Близилось окончание строительства, и студенты задумались над тем, как отблагодарить Серафима. По нарядам провести нельзя, деньги собрать... Знали твердо, что не возьмет, да и неудобно как-то. Тут-то, перед самой приемкой объекта, и надоумил их колхозный прораб Женнис отдать неизрасходованные пиломатериалы и дрова Серафиму. Мол, у него даже пол в хибарке земляной. Нищий он, как есть нищий. Жена, теща больная да шестеро балапанят мал мала меньше — поди прокорми. Так-то просто доски отдать, конечно, нельзя, а вот если накладную выписать и оплатить — ну, чисто символически... Вот только рублей пять-шесть удержат при расчете.

Шесть? Да хоть сто шесть! Ну и голова же ты, Женнис! Загудели ребята: вот тебе и «всегда сыт». Тотчас единогласно отказались они от своего намерения использовать остатки дров для прощального костра.

У общего костра собирались в штабе ССО в Баянауле, так зачем же еще один в степи разводиться? Но прораб, как оказалось, еще не закончил свою речь. Глядя поверх голов ребят, он объяснил им, что хотя Серафим и уважаемый работник, и ценят его в колхозе за безотказность и трудолюбие, но и шибко не балуют, потому

как верующий он. Баптист. Слова Жениса следовало понимать так: вы уж сами решайте, а мое дело — сторона. Мне неприятности ни к чему. А вот вы — другое дело: вам кто здесь указ? Никто. С вас и взятки гладки. А накладную я подпишу. Я ведь не знаю, на что вам дрова...

Окончив речь, Женис выжидательно уставился на студентов: что, дескать, как решите? Выписывать накладную?

— Бапти-ист? — протянул кто-то недоуменно. — А что это такое и с чем его едят?

Задумались ребята. Одни руками разводят, другие плечами пожимают: ну был бы еще православный — куда ни шло. А то баптист. Вроде и слышали о баптистах, а точно не знают, кто они такие. Кто-то все же вспомнил: это вроде те, у кого кругом запреты: не пьют они, не курят, еще чего-то не делают... Чудики, в общем. В ответ посыпались возражения: не факт, что это плохо. Такие чудики и среди нас водятся. Вот Гарри, к примеру, не пьет, не курит. Слушайте, а может быть он... тоже, баптист? Гарри тотчас на дыбы:

— Как что — сразу Гарри! Будто я вам на пуп соли насыпал. Я, к вашему сведению, родился атеистом. Что запанибратское отношение к своему строгому, но любимому командиру?! Командир я или нет? То-то. Причем, как считает моя жена, хороший. Как раз потому, что не пью и не курю. Подтверди, Таня, что я хороший. Слышали? Значит, дело не в этом. Значит, еще что-то есть, раз люди с опаской к ним относятся.

— М-да-а, — замполит отряда Ураз сунул пятерню

под кепку и почесал голову: — Баптисты, они, братцы, того-о-о! — И замотал головой, и языком о небо защелкал.

— Кого того? — вспыхнула Искра. — Ну и что с того, что баптист? Паяцы! Когда он вкалывал за троих, мы не спрашивали, какой он веры. Гарри, Жора, Ураз, мы же его за работу хотели отблагодарить. Или раздумали?

— Точно, — поддержал Искру Олег. — Я буду говорить серьезно. Нескладно получается: мужик к нам со всей душой, пахал, как папа Карло, бок о бок с нами, а мы разбираемся с его верой. И потом: как я понял, все в колхозе сочувствуют Серафиму, раз уж сам прораб за него ходатайствует. Хитрым, правда, образом. Но это ж и понятно: им надо, чтобы помощь исходила от сторонних людей. Страх — наследие культа личности, он у них в плоть и кровь вошел. Что, не так, Женис? Так, так, не отрицай. А нам-то чего бояться? Или окажемся последними трусами?

— Стоп, стоп. Не туда поехали, — посерьезнел Гарри. — Разве я или кто-то еще высказался против? Нет. У нас свобода вероисповедания записана в конституции. Чего нам сомневаться? То, что предложение прораба принимаем единогласно, — ясно как день. И не надо аплодисментов. В общем, давай, Женис, действуй!

Прораб облегченно вздохнул, улыбнулся и, махнув на прощание рукой, вскочил в «бобик». А Гарри снова перешел на шуточный тон:

— Но мы должны помочь Серафиму еще и в духовном плане. Или — смысле? В общем, мы узнали, что он тонет

в религиозном болоте, и наша задача — спасти его, показать светлое будущее, к которому мы с вами стремимся. Ура! Хм, похоже, я вас не особо воспламенил. Ладно, какие будут предложения? Отвозим ему материал — и вся недолга? — Гарри выслушал выкрики ребят. — Так. Настелить полы, починить крышу. Дельно. Ну а кто у нас способен разуверить верующего? Спасти и наставить на путь истинный?

— Хотел бы я посмотреть на того спасителя, — хмыкнул Ураз. — Заранее не завидую.

— Ну смотри на меня, — вскинулась Искра.

— Так я и знал... — нарочито горестно вздохнул Ураз. — А спросил просто из интереса. Я даже знаю, кто ей будет помогать. Сказать?

— Не треба, — хохотнула Таня. — Пусть сам скажет.

— И не подумаю, — подал голос Олег. — Сами догадывайтесь.

— Нам почему-то кажется, что это ты, Олежка, — ехидно произнесла Таня. — Но если ты не уверен... Ураз озвучит свою версию.

— Он не имеет права вторгаться в мою личную жизнь, — засмеялся Олег. — Пусть достопочтенный замполит для начала пояснит, почему это он «заранее не завидует»? И кому?

— Скажу, еще как скажу! Загибайте пальцы. Я всем нам не завидую, если о Серафиме узнают в институте — это раз. И особо я не завидую самому себе, потому что с меня, как с коммуниста, спустят три шкуры — это три.

— Два, — поправил Гарри.

— Два, это с тебя. И не два, а две, неуч. Шкура — женского рода, даже такая дубленая, как у тебя. Исдерут их, причем две, с тебя, командира лопоухого, а с меня — три. Идем дальше.

— Ну дальше уже некуда, — послышались голоса. — Хватит.

— Нет, вы уж послушайте, в кои-то веки Ураз разговаривался, а вы — хватит! Вот чтобы этого не случилось, надо сделать вид, что вы все это провернули без меня. Ясно излагаю? Я вас не знаю, ничего не видел и ни о каких баптистах не слышал.

— То есть ты не бдел? — уточнила Искра.

— Именно. В этом случае и волки будут сыты, то бишь вы спокойно займетесь своими глупостями, и бараны целы — иными словами, вы же сами. Ну и я тоже.

— А если после наших бесед Серафим прозреет? — вкрадчиво поинтересовался Олег. — Встанет на путь истинный и даже изъявит желание вступить в партию, тогда как?

— Тогда? Тогда, пожалуй, м-м... можно будет упомянуть, что это я вдохновил вас на сие деяние. Только, думается мне, у вас кишка тонка... Как бы этот баптист вас сам не перековал. Ну, чего ржете? Думаете, это так просто? Ладно, думайте. Только без меня. Мне хватит армии. Нагляделся я там... Одно скажу: убеждать кого-то в том, в чем сам не уверен, — неблагоприятное дело. Дай вам, конечно, Бог... Во, видали, и я туда же: Бог! Не хочешь, а вылетает. Опять смешно? Все, мне это надоело. Думаете, легко мне дурачка разыгрывать на всех этих

долбанных собраниях? Вот возьму сейчас и сложу с себя полномочия замполита, посмотрим, что вы запоете. Особенно мой преемник. А давайте Олега выберем! Вон он как круто культ личности развенчал. К тому же он из тайги, шкура у него медвежья — не прошибешь. Он же только-только перестал на лампочку дуть... Когда выключатель показали. Ну что — хотите? А я уйду с гордо поднятой головой.

— Нет! Не вздумай!

— Типун тебе на язык!

— Что мы тебе плохого сделали, Ураз?

— Как ты после этого нам будешь в глаза смотреть? — загалдели студенты.

— Я твою отставку не принимаю, — подытожил Гарри, а затем добавил: — Переходим к прениям. Итак, завтра утром грузимся и выезжаем с Абильдой к Серафиму. Поедут: плотники — полы настелить, крышу починить; врач — Татьяна, на случай, если кто с той крыши упадет; повар — Искра, на случай, если кто проголодается. Она же штатный спасатель-агитатор, и еще Олег. Ну и я для общего руководства. Без меня никак: должен же кто-то отвечать за все это безобразие. Итого, восемь архаровцев. Прения закончены, вопросов, к счастью, нет. Все, концерт аяк талды, Гитлер капут, хау дуо дэньки булы.

Справедливости ради стоит отметить: то, что Серафим — верующий человек, да еще и баптист, ребят обескуражило. Они как-то не сразу в это поверили. В памяти тех из них, кто слышал о баптистах, всплывал намертво вбитый в головы пропагандой образ угрюмого, нелюди-

мого человека. Причем непременно со злобным оскалом... Короче, врага народа. Но Серафим-то — полная противоположность! Он — сама скромность, в любую минуту готов прийти на помощь. Да ерунда все это! Но вместе с тем где-то внутри гнезвился пусть маленький, но страх — страх за свое будущее. Слов нет, распрямились чуть люди за последние годы. Один за другим падали коммунистические идолы... А ведь еще недавно каждый мало-мальски известный партийный руководитель слыл выдающимся, верным, кристально-честным, негнибачимым... А на поверку оказывался или чванливым тупым чиновником, или проходимцем. Случалось и такое, и не так чтобы редко.

Вот вроде понял народ, кому поклонялся, кого почитал за богов, но сам миф о коммунизме осуждению еще не подлежал. Дескать, даже и в хорошем стаде встречаются паршивые овцы. А учение Ленина — выдающееся, единственно верное... Конечно, некоей иллюзии свободы студенты лишены не были, но они все знали слова Хрущева о том, что совсем скоро у нас не останется ни одного попа. То бишь с религией покончат. Вот только каким образом, никто не ведал. Меж тем первым исчез сам Хрущев. Словно отродясь и не было его. Тем не менее процесс расправы над верующими уже набрал обороты. Но ведь недаром говорится: у лжи короткие ноги. Людям, добровольно-принудительно сгонявшимся на судебные заседания, становилось, мягко говоря, неловко. За исключением тех, кто выступал в качестве свидетелей. Ну и групп поддержки.

«За что их судят? — вот вопрос, который чаще всего задавали друг другу присутствующие. — Это же божьи коровки. Разве мало настоящих преступников? Шпана в округе не дает людям проходу, и их не трогают, а эти? Кому они мешают своими молитвами?» Многим импонировала спокойная уверенность и твердость верующих. И кто знает, не побудили ли эти процессы задуматься людей о Боге. Но и в защиту верующих обыватели не включались, оставив их один на один с властью. Ну, а та находила отморожков и науськивала их на верующих. Между тем студентов времен «оттепели», отрицавших прогнившие авторитеты и во всем разуверившихся, это попросту не интересовало. Потому-то Олег, Гарри и их друзья не видели в своем решении ничего ни героического, ни предосудительного. Так, рутинное дело. А разубедить деревенского мужика в существовании несуществующего Бога — да что может быть легче! Он, поди, сам толком не знает, зачем верит. Ну, да что с него, отсталого, возьмешь. Вот и надо бедолаге глаза раскрыть... Мужик-то хороший. Жалко, если сгинет в религиозном болоте. О-хо-хо, темь ты, матушка, расейская!

В общем, никто слов замполита всерьез не воспринял. А зря. Ураз действительно кое-что видел в армии (его забрали туда после первого курса института). Отцовские связи позволили ему «нести службу» в редакции боевого листка гарнизона. Время от времени Ураз выезжал с собкором на беседы с солдатами, отказывавшимися брать в руки оружие. В основном это были баптисты. Так что Ураз знал не понаслышке, что этих, как он выражал-

ся, заторможенных, парней переубедить нельзя. Тем более, когда за это брался безмозглый — опять же его определение — партийный комсостав. Сам Ураз относился пренебрежительно и к тем, и к другим. Но когда борцы идеологического фронта пасовали перед силой убеждения не слишком грамотных, невзрачных на вид солдатиков, радовался тихой радостью идиота. На то у него имелись свои причины. Дело в том, что он, нахватавшись кое-чего из Ницше, считал себя чем-то вроде супермена.

С такой же затаенной радостью Ураз стал ждать, чем закончится беседа с Серафимом. И точно так же желал, чтобы ребята сели в лужу. Однако больше всего он хотел, чтобы опростоволосился Олег, и Искра убедилась, какого олуха она предпочла ему, Уразу. Впрочем, не только ему.

Внимания Искры добивались почти все ребята, за исключением двух-трех студентов. К последним как раз относился Олег. И не потому, что эта девушка ему не нравилась, — наоборот! Просто он был реалистом и видел, что шансов быть замеченным у него нет. Ни броской внешностью, ни красноречием он не обладал и был, как и Ураз, самым «старым» из студентов: у обоих четверть века за плечами. Но на этом их сходство кончалось. Карьерный взлет Ураза, сына высокопоставленного партработника, был делом времени. Даже то, что его турнули с журфака в Ленинграде и отец пристроил его после армии в институт, поближе к окнам своего алма-атинского кабинета, придавало ему вес. И поскольку отец Искры

тоже был не лыком шит — занимал не менее завидный пост, правда, в другой республике, — выбор девушки был более или менее предсказуем. (Тот факт, что ее отец не жил с семьей, ничего не значил.) Но так рассуждали, может быть, и многие, но не Искра. Приветливая и непосредственная, красивая и юная, она была равна со всеми и никого из ребят особо не выделяла. Даже из института ее никто не провожал домой. Вот почему Олег считал, что ему тут нечего ловить.

Хоть и провозглашалось на всех перекрестках всеобщее равенство, что-то не очень охотно богатые роднились с бедными. Олег это прекрасно понимал. И лишний раз в том убедился, посетив квартиру одного своего богатенького соученика. Тогда он допустил непростительную оплошность: не обратил внимания на табличку «Книги руками не трогать!» — с замиранием сердца раздвинул стеклянные створки дорогого шкафа, чтобы прикоснуться к сочинениям выдающихся писателей, к их книгам, выстроившимся строго по размеру и цвету переплетов. Своим неосторожным поступком он вызвал истерику у хозяйки дома, которая всего-то на минуту оставила гостя без присмотра. Долго потом стоял у Олега в ушах ее визг: «Ты кого сюда привел? Я спрашиваю: ты кого...» С тех пор он в гости — ни ногой. Да особо расхаживать-то некогда было. Ночами, два, а если повезет, три раза в неделю, он разгружал вагоны с углем, цементом или (большая удача) со стеклотарой. Вот уж легкая работа, даже отмываться после нее особо не надо. После чего клевал носом на лекциях. Но только на общих. К семинарам

готовился тщательно — короче, успеваемость была на уровне. У Олега было все необходимое для учебы в институте, а покупать дорогие шмотки и ходить в них на танцульки он не хотел. Ко всему прочему, он умудрялся еще и поддерживать своего больного отца, доживавшего свой век в далекой Сибири. Мать-то уже отошла в мир иной. Тихо, мирно отошла, как и жила.

Глава 10

Но вот случилась же у них с Искрой нечаянная любовь — и никуда ты от нее не денешься. Нечаянная, с их точки зрения. Можно, конечно, было винить в случившемся Абильду, но они почему-то с этим не спешили. Да, того самого Абильду, колхозного шофера, о котором мы уже упоминали. Ну не совсем, чтобы его, но лепту свою он внес. С самого первого дня этот веселый, покладистый местный парень полюбился студентам. На своем газике он приезжал в отряд утром — и все. Целый день машину в безлюдной степи эксплуатировали, по прямому назначению разумеется, сами студенты. За исключением, конечно, поездок в район. А Абильда целыми днями или вертелся на кухне около Искры с Верой, или же, что он любил больше всего на свете, почивал в палатке, предварительно хлебнув хорошей порции кумыса. Студенты даже отвели ему личную кровать в палатке. Ребята, в основном политехники, относились к машине

бережно. Случись какая поломка, собирали консилиум и сами устраняли неисправность.

Абильде было около тридцати: за или до, трудно сказать, женат и никаких поползновений в отношении Искры или Веры у него и в мыслях не было. Но день да через день он ездил с ними на «чих-пахе» на маленькую конференцию в полукилометре от стана. Помогал им там разгружать фляги с кухонными отходами да грузил другие с питьевой водой. Ну и разживался заодно собственным бидоном с кумысом, в котором, конечно же, знал толк.

И то ли степь ковыльная разнесла-навезла восточку его жене, то ли сам он ей рассказал о красавице Искре, но только подкатила однажды к лагерю бричка, запряженная гнедой лошадей, и ловко соскочила с нее маленькая женщина-казашка. Забросила вожжи на оглоблю, ссадила с телеги трех карапузов — и напрямиком на кухню. И — с воинственным видом:

— Кто тут Искра?

— Я, — говорит Искра обрадованно. — Ассалам алейкум, здравствуйте. — И к ребятишкам по-казахски: — Ой, какие хорошенькие они у вас. Ну-ка, идите сюда, я вас конфетами угощу.

У воительницы весь пыл и пропал. Любого казаха обезоруживает, когда к нему обращаются на его языке. Да и такой комплимент детям кого равнодушным оставит?! Но справилась она с мгновенным замешательством, вид суровый на себя нагнала. Даром что ли почти тридцать верст на бричке тряслась? Осадила потянувшихся было к Искре ребятишек, сгруппировала вокруг

своего подола и быстро-быстро, на одной ноте, залопотала по-казахски.

— Я — Нурбеке, жена Абильды. А это дети его, понимаешь? — она всю пыталась выгладеть сердитой. Но все более осознавая всю нелепость своих претензий, как всякая разумная женщина, сразу же переключилась на непутевого мужа: — А этот... — тут она уже по-русски так понужнула своего благоверного, да такой нелестной и забористой характеристикой, которая бывает только на великом и могучем, что Вера с Искрой покраснели до кончиков ушей.

В ту же минуту к ним вбежал Олег, в этот день дежуривший по кухне. В ожидании распоряжений он сидел за палаткой в тени и, заслышав сей набор ненормативной лексики, поспешил на помощь девочкам.

Как оказалось, очень удачно поспешил. Искре, до которой дошел, наконец, смысл визита ревнивицы, стало одновременно и смешно, и жалко эту женщину. Надо было так разубедить ее, чтобы у той не осталось и тени сомнения на этот счет. И Искра вдруг пошла на авантюрный шаг.

— Ах, дорогая Нурбеке, — сказала она. — Это какое-то недоразумение. — Она шагнула к Олегу и, взяв его за руку, прижалась к его плечу. — Вот мой жених, у нас скоро свадьба. — Она поднялась на цыпочки и поцеловала Олега. — Правда, Олежка? — И, увидев выкатившиеся глаза дежурного по кухне, добавила испуганно: — Видите, Нурбеке, как он удивился вашим подозрениям. Теперь мне придется перед ним оправдываться. Боюсь,

что и вашему Абильде не сдобровать. Ну, что ты, Олег-жек? Успокойся...

Все было сыграно настолько правдиво, а Олег так искренне стоял столб столбом, потеряв дар речи, что бедная Нурбеке все приняла за чистую монету и тут же рассыпалась в восхвалении будущей счастливой пары. Так, как это могут делать простые и добрые, не способные вынашивать зло, казахские женщины. Ах, как ладно у нее выглядели и жених, и невеста: и статные-то оба, и красивые, что даже ей сразу видно: друг для друга созданы. И долго еще перечисляла достоинства обоих, а они стояли, в смятении смотрели друг на друга и удивлялись: как же они сами не сообразили это...

Вечером, когда сумерки медленно, но верно начинают поглощать палитру разлитой по меркнувшему небу вечерней зари, они, не сговариваясь, вышли навстречу друг другу, взялись за руки и ушли в степь...

Это, конечно, вызвало некоторое недоумение в среде студентов, но ненадолго. Сначала они расценили выбор Искры как некий каприз: дескать, хочет подзадорить самонадеянного Ураза, ну, досадить ему, на худой конец. Понятно, что мнение это возникло не без усердной помощи самого Ураза, нарочито фамильярно называвшего Олега таежным лаптем.

— Лапоть ты, лапоть, — с усмешкой сказал он уже на следующий день, когда они вместе поехали в степь добывать бутовый камень. Сказал сильно округляя «о», подражая деревенскому говору, которым, кстати, не обладал Олег. — Аль запомнил русскую народную поговорку:

«Не в свои сани, лапоть, не садись», а? Куды ж ты, лапоть таежный, сунулся? Жаль мне тебя.

Остальные парни насторожились. Если раньше такое его обращение воспринималось дружеской шуткой, то теперь вроде бы как и не совсем. Хотя всерьез обижаться на это они, конечно, резона не видели, но кто знает, как отреагирует Олег.

А тот только отмахнулся с добродушной улыбкой:

— Ты все перепутал, Ураз. Там вовсе не о лапте речь.

— Что ты говоришь? А о ком же? Просвети.

— Да о том, об этом самом... Ну, о том, который нос свой сует туды, куды... — по окончании фразы парни расхохотались.

— Ну, вот, видели, — обиженно развел руками Ураз. — Лапоть и есть. А я ведь, между прочим, тебя жалеючи. Добра тебе желаю.

— Так и я тебе — не зла же. Давай-ка, лучше пахать, как те мужики из бригады молчунов. Слышал?

— Ты посмотри на него: слышал ли я? Да это же я о них вам и рассказывал! Я! Что, и тут хочешь лавры отобрать? Обойти, так сказать, на вираже...

— Да нет. Это точно ты был. Вот тебе и карты в руки. В смысле — лом. Самый лучший. Держи, он сам откалывает камень. Ну, взялись!

И они взялись. На такой работе, и правда, много не поговоришь. Надо сказать, что разбросанные по степи скальные отложения бутового камня не везде одинаковы. Есть места, где они настолько разрушены, что их остается только загрузать. Но в основном это еще доста-

точно прочные скалы, и разбивать их приходится при помощи подручных средств: ломом, кайлом, киркой, кувалдой — кому что больше по душе.

Не совсем таким же мирным путем разошлись они уже вечером, когда Ураз среди той же группы ребят на перекуре за кошарой прошелся насчет кулинарных способностей Искры.

— Слушай, замполит, — положил руку ему на плечо Олег. — Я понимаю тебя. Но не будь таким мелочным, если не сказать больше. Ни слова больше об Искре, понял? У меня есть терпение... Ты знаешь, о чем я.

— Поколотишь? — обрадовался Ураз.

— Хуже, Ураз, хуже. Применю меру воздействия — детское наказание. Понял?

— Нет, не догадываюсь. Н-но подчиняюсь грубой силе.

— Ну, вот и хорошо. А то мне это уже начинает надоедать. — Олег встал и пошел к палаткам.

— Вообще, мужики, интеллект ведь всегда был в загоне, — негромко, но так, чтобы он расслышал, проговорил Ураз. — Вспомните хотя бы французскую революцию, когда необразованная чернь...

Олег, не оборачиваясь, отмахнулся рукой.

Но вечером, подкараулив его за кошарой, Ураз предупредил:

— Слушай, ты, рыцарь... — он сплюнул под ноги Олегу и закруглил фразу неприлично. — Ты еще горько пожалеешь о том, что при всех унизил меня. Надеюсь, ты понимаешь, что я стерпел это как замполит. Но я

рассчитаюсь с тобой, будь спокоен. Потом, в городе, понял?

— Я думал, мы с тобой шутили, замполит, — усмехнулся Олег. — Ну, извини, если что не так.

— Извинения придется принести потом, — пообещал Ураз. — Когда я соблаговолю принять их. И приму ли — еще вопрос.

— Ну, как знаешь. Была бы честь оказана, — беспечно заключил Олег.

Ни он, ни Искра не придавали особого значения разговорам о себе, и очень скоро стройотрядовцы признали, что ошиблись. Их отношения были настолько чисты, искренни и очевидны, что ни у кого более не возникало желания поострить на счет Олега, даже в его отсутствие. Немудрено поэтому, что к Искре, вызвавшей «спа-сать» Серафима, как само собой разумеющееся, был сопричислен и Олег.

Теперь уже никому и в голову не пришло, что могло быть иначе.

Глава 11

Довольно занятно прошло это «спасение». Уже и работы по ремонту дома были близки к завершению, уже на всю округу разносился ароматный запах обеда, который скорее можно было назвать ужином, приготовленным объединенными силами Искры, Тани и Дарьи, когда

Серафим неосторожно громко спросил жену, послала ли она кого из ребятишек за каким-то Токе.

— Дак послала, конечно. Машу. Теперь уж подъехать должен, — ответила Дарья.

— Токе приедет! — восторженно завопил младший и тут же это имя подхватили остальные дети и заплясали, заскакали от радости. — Токе! Токе приедет!

Такое выражение восторга многого стоит, и Гарри, приготовившийся было произнести речь по поводу окончания работ, недовольно захлопнул рот.

— А кто он, этот ваш Токе? — поймал он Петьку и вскинул его на руки. — Ну-ка, выкладывай. И не смотри на папу!

— Он? — Петька как-то недоверчиво и в то же время свысока посмотрел на Гарри. — Ты че ли, не знаешь Токе? Он: у-у-у, — и вытянул кулачок с оттопыренным вверх большим пальчиком: — Во!

— Понятно. Ну, а что может добавить отец к этому исчерпывающему объяснению?

— Да то же самое. Он действительно — во! Это их лучший друг, ну и наш немножко. Кто ж, кроме него, покатает их на своей коняжке?! Еще они любят слушать, как он играет на домбре и поет. Я его и позвал, чтобы вы тоже послушали его песни. Вам должно понравиться.

При упоминании о домбре ребята, переглянувшись, обменялись снисходительной улыбкой. Серафим добродушно улыбнулся. Он прекрасно знал, что у большинства молодежи, иногда и казахской, домбра как музыкальный инструмент не очень-то воспринималась. Ну, что можно

сыграть на двух струнах? Существовала даже такая не-злюбивая присказка, произносимая с казахским акцентом: «Одна палка, два струна, мен казах, хозяин страна».

Ну, и Гарри с облегченной совестью поведал, что все-то им, конечно, не резон песнями наслаждаться, мол, «есть у нас еще дома дела», но в качестве благодарных слушателей остается, дескать, вам, хозяевам, «одна прекрасная пара». (Что пара эта на самом деле оставалась для профилактики «спасения» Серафима, командир, естественно, умолчал.) Серафим поблагодарил и за это, и шутливо сказал:

— Только, чур, потом не обижаться, когда они вам расскажут о чуде, которое увидят сами. Я ведь тоже когда-то пренебрежительно отзывался о домбре, пока не услышал Толегена. Кстати, когда я сам пытаюсь играть на баяне или, не дай Бог, петть, то не то что дети — вороны с перепугу разлетаются. Так что, уж кому что дано.

— Ну, нам сегодня дано сходить на танцы. Повеселиться, так сказать, — так же шутливо за всех ответил Гарри.

— Только без меня, — уточнила вдруг Таня.

— Что? Почему это, Танюша? — растерялся он.

— Неужели ты думаешь, что скакать в клубе для меня удовольствие? Поезжайте без меня.

— Я того же мнения. Поехать в клуб никогда не поздно, — присоединился Георг Гвария. — А вот домбру я бы послушал. Это что-то вроде нашего пандури. Так и ее я слышал только по радио, а вот вживую — ни разу. Так что поезжайте и без меня.

— И без меня... И без меня, — слышались голоса.

— Здорово живешь! — рассмеялся командир. — Что я один с Абильдой поеду? Да я, к вашему сведению, меньше всех хотел туда ехать. Нет, вы только посмотрите, люди добрые: для их же блага стараешься, а они тебя же и уронят. Это же надо! Все, Серафим-ага, остаемся всем хором, благодаря мне. Но уж потом тоже не обессудь, если что не так.

Вскоре верхом на гнедом коне неспешным шагом прибыл и сам ожидаемый. Впереди его, буквально распираемая гордостью (знала она, с какой завистью сейчас смотрят на нее дети!), восседала дочка Серафима, Маша. В руках у нее была закутанная в чехол домбра, а седобородый аксакал своей рукой поддерживал ее худенькое тельце. Он передал Машеньку на руки подбежавшему отцу, поприветствовал весьма экзотическим приветствием всех встречающих, но не спешил с коня, пока не посадил и не покатал вокруг поляны всех ребятишек. Видимо, это был уже сложившийся ритуал, потому что все они терпеливо ждали своей очереди. Катал он их сразу по двое: одного — спереди себя, другого — сзади. И когда Гнедой переходил с шага на скоростной аллюр, визжали не только дети, но и зрители, то бишь, студентки. Только дети визжали от восторга, а девочки — от страха за них.

Но вот представление закончилось, и все: и дети, и взрослые — чинно и благородно разместились за дастарханом. Впервые в их жизни они обедали за дастарханом. Впервые в жизни случилось им стоя выслушать стих-мо-

литву благодарности Богу, произнесенную хором детьми Серафима. И это вызвало у всех общее неподдельное умиление. Даже та серьезность, с которой младший сынишка перед этим укорил взрослых, что они собирались приступить к еде не помолившись, не привнесла неловкого чувства друг перед другом за вынужденное соблюдение ими религиозного обряда. Напротив, дало ощущение какого-то чуточку щемящего сладкого чувства сопричастности к некоему таинству — живет, видать, подспудно в каждом человеке христианская тоска по Богу, будь он даже трижды атеист! Шевельнулось, правда, воспоминание и о недвусмысленном, ехидном предупреждении Ураза, и все они с облегчением признались себе, что его отсутствие здесь как нельзя кстати. Но вот то, что в такой же горячей молитве принял участие и гость Серафима, казах Толеген, должный, по их мнению, быть мусульманином, что он также благодарил Христа за день благословенный, за пищу и за проделанную ребятами работу, повергло студентов в недоумение, которое, скажем прямо, прошло не сразу. Но задать вопрос, который мог оказаться бестактным, они не осмелились. Хотя просто не терпелось сделать это. Ему же, по всей видимости, встречать такое недоумение было не впервой. И он не стал испытывать их терпения.

— Я знаю одну русскую женщину, — так, как бы между прочим, сказал он, — которая вышла замуж за казаха и исповедовала ислам. Потом они вместе с мужем покаялись и приняли в сердце Христа. Ну, а я был свидетелем того покаяния, и тогда же Господь тронул и мое

сердце. Я не стал терять времени и последовал их примеру. И очень счастлив, что это сделал. — Говорил он по-русски достаточно грамотно, хотя и с сильным акцентом.

— Да, да, — радостно поддакнул Серафим, — Христос спасает всех, кто к Нему приходит.

Вот это да! Ребята иронично переглянулись: что, мол, выходит, пока суд да дело (мы еще только намеревались), а их тут уже спасли. Ну, прямо кругом спасение. Только уж больно абстрактное. От каких-то там грехов. Что это за грехи? А то ведь может быть такой грех, что от него не спастись — к нему стремиться надо!

— И что для этого нужно сделать? — любопытствовал Ковалев Сережа, в шутку представлявший себя иногда фаталистом. — Совершить подвиг?

— Нет, — серьезно ответил Токе. — Просто покаяться перед Богом.

Но такое пояснение не то, чтобы удовлетворило, а напротив, вызвало еще большее непонимание. Ислам — это ладно, это еще понятно, но что такое «покаяться»? В чем и перед кем должен человек каяться? Зачем? Что значит и как это — «принять в сердце Христа»?.. Студенты вдруг обнаружили, что тут будет больше вопросов, чем ответов на них. Ну и зачем тогда лезть в эти дебри? Вон вызвались же Искра с Олегом в спасатели, вот и пусть разбираются. А то ведь — чем дальше в лес, тем больше дров. И недоумение улетучилось так же быстро, как и пришло. В общем, скованности это в веселую, непринужденную беседу за столом не привнесло: радость от содеянного доброго дела была полной. Сегодня все

без исключения были удовлетворены собой, и за столом было полное единодушие, и никаких более разговоров о религии. Не вспомнили об этом и позднее, вдоволь побродивши по горам, любуясь первозданными красотами изумрудного озера Торайгыр. Теперь ребята вместе с Серафимом соорудили на его берегу небольшой костерок, а вскоре к ним присоединился и Токе, пустив своего Гнедого пастись тут же, «на вольных хлебах». Вечерние сумерки отвоевали у зари уже полнеба. Медленно угасая, она успела прощально расцветить в бледно-сиреневые тона облака, вытянувшиеся там, по горизонту, прореженной продольной грядой. Здесь же, прямо над озером, крохотные облака сбились в редкие темно-лиловые островки, и она не пожалела для них червонного золота, томным отблеском которого украсилась одна лишь вершина причудливой, массивной скалы посередине озера. А все, что было ниже, уже погрузилось в сумрак, и гляделись из бездонных небесно-голубых колодцев меж облаками в потемневшую воду ранние звездочки, и при легкой ряби подмигивало им в ответ их собственное отражение. Сама глыба напоминала теперь огромную, застывшую посередине озера, слоновую черепаху с золоченым панцирем. Невидимые в прибрежных зарослях камыша, таволги и ивняка птахи на разные лады торопились допеть начатые мелодии. Тогда-то в эту симфонию природы и вплелась гармонично, — сначала робкой глуховатой дробью, потом все отчетливее наливаясь силой, — домбра Толегена. Тогда-то и услышали ребята очаровавшую их легенду о голубке.

Глава 12

...Затих последний аккорд и аксакал Толеген, любовно погладив струны, положил домбру на колени. Наступило долгое молчание, никому не хотелось нарушить его.

— Возводит солнце Свое на праведных и неправедных, ибо Он есть любовь, — задумчиво повторяет вслух Искра. — Какие прекрасные слова! Токе, как они к вам приходят?

— Это не мои слова, дочка. Так говорит Библия.

— Библия? Так написано в Библии?

— Да. Я очень жалею, что не умею читать. Я ведь неграмотный. Зато Серафим много рассказывает мне об Иисусе. Я очень сильно завидую вам, молодым, потому что вы сами можете читать Божье Слово.

Ребята переглянулись. Наивный аксакал! В их понятии Библия, быть может, и существовала: ну, где-то в отсталых странах, где людей еще дураят религией. Но не в Советском же Союзе! Никто из этих самых молодых людей ни разу даже не держал в руках Библию. За одним исключением. Не раз и не два пытался читать ее Олег. Правда, без особого успеха, как мы потом это увидим.

— А зачем ее читать? — осторожно начинает Гарри. — Если даже предположить, что Бог есть, то по-вашему выходит, что Ему все равно, какой человек: плохой или хороший? Ну, как там у вас — злой и незлой, праведный и неправедный. И всех одинаково любить? Что-то тут не так. Не вижу логики.

— Богу не все равно, какой человек *будет*. Что с ним станет и куда он пойдет после смерти. Поэтому Он и зовет каждого из нас к Себе. Любовью Своей зовет. И когда человек приходит к Нему, то больше не может быть злым.

— Как же узнать, что Он зовет тебя? — Олег, да и другие ребята слышат в голосе Искры какую-то в тоске затаенную надежду и помимо воли напряглись в ожидании ответа. А приготовившемуся к очередному выпадку Гарри Таня зажимает рот: дескать, имей совесть, командир, прояви уважение к старшему.

— Почему Он не зовет меня? — продолжает Искра, и в ее вопросе нет издевки, лишь искреннее, граничащее с обидой, непонимание.

— Он зовет и тебя, иначе ты не задала бы этот вопрос, Искра. И тебя, и тебя, — Токе обвел рукой ребят. — Всех зовет. Только услышать Его надо. Очень надо захотеть услышать Его. — Он говорил медленно, как бы взвешивая каждое слово. — И еще: не стоит пытаться мешать тем, кто на пути к Нему, кто услышит Его и поверит. И тем, кто уже услышал и верит.

Мудрый аксакал! Он будто прочитал мысли каждого из них в отдельности и предварил их. Вот тебе и безграмотный! А он уже поднялся:

— Это я хотел вам сказать на прощание, дорогие мои. Ну, нам пора.

Поднялся и Серафим.

— Смотрите, ребята, любуйтесь и запоминайте наши благословенные места. Ничего подобного в городе вам никогда не увидеть.

Токе и Серафим сердечно простились с ребятами и взяв под уздцы мирно пасущегося Гнедого, неспешным шагом пошли по направлению к дому. А через какое-то время ночное эхо донесло до них гулкий цокот копыт. Токе уехал в степь...

— Ребята, все-таки как здорово, что нам пришла на ум эта поездка! — говорит Таня. — Какие мы молодцы. Даже страшно теперь подумать, что я могла бы не увидеть всей этой красоты: этих гор, этого озера, лебедей...

— Не забудь про легенду, — подсказывает Олег.

— Да, это невероятно. Если бы мне сказали, что в такой глуши я услышу нечто подобное, я бы ни за что не поверила.

— Это была сказка, — мечтательно говорит Искра. — Сказка, написанная специально для нас. Теперь я в это верю. Я просто не могу прийти в себя. Вернее, мне не хочется приходить в себя.

— Ах, какие мы молодцы, что решились на это мероприятие, — снова восторженно повторяет Таня. — Я даже немножечко горжусь всеми нами.

— Гордиться тут нужно мной, и только мной, — вступает Гарри. — Потому что идея моя. Я бы и сам гордился, если бы ко всему еще и Серафим перестал быть баптистом. Но мы даже и не попытались...

— Если все баптисты такие, — перебила Таня, — я бы ничего не имела против них.

— А может, это так и есть? — говорит Искра.

— Я тоже так думаю, — тут же разворачивается на все градусы Гарри. — Раз уж казах, который по всем па-

раграфам должен быть мусульманином, верит в какое-то ихнее спасение. Наивно, конечно, но мне почему-то по душе. Хотите, что-то скажу честно? Но только, чтобы между нами.

— Давай!

— У меня мама верующая. Только она лютеранка. В нашем поселке, где я родился, почти все немцы были верующие. И я думал, что слово «немцы» и означает — верующие. Ну, то есть, это обязательный атрибут каждого немца. Вроде как его национальность. Потом оказалось не так, — с грустью, совсем не подходящей для его взбалмошной натуры, закончил он.

— А как? — загорелась Искра. — Что оказалось потом?

— Потом? — переспросил он и на какую-то долю секунды задумался. После чего принял прежний беспечный вид. — Потом я вырос. И понял, что Бога нет. Как поняли это и вы.

— Я в этом теперь сомневаюсь, — покачала головой Искра.

— В том, что ты это поняла?

— В том, что Его нет. Откуда бы тогда был этот сегодняшний день? И вообще все сегодняшнее: домбра, легенда, лебеди — откуда?

— Да, этот Токе очаровал нас. Особенно наших дам. И своей неожиданной христианской ипостасью, и своей легендой. Мы находимся под властью этого очарования и вряд ли сумеем сегодня освободиться от него.

Поэтому предлагаю обсудить это завтра. Как гово-

рили наши великие сказители: утро вечера мудренее. Кто готов отойти ко сну, может идти, как и оговорено, к Серафиму. Мужики на сеновал, наши дамы в царские покои на кошму. На свежеструганные нашими собственными руками доски. Такой ночлег не каждому и во сне приснится. В общем, вперед, и можно без песни...

Так и случилось, что на берегу они остались вчетвером: Гарри с Татьяной и Олег с Искрой. Правда, после недолгого бодрствования, когда легкий озноб от дымящейся прохлады озябшего озера сменился чувствительной непрекращающейся дрожью по всему телу, молодые люди разделились еще раз: после откровенного признания Гарри — «что-то стало холодать!» — супружеская пара, от широты души своей оставив влюбленным «для сугреву» Гаррин пиджак, также поспешила на ночлег к Серафиму. И только перед самым рассветом расстались у его дома и Олег с Искрой.

Уже примостившись на кошму рядом с мирно почитающей Таней, Искра вдруг уловила своим чутким ухом едва слышный характерный треск за дверью в другую комнату и насторожилась. Сомнений не было: там крутили ручку приемника, и вот уже не совсем отчетливые, но вполне различимые слова стали падать в устоявшееся безмолвие ночи, наполняя ее прямо-таки мистическим смыслом. Под стать этой таинственности донеслись и первые слова, которые она смогла разобрать.

«Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже.» Искре показалось, что еле слышный голос чтеца исходит не из-

за приоткрытой двери, а объе́млет ее отовсюду: сбоку, сверху — со всех сторон! И каждое слово впечатывается в раскрытый колодезь ее памяти. Она вся превратилась в слух.

«Дорогой друг, совсем не случайно ты настроился сегодня на нашу волну. Ты ищешь Бога и обязательно найдешь Его. Наше же искреннее желание помочь тебе в этом искании...»

«Да, да, я ищу Его!» — Искра задрожала от волнения. Ей страстно хотелось слушать еще и еще: услышать все и не пропустить ничего из того, что говорил неведомый ей голос, и она, привстав, протянула руку и чуть больше приоткрыла дверь. Отсвет от крохотного пилигающего экрана настройки позволил ей разглядеть хозяев, Серафима с Дарьей, прильнувших с обеих сторон к допотопному радиоприемнику «Муромец» на столе. Они так были поглощены словами Божьими, что даже не заметили ее появления. Впрочем, может быть, просто не хотели спугнуть ее ненужным в этот момент своим вниманием. Потому-то, наверное, и показалась ей столь кратковременной, прямо мимолетной, эта чудесная проповедь, которую она своим собственным сердцем прочувствовала в этом временном пространстве, в пространстве, не нарушенном ничьим вмешательством. Впитывала в себя и не насытилась. Слишком крохотным оказалось угощение, слишком великим — желание получить его в большей мере. И когда призвал тот невидимый голос к молитве, не хватило ей лишь одного-единственного шага, чтобы присоединиться к склонившимся на

колени супругам. Удержало порыв души что-то такое же неведомое, упреждающее. Но их столь очевидная, столь бескорыстная вера — молиться не прилюдно и не на видимую икону, а напрямую Самому Богу — настолько поразила ее, что она буквально засыпала их вопросами. И уже не уснули в это утро ни она, ни, конечно же, Серафим с Дарьей, для которых это благословение было знаком Божиим, многократно превышающим помощь, оказанную им студентами.

Наутро, дождавшись Абильту и простившись с хозяевами, ребята уехали в лагерь, чтобы на следующий день, после почти двухмесячного пребывания в степи, отправиться домой. У дома махали им вслед все дети Серафима.

— Даст Бог, свидимся, — все повторял Серафим.

— Свидимся, да еще как! — дружно отвечали они ему.

— Мы еще вернемся к тебе, Торайгыр! — в прощальном, с оттенком грусти, веселье кричали они, сделав круг к озеру и удаляясь потом от гор в степь. — Обязательно вернемся!

Весь этот день пролетел в возбужденно-радостной предотъездной суете и закончился грустным созерцанием прощального костра.

— Ну, вот, — как всегда обреченно, провозгласил извечный пессимист отряда Сережа Ковалев, студент с факультета ПГС. — Завтра разъедемся кто куда, и никто из вас никогда не узнает, когда от меня уйдет жена и сколько лет мне придется просидеть в тюрьме. И это всего-то через три-четыре года!

— Почему это — придется? У тебя что — это запланировано? — поинтересовался Олег.

— Да слушайте вы его! — махнул рукой его друг Георг. — Он же вечно прогнозирует черти что. Натура такая.

— Ну, не скажи, — возразил Сережа. — Натура тут ни при чем. Это судьба так распорядится. Хотите верьте, хотите — нет, а я фаталист. Я про тюрьму догадался уже тогда, когда узнал, что прошел в институт. И вот теперь остался всего год учебы. Потом, естественно, направление на стройку народного хозяйства в качестве прораба. Потом у меня обязательно будет перерасход материалов, приписки в нарядах, еще что-то по мелочи. Дальше — больше. Но за это меня не посадят, а, наоборот, повысят до начальника участка, а там и до начальника какого-нибудь управления...

— Быстро ты, однако, — засомневался Олег. — На это лет десять уходит. Как минимум.

— Ерунда. Это кто взятки не берет, у того это длится долго. И кто не дает. А я подвержен, каюсь. Вот тогда-то меня и сдапают с поличным и — десять лет с конфискацией. А какая жена будет ждать столько лет? Тем более, что денег-то я не успею припрятать. Вот ты, Вера, станешь меня ждать десять лет?

— Без денег — нет, — улыбнулась в ответ Вера. — И не мечтай.

— А ты, Искра?

— Что, Искра? — не поняла та.

— Ты стала бы меня ждать десять лет?

— Я? А с чего это? Ты что, Сережа, перегрелся? Отодвинься от костра.

— Ну, ладно, не меня, — не унимался он. — Олега бы стала ждать из тюрьмы.

— Ты смотри, он уже и Олега посадил, — укоризненно посмотрела на него Искра. — Нет уж, милый друг, сиди сам, если тебе так это любо.

— Вот, я так и знал. Видите, я еще не сел, а уже две жены отказались ждать. Ну, хоть честно признались — и то ладно. Нет, время жен декабристов кануло в вечность.

— Тебя не то, что ждать, от тебя бежать надо, — наставительно изрекла Вера и рассмеялась. — Нудный ты мужик, Сережа. Кто ж тебя ждать будет, если с тобой от тоски помрешь?

— Так я и говорю — судьба. Никуда от нее не деться. Фатальность, то бишь предопределенность конца. Тоска смертная. И ждет она всех нас, вот увидите. Подумайте над моими словами, а я пока выкурю трубку с «золотым руном».

— Пойдем отсюда, Олег, — шепнула Искра, — я хочу тебе что-то рассказать про вчерашнее.

И там, в степи, она пересказала ему весь разговор с Серафимом и Дашей: о том властном побуждении после призыва к молитве и о том, что в последнее мгновение что-то не менее властное остановило ее. И теперь она жалеет об этом.

— Понимаешь, Олег, они стояли на коленях, взывали к Богу и плакали от счастья. *Они стояли на коленях*

ни для кого, понимаешь? Только для Него, Которого они и сами не видят. Жить так трудно, в такой нищете, да... И... и плакать от счастья! Только потому, что Бог их слышит. Я это видела: Он их слышит! Значит, есть наивысшее счастье! Оно у них. И я приблизилась к нему, к этому счастью; я это почувствовала и потянулась за ним, но что-то остановило меня. Что, Олег? Только не говори мне, что это самовнушение, самообман и прочие гадости.

Олег слушал внимательно, не спуская с нее своих глаз. Для него все было более или менее ясно: она была еще ребенком. Романтичным, влюбленным в поэзию ребенком, который сам себе придумывает мир и окрашивает его в свои собственные, по большей мере розовые, тона.

— Да я ничего такого и не говорю, Искорка. Просто у меня в детстве был похожий опыт, но ответа я ни тогда, ни после так и не нашел. Хотя пытался читать Библию.

— У тебя была Библия? — почему-то обрадовалась она.

— Она у меня есть и сейчас. Только я давно уже зарекся ее открывать. Но это память о маме, и я берегу ее.

— Так у тебя *есть* Библия? — в ее голосе был неподдельный восторг. — Почему ты мне об этом раньше не сказал?

— А разве у нас до этого был хоть один разговор на эту тему? — хитро прищурился он.

— Ну да, ты прав. Но послушай, что сказал мне Серафим, когда я попросила его подсказать, где можно найти Библию. Нет, ты только послушай: «Раз ты хочешь

ее найти, она сама найдет тебя. И довольно скоро». Нет, ты понимаешь, что это значит?

— Что, он прозорливец?

— Не знаю. Но они обо всем спрашивают Бога. И Серафим говорит, что Он может им открывать всякую истину. Для меня это еще одно доказательство их правоты. Ты дашь мне ее?

— Конечно, только вряд ли обрадуется твоя мама, если она обнаружит у тебя Библию.

Даже в сумраке ночи Олег почувствовал, что Искра смутилась.

— Я как-то не подумала об этом, — нерешительно произнесла она. Потом голос ее окреп: — А впрочем, почему я должна ее кому-то показывать? Я взрослый человек (Олег скрытно, в душе, улыбнулся) и вольна читать то, что мне нравится.

— Понимаешь, Библия не та книга, которая может нравиться или не нравиться. В ней совершенно ничего непонятно для... ну, скажем, светского человека, то есть, вернее, для атеиста, коими мы с тобой и являемся. Помоему, она для менее образованных людей: скажем, людей, которые не могут критически мыслить, но способны все ее изречения домысливать на свой лад. Кому что взбредет в голову.

— Тогда это тем более интересно, — решила Искра. — Домыслить на свой лад — уже не догма. Мне это нравится.

— Но уж твоей маме не понравится — это точно.

— Что из того? Маме, например, не нравятся поэты

«искусства для искусства», а я выросла на их стихах. Мне папа где-то доставал и присылал их сборники. — Она замолчала. Потом с детской откровенностью призналась: — Мне его всегда не хватало. И очень не хватает сейчас. Ах, у него давно уже другая семья. Но ничего. Вот приедем домой и сразу же познакомлю тебя с мамой. Она человек строгий, но справедливый.

— А вот этого, Искра, по-моему, не стоит делать, — робко возразил Олег. — Не нужно торопиться.

— Почему, Олежка? — искренне удивилась она.

— Я почему-то не вызываю симпатий у родителей своих однокашников. Наверное, потому, что намного старше всех.

— Глупости. Наоборот, мужчина должен быть старше своей жены. И родители это как раз и приветствуют.

— Искра, ты забываешь, а может, еще не знаешь, что родители с еще большим удовольствием приветствуют и заинтересованы в том, чтобы у соискателя руки их дочери были какие-нибудь более или менее сносные условия обитания. Ну, жилищные, то есть. А что есть в наличии вот у этого великовозрастного балбеса? — Олег постучал по своей голове. — Койка в общежитии? Не густо, как ты тут ни крути.

— Но ты же еще не знаешь моей мамы, Олег!

— А тут не надо никого знать. Ну-ка, скажи: когда ты выйдешь за меня и через много лет уже наша с тобой дочка соберется вдруг замуж за мужика без определенного места жительства, ты ее отдашь?

— У нас будет сын.

— Не увилить от вопроса, — дурашливо обхватив ее руками, прижал он ее к себе. — Отдашь дочь или нет?

— Мы можем жить у нас.

— Опять промах. Потому что это называется примак. Ну, Искра, разве я похож на приживальщика?

— Ну, а что ты предлагаешь?

— Подождать осталось совсем немного. Получу диплом, и тогда будем с твоей мамой разговаривать на равных. Лучше не придумать.

— Но прежде познакомимся с ней?

Олег на секунду задумался:

— Боюсь, боком выйдет мне это преждевременное знакомство.

— Ты сейчас прямо, как фаталист Сережа, предопределил.

— Сережа просто большой выдумщик, а нам будет не до шуток.

Теперь она грозно наставила на него указательный палец:

— Шутки в сторону! Отвечай, согласен или нет? Рассматриваю только положительный ответ.

— Конечно, согласен... Если ты считаешь мне стихи.

Утром разобранные палатки, кровати и прочий инвентарь грузили в приехавшие колхозные машины, а на оборудованном тентом и скамейками бортовом ЗИЛе-130 стройотряд попроцался со степью и построенной здесь кошарой...

Глава 13

Вскоре началась обыденная жизнь студента. Олег успел съездить домой проведать отца, — в последний раз, как потом окажется, — и вернуться к началу занятий, после чего с головой ушел в учебу: последний курс к тому обязывал. Однако часто после лекций его можно было увидеть и у пединститута, где он встречал свою Искру, и они подолгу бродили по городу. Дни летели за днями, успевай только поворачиваться. Понемногу стало стираться в памяти время, проведенное в стройотряде, вот только память о Торайгыре, Серафиме и Токе оставалась у студентов такой же яркой, как и прежде. И когда им удавалось собраться вместе это было первое, о чем они вели разговор. К празднику Октябрьской революции Искра-таки уговорила Олега прийти познакомиться с мамой. Это была красивая дородная женщина с такими же, как у Искры, огромными черными глазами и такими же волосами, только тронутыми у висков серебряной проседью. В ней текла и русская кровь, но все же была она поистине восточной красавицей. Искра, метавшаяся из гостиной на кухню и обратно, конечно же, ничего угрожающего их союзу с Олегом в поведении матери не заметила. Мать была внимательна к ним обоим, много расспрашивала его о жизни в тайге, о планах на будущее — ну, ни дать, ни взять смотрины зятя. И ничего плохого в этом бы не было, если бы, задав вопрос, она выслушивала ответ до конца. Но в том-то и дело, что ответы Олега ее явно не интересовали; она прерывала его

на полуслове и спрашивала вдруг совсем не по предмету разговора. И Олег понял, что делает она это намеренно, чтобы до него дошло, как он ей неинтересен. А потому, выбрав момент, когда Искра унесла на кухню поднос с посудой, он, глядя ей прямо в глаза, вежливо спросил:

— Простите, Сагина Каюмовна, как будет для вас удобнее: чтобы я ушел сейчас же или до конца делал вид, что вас интересует моя персона? Искре я ничего не скажу. Обещаю вам твердо.

Она метнула на него уничтожающий взгляд, раздражение вот-вот готово было выплеснуться наружу, но вернулась Искра, и она быстро взяла себя в руки. Чего, к сожалению, не удалось сделать Олегу, и Искра сразу же это заметила.

— Олег, что случилось? — она положила свою руку на его. — Что? Мама, что?

— Ничего доченька. С чего ты взяла? Все в порядке. Не так ли, Олег?

— Да так, конечно, — осипшим вдруг голосом выдавил он.

— Мама, он не умеет врать; ему просто трудно это делать. Скажи мне, что произошло?

— Правда, ничего, Искорка. Просто я решила оставить вас тут пораньше. У меня разболелась голова, ну, а Олег решил, что он этому виной. Все в порядке. Олег, не принимайте это на свой счет. Нельзя слишком много брать на себя. — Она встала и величаво удалилась в соседнюю комнату.

Последние слова прозвучали двусмысленно, но Олег понял, куда она клонит.

— Это так, Олег? — Искра выжидательно смотрела на него.

— Истинная правда, — попытался он улыбнуться.

— Похоже, ты был прав тогда там, в степи. Только не переживай так сильно. Все еще образуется. Понимаешь, у меня же дома никогда даже друга из парней не было. Поэтому ей это надо как бы переварить.

— Искра, даже если головная боль просто повод освободиться от неинтересного тебе человека — это нормальное явление, и я это отлично понимаю и принимаю. Не раскланиваться же ей, в самом деле, с первого раза перед гостем; пусть даже перед будущим зятем. Тем более, что она все время держалась за виски, — пытался успокоить Искру, которая теперь сама переживала из-за случившегося, Олег.

— Ты так думаешь? — с сомнением спросила она.

— Да я просто в этом уверен. Пойди поговори с ней, может, надо чего.

— Спасибо, Олег. Я дам ей таблетки. А ты почитай пока, — она протянула ему томик стихов Бальмонта. — Тебе они понравятся.

Вскоре она вернулась в сопровождении выздоровевшей мамы, и остаток вечера прошел довольно сносно. Даже распрощались с виду вполне дружелюбно. Несмотря на это, Олег почему-то был уверен, что он тут в первый и последний раз. И ошибся. Буквально через полмесяца однокурсники передали ему письмо, в кото-

ром мама Искры просила его зайти к ней в то время, когда дочь будет на занятиях. И, конечно, чтобы она об этом ничего не узнала. Был указан день и время. Сонм всяческих догадок и сомнений обуревал Олега, пока он шел туда.

А в том, что он должен был пойти, сомнений у него как раз не было. И если по пути он надеялся еще на что-то хорошее (а вдруг!), то, увидев встретившую его у двери мамашу, распрощался с такой нелепой мыслью: Сагина Каюмовна смерила его все тем же уничтожающим взглядом, и Олег понял смысл поговорки «Надежда умирает последней». Сейчас его в чем-нибудь обвинят, он это точно знал. А в таких случаях он, помимо своей воли, становился агрессивным. Это была его защитная реакция на несправедливость.

— Чем могу служить, Сагина Каюмовна? — вежливо склонил он голову. — И могу ли?

— Можете, молодой человек. Вы мне сделаете огромное одолжение, если перестанете встречаться с моей дочерью.

— Прямо как в старом добром романе, — усмехнулся Олег. — Чем же я вам не угодил, мадам? Вы ведь меня совершенно не знаете.

— Представьте, кое-что знаю. И этого достаточно, чтобы запретить вам встречаться с ней.

— А Искре? Ей вы тоже запретите?

— Зачем она вам, молодой человек?

— Разве человек может быть нужен зачем-то? Вы, наверное, хотели сказать «почему»? Но и на это я вам

не отвечу. Я говорю это только ей, говорю каждый день, каждый час, но никому больше. Даже ее маме.

— То есть вы ее любите, так что ли?

— Ну-у, Сагина Каюмовна, совсем не так, как это слово звучит у вас.

— Сколько таких простодушных девочек попались на вашу удочку?

— Я не рыбак и никого никогда не ловил. А Искра — моя первая, единственная и последняя, что бы там со мной ни случилось. Потому что это — моя Искра.

— Не смей так говорить! Это моя Искра! — взвизгнула вдруг женщина. — Это моя дочь, и я ни с кем не собираюсь ее делить! У нее большое будущее. Я все сделала для этого. Одна, без мужа, чтобы вы все провалились. И все для того, чтобы пришел какой-то... какой-то... — Не найдя нужное слово, она, как бы в его поисках, вертела головой, шарила глазами по сторонам и, наконец, разродилась: — чтобы какой-то охламон увел мою девочку!

И до Олега дошло: она ненавидит его не потому, что он переходит дорогу какому-то человеку, которого она бы в качестве зятя предпочла ему, как он думал. Нет. Он посягнул на ее драгоценность, сокровище, которое она считает своей собственностью и ничьей больше, и называется это — слепая любовь. И он растерялся. Ему стало жаль ее.

— Ну, что ж вы так, Сагина Каюмовна? Когда-никогда ведь придется разрешить ей выйти замуж. Не будет же она век вековать с вами. Не дай Бог такого никому.

— Вот! — снова взвизгнула она. — Вот, вот. Именно поэтому. Бог! — Она нагнулась, выдвинула ящик стола и выхватила оттуда книгу. — Ваша фамилия ведь Горохов? Не будете отрицать, что это ваша книга?

Олег увидел свою Библию и побагровел:

— Как она к вам попала? Вы роетесь в вещах Искры?

— Не роюсь, а перебираю, — сразу же сбавила тон женщина, не на шутку испугавшись его вида. — Иногда.

— Дайте ее сюда! — резко потребовал Олег. — Это книга моей покойной мамы.

— Я отдам вам ее, если вы откажетесь встречаться и шантажировать мою дочь. Да еще затягивать ее в какую-то неведомую секту. Иначе... — она многозначительно поджала губы.

— Ну, — усмехнулся Олег и протянул руку за книгой, — что иначе?

— Раимжан! — громко крикнула Сагина, и из коридора появился здоровенный мужик в милицейской форме с погонами полковника. — Раимжан, просвети молодого человека насчет религии. Не даст согласия — пойду в деканат. В нашей стране сектантам не место. Тем паче в институте.

— Ну-с, молодой человек, присаживайтесь. Поговорим.

— Здравствуйте, товарищ полковник, — сказал Олег. — Я вижу, вы в борьбу с религией включились? Поспокойнее, чем там? — неопределенно кивнул он головой.

Офицер с минуту вглядывался в Олега, потом рас-

плылся в дружеской улыбке и, к великому изумлению хозяйки, тепло обнял его.

— Горохов, ты? Ну, брат ты мой, вот это встречал! Садись, что ты стоишь? Это сестра моя, — кивнул он на Сагину. — Стало быть, я дядя Искры. Слышал ваш разговор, слышал. Все у тебя правильно, даже когда и не знал, что это ты. Сагина, отбой! С этим парнем Искре по жизни не страшно будет. Я ему тоже кое-чем обязан.

— Может, когда в другой раз поговорим, — предложил Олег.

— Да. Ты прав. Тут не место. Надо без женщин. Заходи ко мне в управление. Даешь слово? Верю. Прямо назовись и заходи. Вот телефон на всякий случай. Да Искра все знает. Ну, надо же — Горохов! Ты прямо как в воду потом канул. Ну, ладно, ладно. Бери свою Библию. Реликвии родителей почитать надо, это ты правильно, правильно.

— До свидания, товарищ полковник, — улыбнулся Олег. — До свидания, Сагина Каюмовна, простите, если что не так.

Вечером в общежитие к нему прибежала Искра.

— Олечка, я все знаю, дядя Раимжан рассказал. Прости, я не думала, что мама будет рыться в книгах. Она фотографию у меня искала, где мы с папой, а нашла Библию. Прости.

— Ну что ты, Искорка. Такого объяснения все равно бы не избежать. Рано или поздно это бы случилось. Так пусть уж лучше раньше. Главное, я понял сегодня, что ты для нее единственное, для чего она живет.

— Я рада, Олег, что ты это понимаешь, но мне от этого не легче. Меня тяготит такая зависимость. Олечка, давай снимем квартиру. Ты ведь хочешь, чтобы мы жили вместе? Или нет?

— Ты еще спрашиваешь! Но где? За те деньги, что я зарабатываю, можно снять только где-нибудь на окраине. Со всеми удобствами во дворе, представляешь!

— Я что, два месяца в стройотряде в степи с удобствами жила? — насупилась Искра. — Ты слышал от меня жалобы?

— Молчу, молчу. Виноват, исправлюсь. Но что будет с мамой? Что скажет твой дядя?

— Дядя-то как раз и подсказал мне, чтобы ее немного в чувство привести. Иначе, говорит, поздно будет. И он, к сожалению, прав. Мама считает меня своей вещью.

— И с чего же мы начнем свои поиски?

— С Гарри и Тани. Я уже все обдумала. У них во дворе есть времянка, там зимой никто не живет. А Тани скоро рожать. Вот я как раз в это время и буду ухаживать за ее стариками. Ну, и за Гарри и за тобой.

— Ну, прямо сестра милосердия. Поехали сейчас же?

— А то! Олечка, а что такого героического ты совершил?

— Это тебе дядя сказал?

— Он.

— Ничего особенного. Просто я оказался в нужное время в нужном месте.

— Выбил финку и скрутил бандита, готового всадить ее в спину моего дяди.

— Да. Это так было. До сих пор удивляюсь, как успел финку заметить. А вот хмырь этот меня не заметил. Или пренебрег: мол, салага-солдатик зеленый и невзрачный.

— Дядя звал тебя на работу, почему не пошел? Это ведь тоже романтика: бандитов ловить.

— Может, и романтика. Но я ведь из армии поступать в институт тогда приехал, а намерения свои я редко пересматриваю. И, слава Богу, поступил.

— Олешка, ты Бога вспомнил. Веришь, что Он есть?

— Наверное, есть. Иначе как бы я тебя нашел?

— Да ну тебя. Я серьезно. Серафим говорил, что в каждом городе есть их церкви.

— А ты хочешь именно в такую?

— Да. Та молитва постоянно со мной. Я просто отчетливо слышу тот голос: «Жертва Богу дух сокрушенный...» Какие прекрасные слова! В них какая-то дивная музыка. Давай поищем церковь?

— Давай, пожалуй. Только сначала найдем, где нам жить. Ну что, двинулись?

— В путь!

Глава 14

А в середине декабря они устроили что-то вроде вечеринки, приурочив ее к восемнадцатилетию Искры. Ни о какой свадьбе речи, конечно, быть не могло. Хотя и

смирилась Сагина Каюмовна с уходом Искры, и даже посетила их «апартаменты» во дворе у Гарри, но своего отношения к Олегу ничуть не изменила. Она ему так и сказала: «Ты мой враг номер один!» Коротко и вполне ясно.

И стала терпеливо ждать. «Ничего, — обронила она в беседе с кем-то из знакомых, — вот когда запоют от всей этой неустроенности да от голода, лоск-то и слетит. Это только в книжках с любимым рай в шалаше. Голубое небо, ласковое солнце, яркие звезды. В реальной жизни все далеко не так: вокруг шалаша комары да мошки, в шалаше клопы и мухи, — так что нет желания ни туда войти, ни оттуда выйти. Поймет дочка, как я права, поймет!» Обронила с целью и в полной уверенности, что слова эти дойдут до адресата. Ну, они и дошли, конечно. Только эффект произвели обратный.

Искра, найдя частные уроки, занялась репетиторством детей из того же маминого круга высокопоставленных людей. Только узнав об этом, они с удовольствием, даже наперебой, стали приглашать ее заниматься иностранным языком со своими оболтусами. Так что вкупе с доходами Олега на «черной бирже» существование у них было, как говорят, на уровне. Тем более, что родители Гарри наотрез отказались брать с них плату за времянку. А уж они ее со своим бывшим строительным студенческим сообществом за несколько дней превратили во вполне приемлемое жилье. Сложили печь, настелили пол, поставили двойные рамы — живи не хочу! Даже котенка надумал принести неисправимый пессимист

Сережа Ковалев, чем и вызвал бурный восторг Искры. Великая это штука — студенческое братство! И вечеринка, не вечеринка, а принесли ребята и подарки — ну чем не свадьба! Было и «горько», и «сладко», шутки, смех, но апофеозом вечера оказался сюрприз, подготовленный Гарри с Таней не для кого-то отдельно, а для всех.

— Прошу сомкнуть уста, я сейчас вас ошарашу! — торжественно провозгласил Гарри. Потом подумал и добавил: — Слабонервных прошу отвернуться! — И вместе с Таней стал медленно разворачивать небольшой квадратный сверток. Потом раскрыл упакованную в нем коробку — и взору студентов были представлены совсем неплохо выполненные фотографии их пребывания на Торайгыре. Успех был ошеломляющий.

— Смотрите, вот я!

— Гляди, гляди! Серафим с пацанами.

— А это я на крыше.

— Братцы, Абильда! Ну, прямо как настоящий.

— Слушай, вот и Токе на коне с ребяташками. А тут с домброй. Даже у костра! Ну, Гарри, ты же настоящий фотокор. Как тебе у костра-то удалось? Без вспышки?

Гарри сидел рядом с новобрачными (что делать, будем и мы так называть Олега с Искрой: искренность чувств присутствующих и само действие того стоит!), нарочито высоко задрав голову, и на все похвалы отвечал односложно:

— А вы как думали? Командир ваш тят-ляп, чи шо?

Фотографии переходили из одних нетерпеливых рук в другие, менялись, снова возвращались. В общем, одно

тут слово — не могли ребята наглядеться. А Гарри, уже не анонсируя, а просто выждав паузу и улучив момент, когда большинство смотрело в его сторону, словно волшебник из рукава, раскрыл вдруг в ладонях еще две фотки.

— А это наши молодожены. Для них, и только для них, я сделал два экземпляра. — Тут он развел руками. — Ну, вы же знаете, какая напряженка с бумагой. Искра, помнишь тот момент, а? Ну вот, я же предупреждал: слабо-нервных прошу отвернуться. Олег, утри невесте слезы. Боже мой, да я, кажется, не только ее разжалобил. Ну что ж, значит, я, и вправду, не тят-ляп.

Да, здесь у «бабочки с разноцветными крылышками» — у крохотных елочки и березки — стояли они тогда, приклонившись друг к другу, и этот миг командир искусно ухватил. Над ними был только безбрежный океан лазурного неба с протянувшейся и немного уже распушившейся белой нитью следа самолетного. Сам невидим в небе, с края до края прорезал он живую пустоту небес и четкой тенью распластался по земле. Искра с чуть-чуть приоткрытыми от испуга губами от окрика Гарри и Олег с таким же полуоткрытым, только от удивления, ртом. И внизу, рядом с тенью самолета их многострадальный газик с дровами.

Искра, не сдержавшись, обняла и расцеловала Гарри. Олег благодарно пожал ему руку. И он был искренне тронут.

— Я дарю их вам, каждому по одной, чтобы вы их хранили по отдельности и по ним сравнивали время. Ис-

кра, такое у нас у всех сейчас минорное настроение. Самое время почитать стихи. Почитай, будь ласка...

Прошли праздники, снова начались будни, а Искра и не думала «запеть», как предсказывала ее мама. День у нее был расписан прямо по минутам, и везде эта совсем еще юная девушка успевала. И только однажды вечером призналась Олегу, что все-таки ей чего-то не хватает. Что порой прямо щемит какое-то неясное ожидание. Нет, это не усталость: какая может быть усталость в семнадцать лет? И это не о маме, там тоже полный порядок. Они видятся в институте: туда ее частенько приглашают читать лекции. Это то, что она *недополучила* в тот августовский предраассветный час. То, куда она не дошла, недошагнула один шаг. Тем сладким угощением она недоугощалась. Да, они уже несколько раз ходили в церковь; да, восхищались ее роскошным убранством и такими же одеждами ее служителей, слушали красивое пение хора; да, ставили свечи, подавали милостыню старушкам, но сердце ее так и оставалось с этой ущербной приставкой «недо». Что касается Олега, то он ходил только ради нее и ни недовольства, ни восторга не проявлял.

И все же пришел день, когда она, возбужденная сверх меры, буквально влетела в их «апартаменты»:

— Олечка, я нашла их!

— Кого — «их»?

— Ну, что ты, неужели забыл наш разговор? Сам же говорил: найдем жилье, будем искать церковь. Говорил?

— Говорил. Так мы же уже ходим.

— Теперь пойдём в другую. Посмотрим. Пойдём?

— Искра, а если я не пойду — не обидишься? У меня, чуя, на сессии полнейший завал намечается. Не успеваю я.

— Ну-ну, давай грызи гранит науки. Я понимаю, Олег. Но я пойду?

— Конечно. Если тебе не страшно одной. Кстати, где эта церковь? И как ты ее нашла?

— Вот в том-то и дело. Как говорится, я искала церковь, а она — меня. Она тут совсем рядом, представляешь? И знаешь, кто помог ее найти? Вовек не догадаешься.

— Ну, тогда и гадать не буду. Кто?

— Дядя мой, Раимжанчик, я сегодня с его дочуркой занималась, — Искра расхохоталась, увидев вытянувшееся от ее неожиданного заявления лицо Олега. — Ну, не в полном смысле, помог. Просто проговорился, что у них сейчас хлопот «с этими баптистами» полон рот. Ну, а я и подкатилась: а где, мол, они собираются? Вот так. Кстати, мама его предателем обозвала и не хочет с ним разговаривать. Из-за тебя. А ты не удосужился к нему зайти, хоть, говорит, ты и обещал. Ты обещал?

— Да зайду я, Искра, зайду. Только не сейчас, не в ближайшие дни. Да и больно я там ему нужен. Просто он это тебе так говорит. Не будет же он всю жизнь благодарить меня за одно и то же.

— Ну, смотри, как хочешь.

На этом повестка будущих дней и была распределена. Он после занятий сидел за своими учебниками, она в бли-

жайшее утро воскресенья пошла в церковь. И он не обрадовался, когда она вернулась. Такой расстроенной он ее еще никогда не видел.

— Что с тобой, Искра? Что-нибудь случилось?

— Олечка, мне надо переварить все услышанное. Давай, я пока не буду тебя посвящать в эти мои дела, пока сама не разберусь, что к чему. Понимаешь, по Библии получается, что мы с тобой грешники. Даже то, что живем без оформления брака, — грех.

— Всего-то? Ну и проблема! Тебе уже восемнадцать, и мы теперь имеем полное право. Пойдем завтра и подадим заявление. Или как это делается? Сколько раз говорил тебе об этом, а ты ни в какую. Вот теперь и выясняется, что я больше, то есть ближе к Библии, чем ты. Да-ром, что еще не ходил с тобой.

— Да ладно тебе, — она немного успокоилась. — А в загс идти надо. Как-нибудь выберем время и пойдем, а?

— Хоть сейчас, Искорка.

— Сейчас воскресенье, — вздохнула она. — Ладно, зубри свои задачки.

Но оно, время это, как-то все не выбиралось. Теперь она все больше времени проводила за чтением Библии и все чаще заводила разговор о смысле жизни. А однажды она привела домой двух старушек.

Против самих старушек Олег ничего не имел, но их настойчивое желание втянуть его в разговор о Боге раздражало его. Он едва сдерживался, чтобы не нагрубить им, и облегченно вздохнул лишь тогда, когда за ними закрылась дверь.

Уже после ухода бабушек случилась их первая размолвка. Олег не мог понять, что общего может быть у Искры с простоватыми, явно недалекими старушками. Все у них Бог сделал. И что бы ни случилось — так хотел Бог. А спроси их, зачем Он так хотел, а не иначе, — не знают. Хотел, мол, и все тут. Не нам об этом судить. Поэтому он и предложил Искре пойти снова в ту православную церковь: там никто никого не спрашивает. Отстоя собрание — и домой. Она отказалась.

— Пойдем лучше к нам, Олежка, — как-то жалобно попросила она.

— К нам? Ты уже причисляешь себя к ним? Искра!

— Еще нет, к сожалению, — так же жалобно продолжила она. — Не могу решиться на покаяние.

— Покаяние? Тебе? Да Бог с тобой, Искра. Ты ведь еще не жила, в чем тебе каяться?

— Мы все грешники, Олег, все. Это надо увидеть, признаться в этом перед Христом — и Он простит тебя.

— Христос? Но ведь говорят, что прощает Бог?

— А Он и есть Бог. И я увидела себя такой и в душе перед Ним покаялась, но не могу набраться храбрости выйти вперед перед людьми, чтобы сделать то же самое.

Олег молчал. Он впервые осознал, что Искра отдаляется от него. Она и до этого высказывала похожие мысли, казавшиеся ему нелепыми, но не придавал им большого значения, успокаивая себя, что это временно. Теперь он увидел, что это серьезно. Но потерять Искру для него означало потерять себя, и он согласился пойти «к ним».

Собрание это он едва досидел до конца и пулей вылетел сразу же после заключительных, как ему показалось, слов пресвитера. Тот сказал следующее: «А теперь кто хочет выйти вперед, может...» Но Олег после слов «хочет выйти» уже ничего не слышал. Он отошел на приличное расстояние, чтобы никто не пристал к нему с расспросами, и в страшной досаде стал ждать Искру. В душе творилось неладное: как отговорить ее ходить сюда? Все его естество восстало против этой церкви. Все, сейчас она подойдет, и он тут же поставит ей условие: или — или. Мужик он в самом-то деле или не мужик. И тут же испугался самого себя, чуть было не перекрестившись. Где-то глубоко в закромах души уже зародилось едва тлеющее подозрение: а ведь выбор может быть не в мою пользу.

Нет, только не это. Собственно, что это он так расстроился? Просто больше не пойти сюда — да и все дела. Она же умница: походит-походит, все поймет и... И что? Да все будет хорошо, вот что. Вот только что-то долго она там задержалась. К нему подошла гостившая у них улыбчивая старушка:

— А что ты не зайдешь, сынок, да там ее не подождешь?

— Так она долго еще будет?

— Ну, долго — недолго, не знаю. После покаяния-то завсегда оставляют для разговора.

— После покаяния? А что?.. А кто... это... кто покался? — Олег хватал ртом воздух.

Старушка в недоумении посмотрела на него. Потом догадалась:

— А-а, ты же первый раз. Никого еще не знаешь. Даكَ много седни. С твоей Искрой шесть душ.

— Шесть душ! — растерявшимся эхом отозвался Олег, и бабуля приняла это за радостное удивление.

— Да, шесть, сынок. Прилагает Господь заблудшие души к церкви, спасает грешников. Ты пойдн, там посидн, а то зябко здесь.

Олег непонятно для нее помотал головой и пробормотал что-то невнятное.

— Ну, как хочешь. Я бы на твоём месте пошла, — и заковыляла своей дорогой.

Итак, «шесть душ с твоей Искрой». И что теперь? Да ничего. Мы и сами с усами. Уже то хорошо, что бабка предупредила, а то совсем бы плохо вышло. Ну, а так-то: ничто не вечно под луной. Вон и в Библии, кажется, когда-то читал, что все, мол, проходит. Или прейдёт? Да какая разница? «Все пройдёт, как с белых яблонь дым». Мало-помалу Олег набрался оптимизма, и, когда к нему подбежала сияющая Искра, он ответил ей такой же доброй улыбкой. Наврал, что в общем и целом собрание неплохое, но ему, мол, пока не до собраний.

Счастливая Искра не могла заметить фальши в его голосе. В этот день у нее было слишком много счастья.

Оно, счастье это, прямо валило в их дом. В разных ипостасях, но валило. Тане с Гарри оно привалило в виде девочки Оксаны в три с половиной кг весом, и новоявленный отец не менее получаса пугал соседских собак, кукарекая на крыше своего дома — так называли роди-

тели его пение, — пока Искра слезно не попросила пощадить ее перепонки и слезть оттуда.

После этого Искра с Олегом сдали зимнюю сессию. Но самым большим счастьем для Искры было то, что Олег стал регулярно ходить с ней в церковь. Хотя согласился он на это на весьма строгих условиях: ни в коем случае не навязывать ему своих взглядов, и не то чтобы торопить, но даже не заикаться о его покаянии. Откуда ей было знать, что он твердо решил ее «перековать». И что именно для этого он вновь и вооружился Библией. Он с тем же превеликим трудом высиживал до конца собрания, стараясь брать на заметку наиболее, как ему казалось, несуразные места в Библии, и потом с невинным видом задавал вопрос Искре. Она, не умея ответить, мчалась к пресвитеру, получала разъяснения и терпеливо излагала их Олегу. Но у него уже наготове был дополнительный вопрос, и она снова становилась в тупик. Он полагал, что таким образом она «набьет себе оскомину» и пошлет все это учение куда подальше. Только незаметно для себя он стал спокойно, без поминутного подглядывания на часы высиживать собрания. А Искра все меньше стала бегать с расспросами к старшему служителю церкви. Тут надо пояснить, что церковь их была зарегистрированной и особых претензий со стороны властей не было.

Но, видимо, счастье не может ходить по кругу беспрерывно. И ему требуется пауза. Сначала пришло страшное известие о ташкентском землетрясении, в котором погиб отец Искры. И она с мамой уехала в Ташкент при-

нести соболезнования русской бабушке Искры, матери отца. Прошла неделя после их отъезда, и Олег уже не находил себе места. Он даже не представлял себе, что ему будет так одиноко без Искры.

Следом поздним вечером, после тяжелой работы на разгрузке угля, встретили его четверо парней. В руках у всех были свернутые газетки. Олег прекрасно знал, что в них завернуты прутья рифленой арматуры, последнее изобретение местных подонков. А места здесь тихие, темные. Он был уже совсем недалеко от дома и предвкушал приятный отдых. Олег замедлил шаги, оценивая ситуацию: парни были крепкие. Но кого они ждут? Не его же, чумазого, без гроша в кармане. Сзади раздался щелчок, он мгновенно обернулся и застыл. С финкой у горла.

— Тихо, фраер, — прошипел гундосый голос. — Дернешься — глотку перережу. Будешь вести себя тихо — отпустим. Только побьем маленько. Для порядку. Ну, что? Он? — чуть громче спросил он кого-то.

В глаза Олегу ударил свет фонарика, и он услышал чей-то знакомый голос:

— Он. Держи его так.

— Какой же я фраер, мужики? Вы точно ошиблись, а мужики? Я ж с работы.

— Заткнись! — приказал тот же голос. — Ну что, Олежка, что-то вид у тебя не вполне геройский?

— Ураз!

— Узнал, ублюдок? Помнишь, там, в степи, я говорил, что не прощаю обиды?

Первое волнение и сопутствующая ему противная дрожь прошли, и Олег уже обрел уверенность:

— Не помню, Ураз. Вслух ты это не говорил. Ты это про себя подумал.

— Ну-ну, похорохорься. А чем ты мне грозил, помнишь? Кажется, ты это назвал детским наказанием? Сильно хотелось меня унижить? Вот это самое тебе сейчас и проделают.

— Так это ж шутка была, Ураз. Разве ж я позволил бы в ухо тебе нас... и заморозить, сам подумай!

— Заморозить! Хга! — гнусавый заржал кратко, одним слогом. Рука с финкой чуть ослабла. — Хга!

В тот же миг он с диким воплем рухнул на землю и закатался с вывернутой рукой. Финка звякнула о камень и отскочила в темноту. Второй задний, то есть Ураз, успел ударить арматурой по плечу, но с перепугу слабо, неуверенно, и скрутился на земле клубком, зажимая руками зашибленное место. Четверо передних поспешили на подмогу.

— Мочите его, суку! — взвизгнул катающийся по земле Ураз. — Или он заложит вас всех ментам.

Удары сыпались на Олега, но он их словно не замечал, стараясь нырками уберечь голову. Он работал молча, сосредоточенно, так, как делал это на армейских учениях. И успел подсесть под промахнувшегося и перебросить его через себя. Ахнулся мужик на спину, распластался и затих. Чудом увернулся Олег от просвистевшей арматуры: это не выдержали нервы у одного из них, и он запустил ее в него. А без арматуры какой же он теперь бо-

еще? Он и показал было спину, но его-то как раз и настиг Олег. И четвертым кулем повалился копьёметатель к его ногам. Он же придержал его, обвисшего, за шиворот, развернулся к оставшимся двум и угадал их замешательство.

— Бросайте, подонки, газетки! — прорычал он. — И тикайте, вы мне не нужны. Ну!

Парни переглянулись, один из них сплюнул, бросил арматуру и развернулся. Второй последовал его примеру.

— Вы что, козлы? — опять завизжал уже очухавшийся Ураз, опершись одной рукой о дерево. — Не подходи, Горохов, у меня пушка! Убью и тебя, и этого козла.

— Не убьешь, — медленно пошел на него Олег, легким нажимом на вывернутую за спину руку двигая перед собой своей трофеей. — Дай пушку сюда, а то, и правда, выстрелишь!

В последнюю секунду Ураз перехватил пистолет за дуло и замахнулся. И уже без него, охнув, в другой раз брякнулся на землю.

— С предохранителя даже не снял, стрелок, — укорил его Олег и склонился над ним. И засадило при наклоне левый глаз так, что он испугался. Пощупал — вроде как и цельный, только заплыло все. Да и щека располосована. Спина, плечи заныли от побоев. И взыграла утихшая было ярость.

— Я ведь тогда, правда, шутил, Ураз, но сегодня не буду. Ну-ка, ты, хлюст, обмочи-ка хозяина. Тебе говорю! Или... Ну, вот и молодец. Проваливайте теперь все! Одолжи-ка, браток, фонарик, — взял он лежавший под-

ле Ураза фонарик, упорно высвечивающий комель карагача; подсветил им по сторонам, нашел и подобрал финку, достав из кармана носовой платок. — Никому скорую не надо? Ну, прощевайте.

— Отдай пистолет, Горохов. — Ураз попытался подняться. — Это отца. Разойдемся по-хорошему.

— Нет, Ураз, ты в любом случае подставишь меня. Так пусть хоть у меня средство для разумных переговоров останется. Только не думай, что он будет со мной. Завтра твоему батьке позвонят из одного заведения, которого даже он боится, понял? Вот тогда и поторгнемся. Так ему и передай. Сами, мол, позвонят. И не вздумай больше насылать на меня всякое дерьмо. Себе дороже будет.

Придя домой, он разбудил Гарри с Татьяной и, обскавав все как есть, попросил их утром позвонить по телефону Раимжану, чтобы он сразу же приехал за ним. Таня, поохав, сделала ему примочки и дала снотворное. Главное, глаз был целый.

Утром приехал Раимжан и забрал Олега с собой. Финал всей этой истории оказался совсем неожиданным. Но таковым он был только для Олега, но не для полковника. Выслушав Олега, он долго молчал. Потом долго куда-то звонил, разыскивая кого-то и, как показалось Олегу, несколько униженно просил выслушать его. Потом оставил Олега в кабинете одного на долгих два часа. И Олег почувал недоброе. Может, и правда, надо было отдать этот пистолет Уразу. Вон как Раимжан, чуть ли не на цыпочках, кому-то там докладывает. Да ну, нет, такой боевой мужик не может его сдать.

Наконец он появился.

— Ну, брат Горохов, задал ты нам задачку. Но попробуем выкрутиться.

— Кто? Я должен выкручиваться?

— Я сказал — мы. Много не буду рассусоливать, парень ты смысленый. Здесь брат таким пахнет, что как бы всем нам не опростоволоситься. Не надо было этого маменькиного сынка так бить. Полегче как-то. Теперь на него экспертиза на полную катушку сработает. В общем, есть пока только один выход для тебя. Сейчас же пиши заявление на зачисление тебя в штат моих сотрудников. Оформим это задним числом. Что нападение на тебя было как на сотрудника органов. Да не перебивай ты! Не знаешь, насколько это серьезно. Они ж тебя сгноят заживо и до суда недотянешь. Ты что, мне не веришь? Ну. А так они тебя не достанут. По крайней мере до суда, если они его спровоцируют, будешь на свободе и под защитой. Не понял?

— Да, трудно понять. Неужели из-за таких подонков. Этот-то с финкой — явный рецидивист.

— Его уже взяли. А чтобы получить вместо червонца каких-нибудь два-три года, он на мать свою что угодно наплетет, не то что на тебя. Тем более, что плечо-то ты ему напрочь вывернул. У тебя хоть один свидетель есть? Нету. Да хоть бы и был, отказался бы на суде. Если еще не на следствии. Слишком высокий покровитель у отца твоего Ураза. Доходит? Давай, пиши, время не терпит. Потом тут же у нас тоже пройдешь экспертизу: вон как разукрасили, сволочи. И будем выжидать момент, Олег.

И выждем. Все меняется, и это тоже. Давай на экспертизу. Сейчас я тебе сопровождающего вызову.

— А как же институт?

— Да все уладим. Может, даже раньше, чем я это предполагаю. Учиться в любом случае будешь. Не беспокойся. Искре сообщить?

— Что вы? — замахал Олег руками.

— Тоже так думаю. Ну, иди с сержантом.

И потянулись необычно тревожные дни. Нет, никто Олега никуда не вызывал, не допрашивал, но он чувствовал, что Раимжан ведет с кем-то подкованную борьбу. Теперь ему приходилось каждое утро появляться в управлении, хотя у него был самый настоящий бюллетень. Тут вернулась Искра, и ему пришлось все ей рассказать, чего он страшно не хотел. Но ее реакция была на удивление спокойной.

— Олечка, давай сходим к пресвитеру и помолимся, чтобы Христос защитил тебя, — сразу же предложила она.

«Боже, как же она наивна!» — думал Олег, не сводя с нее глаз. Он покачал головой:

— Искра, сейчас нужно надеяться только на твоего дядю.

— Нет! На человека надеяться нельзя, — горячо запротестовала она. — Только Христос может защитить. Ну, пожалуйста, Олег.

— Да пойдём, пойдём, раз ты так хочешь.

Николай Иванович с Искрой молились, а Олег стоял и никак не мог выдать из себя слова. Его грудь сжи-

мало тисками, язык отяжелел, прилип к небу и не поворачивался. Когда он все же сделал усилие, чтобы произнести хоть два слова, по телу его прошла судорога. Николай внимательно смотрел на него и подбадривал:

— Смелей, Олег, повторяй за мной: Господи, сущий на небесах...

— Господи, — прошелестел Олег, покачнувшись, удержавшись на ногах и уже тверже повторил: — Господи, сущий на небесах, помоги мне... — и осекся, взглянув на Искру. «В чем помогать?» И добавил только: — Аминь.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Николай. — Молитесь и дома, молитесь, не переставая. Я верю, что Господь услышит вас обоих.

Дома к ним тотчас забежала Таня.

— Олег, тут к тебе из милиции полковник заезжал. Сказал срочно прибыть вместе с Искрой.

Вернулись они от Раимжана полные противоречивых чувств. Олегу предложили полугодовую работу в геологической экспедиции в Монголии, большей частью в пустыне Гоби. Зарплата, по нашим меркам, сумасшедшая. Предложение в такой ситуации просто невероятное. Тем более, что уже согласовано с институтом по поводу академической справки. И вот, взвесив все «за» (Олег вернется и сразу можно будет купить квартиру) и «против» (он не мог и недели-то прожить без нее), они все же решились на этот шаг. Он едет в Монголию, она ждет его.

— С одним условием, — сказал Олег. — Мы сейчас же пойдем и распишемся. Я должен знать, что меня ждет

гражданка Горохова, а не просто Искра. А то все никак не соберемся.

— Да, конечно, Олег. Только там ведь ждать сколько-то дней придется, а тебе уже уезжать послезавтра.

— Раимжан поможет. Проволочек для этих людей не существует.

Раимжан помог. Он и был их единственным свидетелем.

— Видишь, Олег, — радовалась Искра. — Так угодно было Богу.

«Скорее, это было угодно Раимжану», — подумал Олег, но не стал перечить своей ненаглядной, теперь уже вполне законной супруге.

— Они сказали, что связь будет не такой уж и регулярной. Но ты мне все равно письма пиши чаще, — попросила она. — Ну, как только есть возможность. Пусть их будет сразу много.

— В этом можешь не сомневаться.

Глава 15

Вышло так, что задержали их экспедицию на месяц дольше полугодового срока.

За все это время Олег в ответ на свои многочисленные письма, которые удавалось отсылать очень и очень редко, получил всего два. Первое — через два с лишним месяца — от Гарри, в котором он рассказал, что Искра

уехала в Ташкент ухаживать за своей больной бабушкой. Он отослал ей все его письма. И второе — еще через такой же период — от Искры уже оттуда, из Ташкента. Бабушка всегда любила ее и очень сильно переживала разлуку с Искрой: когда ее мать разошлась с отцом, то первым делом запретила им общаться с дочкой. И Искре всегда не хватало любви не столько отца (она его не так уж и часто видела), сколько именно ее, любимой бабушки. Теперь они вместе, и, несмотря на тяжелую утрату сына и свой диабет, бабушка еще держится молодцом. Она даже стала читать Библию. «В этом я вижу руку Божью и радуюсь, что могу быть ей полезной. А институт подождет и ни-ку-да не уйдет от меня, так же, как я жду тебя и ни-ког-да не уйду от тебя. А когда ты приедешь, мы будем самой счастливой семьей. Ты поймешь это в первый же день по приезде! Самой счастливой, я так жду этого момента. Я молюсь об этом Богу и верю в это.» В конце она сообщила, что скоро переедет с бабушкой в новый дом. Их строят здесь в огромных количествах. А пока пусть он пишет ей письма до востребования.

Все. Больше он не получил ни одного письма. Но в этом не было ничего особенного: такова была его работа в пустыне Гоби. Свои же письма с редкими оказиями продолжал отсылать на главпочтамт.

И вот, полный надежд, он вернулся в город и с замирающим сердцем подходил к дому Гарри. Из Улан-Батора, где он пробыл целую неделю, он дал две телеграммы: ему и в Ташкент, так что Искра вполне уже могла

быть здесь. Ах, какие только картины встречи он ни рисовал в своем воображении!

Но вот уже и шум такси затих, а никто из дома навстречу ему не торопился. На знакомой калитке он прочитал незнакомую фамилию. Постучал. Вышла пожилая женщина и, вытирая руки фартуком, подошла к нему.

— Простите, а где... Тут жили...

— Прежние хозяева? Ну, так уехали они. Куда-то не то под Омск, не то в самый Омск. Дед у них помер, они и уехали к его... этого... Гарика, родителям. Те, видать, еще живы. Они адресок оставляли. Не тебе, случайно?

— Наверное, мне. Будьте добры, принесите.

— Сейчас, сейчас.

Получив адрес, он отошел немного, сел на чемодан и задумался. Хорошее начало, ничего не скажешь. Где искать Искру? К Раимжану или ее матери идти? Одинаково не хотелось ни к нему, ни к ней. Из телефона-автомата позвонил полковнику. «В длительной командировке». Совсем хорошо. С тяжелым сердцем направился к Сагине Каюмовне: деваться-то некуда. Не на главпочтамт же Ташкента ехать. А что, если и ее нет?

Она была. Открыв дверь, она не сразу признала его, потому что отощал он довольно прилично. Да и лицо загрубевшее, небритое, как сапожная щетка. Потом она удивилась. Совсем немного удивилась. И, чуть поколебавшись, сказала:

— Вы? Ну что ж, пройдите. Впрочем, нет, подождите здесь. Я принесу вам *ваше!* — и она удалилась в другую комнату. Олег отметил про себя, что она постарела.

— Вот это вам, — протянула она ему конверт. В другой руке у нее была какая-то штука, похожая на большую чернильницу.

— Где Искра, Сагина Каюмовна?

— Здесь, — показала она на конверт. — Раскройте и прочитайте.

Олег достал сложенную пополам бумагу с гербовой печатью — и ноги его стали ватными, а лицо побелело даже сквозь щетину:

— Что это?

— Свидетельство о смерти, молодой человек. И это — ваше.

У него земля ушла из-под ног, и, качнувшись, он при-слонился к косяку.

— Не устраивайте сцен, молодой человек. Вы же бросили ее. Зачем же теперь пришли?

Олег смутно воспринимал ее слова, но понял, что рас-спросы и объяснения бесполезны. И все же не мог не спросить, что произошло.

— Спросите об этом у Раимжана. Своего покрови-теля. Он в курсе. Я же с вами не имею ни малейшего же-лания разговаривать. Потому что это именно вы отобра-ли у меня мою дочку. Уходите.

— Где она похоронена? Где ее могила? В Ташкенте?

— Здесь, — она показала другую руку. — Это ее урна. И это — мое. Уходите!

— Вы ее кремировали? — в ужасе вскрикнул Олег.

— Она сгорела при пожаре. Уходите! — она также пе-решла на крик: — Я не могу вас видеть!

И все! Погасло, не успев обогреть молодые любящие души, едва забрезжившее там солнышко надежды. Надежды «встать на ноги» и зажечь семейной жизнью. Как же она писала, что в первый же момент по приезде он станет самым счастливым человеком? Рядом с ней.

Все! Будто и не было тех счастливых минут того их степного благословенного периода. На что ему сдались теперь эти заработанные деньги? Кто додумался послать его в эту Богом забытую пустыню? Стоп! Какую пустыню? Да, да, забытую Богом. Вот кто меня послал туда. И этот Ураз, и те его помощнички ничего не могли с ним сделать. И не сделали бы. Потому что он умеет за себя постоять. Кому же надо было разлучить нас? Искорка, родная, где же твой Бог? Почему допустил такое? Словно сомнамбула, брел он по улицам города и очнулся только от страшного визга тормозов.

— Тебе че, мужик, жить надоело? — заорал таксист, высунувшись в окно.

Олег бессмысленно посмотрел на него, согласно кивнул головой и сошел на тротуар.

— Постой! — выскочил за ним шофер. — У тебя что случилось? Может, помогу чем.

Олег также отсутствующе смотрел на него:

— Можешь. Отвези в какую-нибудь гостиницу. Я заплачу.

— Да не вопрос. Вот только в какую? Сейчас все везде забито. Ну, да попробуем. Садись. Может, что и выкроим.

Они выкроили. Устроив Олега в гостиницу, Тофик, а

именно так звали таксиста, пришел к нему после смены, и они отметили знакомство, поскольку Тофик тоже оказался бывшим десантником. И так же, как у Олега, у него никого из родных не было, что редко встречается у его народа. При таких вот обстоятельствах и приобрел Олег себе верного друга. Первое время Олег сильно увлекся выпивкой, но потом резко бросил и больше уже не прикасался к спиртному. Почудилось ему, что это Искра осуждает его.

Раимжан тоже принял его с участием. Рассказал, что Искра погибла при пожаре за городом в частном доме какой-то не то больной, не то престарелой женщины, за которой она ухаживала.

Потом оказалось, что у нее их много было, бабушек этих. Будто ей собственной больной бабушки не хватало. В общем, бабуля та недосмотрела, а Искра не побереглась. Стала поджигать газ, чтобы еду ей приготовить, а он и взорвался. Сгорели обе. Все это он знал со слов Сагины, которая уже давно не баловала его своим вниманием. Он помог Олегу подыскать и купить квартиру, ну, а на работу в управление геологии его теперь взяли и без участия полковника. Олег перевелся на заочное отделение, окончил институт, поселил в своей квартире Тофика, а сам ушел в геологоразведку и бывал в городе редкими наездами, которые проводил в компании Тофика и его друзей. Они все до мелочей знали друг о друге, понимали друг друга с полуслова, а часто обходились и вовсе без слов. Им было просто хорошо от присутствия друга.

Так незаметно пролетели годы. Тофик съездил на Олимпиаду в Москву и вернулся в весьма возбужденном, озабоченном состоянии. Олег как раз был дома и сразу почувствовал, что грядет что-то необычное. Так оно и случилось. Вечером того же дня Тофик рассказал ему, что подписал контракт на службу в Афгане. Мало того, он порекомендовал и его, Олега, и там уже ждут и его решения.

— Я не поторопился с тобой, Олежка?

— Нет, — Олег покачал головой. — Жалко только, что не я до этого додумался. Это выход.

— Тогда давай по сто фронтовых — и в путь.

— Когда отправляться?

— Нам сообщат. Кстати, знаю точно: поедем через Ташкент. Может, бабули какие еще остались живые. Ну, которые Искру знали, а?

— Да ты что, столько лет прошло. Тринадцать! Уже мы-то немолодые, ты что-о... Да и что ворошить, даже могилки нет. Вот, свидетельство только и осталось. Ну, будем!

— Будем!

Тофика через год, смертельно раненного, увезли из Кабула в Ташкент. Там он в госпитале и скончался. В том бою они были рядом, и Олег снова и снова спрашивал себя: ну, почему Тофик? Почему не он?

Глава 16

Воспоминания Олега прервал какой-то назойливый посвист. Вдоль берега уныло брела одинокая фигура. Василь подошел к Олегу, перестал свистеть и присел на песок.

— Уезжаешь, однако?

— Уезжаю, Васылю.

— Жалко.

— Почему?

— Так... Ты много знаешь, рассказываешь. Народу тут мало. Поговорить не с кем. — Он наклонился, подобрал один рисунок Олега. Посмотрел, привстал беспокойно и взял второй.

— Искра, — сказал он с какой-то затаенной радостью.

— Да, — машинально повторил Олег. Потом выпрямился: — Что? Что ты сказал?

— Это Искра. Я ее очень полюбил. Она меня в Яр-Сале лечила. Я знаю.

Олег замер и боялся пошевелиться.

— Васылю, повтори, что ты сказал. Это Искра?

— Ну, да. И Клава знает. Они работали там. Вместе работали. Клава знает.

— Господи! — осел Олег на песок, потом засуетился: — А ну, пойдём скорее к ней. Ах, ты, Боже мой, времени-то сколько, спят уже, наверное.

— Не спят. Аким только приедет скоро. Как раз пойдём.

И они заторопились к поселку. Олег забежал к себе и взял из чемодана фотографию.

— Клава, — голос его дрожал. Он протянул ей сначала рисунок. — Клава, посмотри, тебе знакомо ... Ты знаешь... — он не мог сформулировать, кого.

— Это Искра. А вы ее откуда знаете?

— А вот это кто? — он протянул ей фотку.

Клава вскрикнула от удивления.

— Искра! С вами? Все! Вспомнила! Она мне такую же фотографию показывала. Я же говорила вам, что где-то вас видела. Я не ошиблась. Она сказала — это мать с отцом в каком-то стройотряде. Да, точно, в студенческом отряде. Боже мой! Вы — отец Искры?

Олег не мог ответить. По его лицу текли слезы, губы его дрожали. Он тяжело опустился на пол: «Так вот что Ты хотел, Господи, когда послал меня сюда» — и потом уже чуть слышным голосом полилась его молитва благодарения. Клава встала на колени рядом с ним. От двери раздались какие-то отрывистые лающие звуки. Закрыв лицо руками и зарывшись в колени, там на табуретке плакал Василь. Непосредственный и бескорыстный, он таким образом радовался неожиданному счастью двух знакомых и ставших ему близкими людей. И было совершенно ясно, что Господь коснулся и его сердца.

Олег закончил молитву, и постепенно они успокоились. Клава путано, сбиваясь, вспоминала подробности их бесед.

— Но ей сказали, что вы погибли там, в Афгане. Она разыскивала вас, а ей сказали... Ей пришел такой ответ. Она мне часто жаловалась, что раньше не смогла какие-то ваши письма обнаружить. Мама-то ее, ну то есть,

жена ваша, погибла, когда она только-только родилась. А уж когда ей шестнадцать было, так ей передали кое-что от прабабушки из Ташкента. А там и шкатулка с вашими письмами. А та бабушка, которая ее из Ташкента забрала, все скрывала от нее про вас. Как вроде отца, ну вас, то есть, и не было. Вот оно что! Боже мой, меня тогда еще так ее рассказ взбудоражил.

— Может, она все еще там, в Яр-Сале?

— Нет. Она в Тюмени. Да ее и мама моя знает. Ну, то есть Сережина. Мы с ней переписываемся, я и дала маме ее адрес. Искра же — прекрасный врач.

Теперь все происшедшее в последние две недели и казавшееся случайным выстроилось вдруг в четкую продуманную цепочку событий. Голос диктора, задержка рейса, незнакомая женщина, ее просьба...

И память. Столько лет хранившая каждое мгновение их столь короткой жизни с Искрой. И все это выстроил Господь, чтобы успокоилось, наконец, его разбитое сердце.

— Так я найду ее завтра?

— Конечно. Мы еще попробуем так сделать. Сережа с утра маме позвонит. Там от себя, из части. С почты-то не дозвонишься, бесполезно. Вот она вас и встретит. Мы же и без этого с вами так договаривались. Она ведь ждет вас, ну, мама наша. Возьмете ей наш гостинчик, муксуна; чего больше можно отсюда послать? Она вас и встретит, и к Искре отвезет. Ой, как я рада за нее, Олег Алексеевич. И за вас. — Она утихла, увидев, что он о чем-то задумался. Василий бесшумно поднялся, почему-то сов-

сем неожиданно перекрестился и тихонько выскользнул за дверь.

А Олег уж в который раз вспоминал и только теперь понял те слова из письма Искры: «Мы будем самой счастливой семьей. Ты поймешь это в первый же момент по приезде». Милая, родная Искорка, почему ты не сказала ни слова о ребенке, ведь мы с тобой не знали об этом, когда расставались. Но теперь я увижу нашу дочурку, я иду к ней. Мой Бог послал меня за ней сюда, чтобы я увидел вот этих вот людей, рассказал им о Нем, и они услышали Слово Божье. Чтобы через память о тебе, моя Искорка, пришла к Нему Клава и вот этот заблудший ненец Василий. Чтобы пробудился к жизни и мичман Виктор, буйная головушка. Сохрани меня, Господи, до встречи с моей дочуркой...

Олег в нетерпеливом ожидании спустился по трапу в аэропорту Тюмени, пропустил всех в автобус, чтобы первым прийти в то же самое здание, откуда он недавно улетал. Народу здесь было много, но им не надо было искать какие-то отличительные признаки друг друга. Навстречу ему уже бежала его Искорка, его дочурка, его последняя пристань. Давно уже разобрали багаж и разошлись прилетевшие пассажиры, а посреди зала так и стояли пожилой мужчина, что-то шептавший в пустоту вокзала, и зарывшаяся лицом у него на груди молодая девушка. А рядом, в терпеливом ожидании и с глазами, полными слез, стояла ее спутница... Мама Сергея и Клавы.

А кто отречется от Меня...

По пустынным улицам небольшого таежного села, поминутно сигнала, не совсем уверенно разъезжал допотопный КрАЗ с болтавшимся из стороны в сторону лесовозным прицепом. Вся эта халабуда лязгала цепями коников, чихала и надрывалась ревом мотора, оставляя на снегу сажевые пятна выхлопных газов. Время от времени, несмотря на мороз, из кабины высовывалась небритая физиономия водителя с осоловелыми глазами. Завидев у плетня возившуюся с дровами женщину, он притормозил в очередной раз и промычал что-то невразумительное: не то искал дорогу, не то спрашивал, у кого есть самогон. Кое-как она выяснила: и то и другое. На дорожку и до Усть-Кута.

— Тю-ю-ю. Да как же ты едешь-то, горе лукавое? — всплеснула руками женщина. — Тебе же обратно надо. Вон, у почты, развертайся и прямо назад, — махнула она рукой в обе стороны.

Мужик долго и тупо смотрел на нее, соображая, как можно ехать сразу в две стороны, потом внятно ругнулся, «дал по газам», окутав сердобольную женщину облаком черного дыма, и загромыхал в первоначально указанном направлении.

— Чтоб ты перевернулся, Ирод! — кулаком погрозила она ему вслед.

У почты машина и впрямь с разгону развернулась на укатанном и обледенелом снегу. Разорвав сценку, оторвался прицеп и, чудом не зацепив почту, влетел в соседский огород, протаранив заплот из штакетника, стайку с баней, и успокоился в стоге сена. Машина же, устояв на колесах и крутнувшись еще раз, напроочь смела остатки аккуратного штакетника и красивые, с резьбой ворота, выскочила по наклону проулка за околицу и через несколько метров сорвалась с крутого яра.

— Господи, помилуй, — перекрестилась женщина и побежала через огород к речке. Там уже толпились люди, бывшие на почте...

Водителя вырезали из искореженной машины сваркой. Доставали, чтобы похоронить, но он еще дышал.

— Это Сашка-бомж, крановой из «воруйки», — сказал один лесовик. — Надо бы их мужикам сообщить, только далековато они. За триста верст.

Его отвезли в районную клинику. Хирург больницы собрал мужика по частям, скрутил «гайками и болтами», и через полгода поставил на ноги. Про такого говорят: хирург от Бога. И это правда. Правда потому, что Господь через таких людей дает нам еще и новую жизнь. Жизнь с Богом.

...Всю бригаду лесовиков Гога на неделю увез на свадьбу своего партнера по бизнесу. На деляне же за сторожа (озоруют нынче в тайге, а у него какая-никакая, а техника) оставил Сашку-бомжа, который по выходе из больницы пока ни на что больше не был способен. Да и уединению был рад. Хоть Библию почитать, не таясь от

мужиков. Боялся, засмеют. Вообще в последние дни он ходил сам не свой. Вот и сегодня, чем-то необъяснимо взволнованный, он закрыл Библию и вышел из вагончика. Солнце давно подсушило утреннюю росу, спрятался неуловимый мокрец, и докучливые комары уже не причиняли большого беспокойства. Накинув на пробой замок, он пошел на свое излюбленное место на опушке леса и удобно устроился на объемном, с приступком, пне. Отсюда открывался изумительный вид на горный луг, синевой колокольчиков, васильков, золотом одуванчиков и белизной ромашек сбегающий по пологому спуску к спокойной, тихой речке. И если долго, не отрываясь, смотреть на это волшебство природы, трудно определить, где этот роскошный луговой ковер, вобравший в себя лазоревый отблеск небес, переходит в изумрудную водную гладь. Особенно скрадывало это различие яркое солнце, расцвечивая в заводях застоявшиеся крупные листья кувшинки и лопуха. При легком дуновении ветерка все это разнотравье переливается мягкими волнами, и не понять: то ли луг заполонил реку, то ли река растеряла берега свои. Потому что так же незаметно начинался и противоположный берег. Только был он круче, и луг там быстро переходил в подлесок, заселенный молоденькими трепетными осинками да березками, и лишь у подножия невысоких гор начинался лес. Из-за преобладания мохнатых елей выглядит он просто дремучим. Даже солнышко лишь местами просеивается сквозь их густо переплетенные ветви. Оттого-то и выглядит он темным, особенно в пасмурную погоду. Зато выше

по склону, насколько хватает глаз, половодье радостного света: рядом с белыми-пребелыми, «повзрослевшими», в зеленых кудряшках, березками золотятся на солнце оголенные стволы сосен. И по самому хребту холма, от макушки в обе стороны, выстроились они по ранжиру: каждая последующая ниже предыдущей. Где-то там, опробывая голос, закуковала надсадно вестница-самозванка, несколько нарушив гармонию лесной переключки.

— Ну-ну, — очнулся Александр, — погадай давай.

И приготовился считать в волнующем ожидании.

— Ку... — всхлипнула и захлебнулась кукушка.

То ли сама от тоски задохнулась, то ли смял ее соболь. И как он ни ждал, не отозвалась более.

— Вот так всегда, — расстроился Саша. Все наполовину. Даже сдохнуть зараз не смог.

И тут же сник отрешенно. Что, в общем-то, и немудрено. Настроение его после перенесенных операций менялось быстро и без видимых причин. По несколько раз на день. Вот, стоило кукушку услышать, и лег на сердце тяжелый камень отчаяния, и одолела враз тоска безысходная. Тоска... Теперь она все чаще преследовала его. А ведь был на душе его полный покой, был. Как ни странно, в самый критический момент его жизни. И не от лекарств обезболивающих. Он помнил это благословенное состояние. Этот покой вошел к нему в палату вместе с той странной старушкой, когда он лежал, спеленатый шинами и бинтами, и не мог даже говорить, но уже осознал, что произошло непоправимое. И сейчас вспомнил, как

она, склонившись, легонько вытерла ему слезы, плод его поминутных воспоминаний. И было стыдно за слабость свою.

— Ты не стесняйся слез, Саша, — уловила она его мысли. — Это так твоя душа о Боге истосковалась. Видать, шибко ты ее от Него прятал. Вот она сама зовет к Нему теперь, слезами очищается. Значит, слышит Он тебя. И исцеляет. Христос всех исцеляет, кто Его просит. И тебя исцелит.

Странное дело: тетя Маша, так ее звали, разговаривала с ним так, словно не сомневалась, что он обязательно выздоровеет и придет к Богу. И почему-то не хотелось ее разубеждать.

— Как же было сомневаться, — говорила она потом. — Узнала, что один-одинешенек, живого места на нем нет, а жизнь не уходит из него. Значит, Сам Господь призрел! А как же.

И больше месяца ухаживала за ним, как за ребенком: носила гостинцы, читала из Нового Завета, рассказывала о Христовом спасении. Благо, лечащий врач распорядился пускать ее в любое время. И мало-помалу, несмотря на физические страдания, безоговорочно поверил он, что вернется к жизни. Спасенным. Была она в этих краях с какой-то миссией и аккурат перед тем, как его перевели в общую палату, пришла попрощаться и принесла на память Библию. Он как раз пробовал стоять, держась за спинку койки и, увидев ее, интуитивно шагнул навстречу. Тело его при этом содрогнулось каскадом конвульсивных движений: еще шаг — и тетя Маша успела

подхватить его и усадила на кровать. Саша молча плакал. Не от боли — он к ней привык. Здесь была и радость обретенного вновь движения, и благодарность незнакомому человеку за сердечное участие, и незримое присутствие великого Бога. А тетя Маша тихо гладила его по голове:

— Вот видишь, Саша, Господь хранит тебя. Поторопись покаяться перед Ним. Выйдешь из больницы, не укрывай от людей Того, Кто тебя к жизни вернул. Укроешь — опять душой томиться станешь. Оглянуться не успеешь, а тоска тут как тут. Люди ведь пока в страданиях, так молятся Ему, о милости просят. А выздоровели — и забыли, что каялись. Ты не допусти этого.

И Александр понял, отчего так разволновался сегодня. От памяти. Оттого, что не хватило тогда одного шага до покаяния. А потом стал шаг этот откладывать со дня на день, стесняясь мужиков. Именно это и прочел он в Евангелии от Матфея (10:32—33): *«Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным»*. «Ах, ты, мать честная! — дошло до сознания. — Да ведь она об этом говорила! Выходит, я отрекся от Него». «Прости меня... — Александр сполз с пня на колени; во рту у него вдруг пересохло, а язык отяжелел, словно налился свинцом, но он все же с трудом выдавил: — Господи...»

Впервые в жизни произнес он это магическое слово вслух. И упал камень с сердца, и засветило в душе солнышко. И язык обрел прежнюю легкость. Не удалось сатане в попытке своей последней сковать его призыв к Отцу Небесному.

— Господи, примешь ли меня, клятого да окаянного? Натерпелся я без Тебя, — в счастливом благоговении вопрошал он.

И слышалось ему в легком шуме листвы ходатайство тайги-свидетеля: «Прими его, прими, Господи! Натерпелся мужик за жизнь-то, ох, натерпелся...»

«Какое же это счастье — быть с Тобой, Господи! И как велико Твое долготерпение... Спасибо тебе, добрая женщина тетя Маша, что помогла найти дорогу еще одной заблудшей душе. Добрый Пастырь привел ее на Свой луг и не дал погибнуть в пьяном угаре».

Угар... Гарь... Саше вдруг пришло на ум, что на месте вот этого чудесного луга и такого нежного, ранимого подлеска несколько лет назад была обуглившаяся гарь. Зола и пепел: выжженная буйным пожаром земля. А теперь Господь возродил здесь такое волшебство! Не так ли возродил Он и его, обожженного и исковерканного жизнью, спалившего душу и тело алкоголем? Саша буквально утонул в покаянии. Вся прожитая жизнь обернулась одним мгновением. И это мгновение он прожил вне себя, в некоем отсутствующем измерении, наблюдая себя со стороны. Все наболевшее, изводившее душу годами скитаний, удерживаемое далеко в тайниках памяти, высветилось вдруг так отчетливо.

Сколько же это длилось? Боже мой, тринадцать лет! А будто один день. Только очень и очень длинный. Саша жил в этом видении, доставал себя из той необъятной памяти и чувствовал, как постепенно освобождается от тяготившего столько лет груза собственной вины. А глав-

ное, он впервые не испытал того щемящего чувства горечи и обиды на тех, по чьей злой воле оказался человеком без... без всего. «Бомж без родины и флага», — так говорили о нем. Ушло оно, ушло все это как-то сразу и насовсем. Впервые не содрогнулся он, не заскрежетал зубами в пронзительно беспомощном желании отомстить. Как будто зачерпнул в том видении живой воды и в трепетном благоговении пил ее с ладоней, и орошал ею лицо, и воскресались в нем те, прежние, замурованные им самим, надежды.

За что мне такая радость, Господи?! Ах как легко и свободно почувствовал он себя после того, как в покаянии отплакал перед Христом за все лишения, за все несбывшиеся сны. И понял, как-то очень спокойно и уверенно понял: вот теперь эти надежды сбудутся, потому что Сам Христос принял его таким, как есть. Только стать надо было другим. И прежде всего надо было вернуться домой. Где-то в далеком Нерюнгри, может быть, жива еще его мама, от которой он уехал тринадцать лет назад. Уехал с надеждой перевестись в Новосибирский институт и вернуться-таки через год-два дипломированным инженером. Да от начала заблудился в мутном водовороте людской подлости, коварства и безразличия. И не умея правильно ступать по жизни, ступил мимо кочки в болото. А ступив, увяз в нем по уши. И уже не вернулся ни инженером, ни даже бомжем, в которого преобразился за один всего год. Хотя собирался первое время. До каждой полочки. И после того, как она исчезала, снова собирался. Потом перестал. Смирился.

...Еле слышный рокот мотора нарушил ход мыслей. Машина сворачивала в сторону их стана. Это, конечно же, чужие, но люди. А Саше так хотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью, что он с готовностью принял это как добрый знак. *«Кто исповедует Меня перед людьми...»* Улыбаясь лесу, он вдруг услышал кукушку и понял, что уже долгое время она ведет отсчет его годам. *«Пой, вестница, гадай, милая, — прошептал он. — Только все одно неправда твоя. Не сможешь ты мне нагадать столько, сколько я теперь жить буду... Вечно!»*

И, счастливо засмеявшись, шагнул навстречу судьбе...

Я воззвал к Тебе

КамАЗ вынырнул из распадка на вывозку и, плавно влившись в глубокую натруженную колею, тут же побавился в росте. Артамоныч, легко спрыгнув с подножки на обочину, помаhal вслед удаляющимся машинам. Теперь он остался в тайге один. На ближайшие 30 километров вряд ли можно было сыскать хоть одну живую душу. Он с удивлением посмотрел на перелесок за узкой полоской поля. Еще вчера, возвращаясь с Ярым на лесосеку, любовались они при неярком свете утомленного солнца этой полыхающей плакатным пламенем тонкоствольной порослью осины вперемежку с березой да возвышающимися кое-где малахитовыми кронами красавиц-сосен. Слово зеленые купола беседок разбросал кто-то по янтарному берегу. И вот этого-то янтарного берега сегодня как и не бывало! Только жиденькие останки бледно-желтой листвы да изумрудная темень паутины низеньких елок проглядывала сквозь в момент отошавший, полураздетый ветром лес.

Артамоныч почувствовал остудное дыхание ветра и поежился. Невесть откуда в душу прокралась неясная тревога. От той видимой легкости, с которой он спрыгнул с машины, не осталось и следа. Ныла поясница, ломало ноги. Сказалась последняя авральная работенка,

где он, катая бревна, изрядно надсадился. Потом не один день «обмывали» успешное ее окончание. Похоже, он и здесь переусердствовал. И сейчас, подставляя разгоряченное алкоголем лицо холодному ветру, он уже предчувствовал свинцовую тяжесть завтрашнего похмелья. Собственно, оно уже подступило — это липкое, тошнотворное состояние, откуда и кралась та неясная тревога. Так что, чего уж тут неясного? Как раз все и ясно.

На деляну он возвратился прямиком через тайгу. На небольшой поляне близ ручья расположился их стан: кое-что из лесотехники да жилой вагончик. А перед ним — печка железная, из которой торчали тлеющие головешки и, с тайной надеждой возгореться, вспыхивали на мгновение после каждого приличного порыва ветра.

Эти три последних дня бригада гулеванила после благополучной отправки вагонов с лесом в Казахстан. Непосвященный не подозревает даже, сколько может выпить лесоруб-шабашник от предприятия «воруй-лес» в тайге. Поэтому вам честно скажут: много. Потому как работают они в основном для того, чтобы пить. Правда, до полочки они иногда говорят о машинах, квартирах, которые можно было бы приобрести при их-то заработках, но в том-то и каверза предлога «до», что сразу же после полочки вы их и днем с огнем не встретите в тайге недели две, а то и более. Пока не пропьются. Чтобы начать все сначала. О, это воистину чертово колесо. А у колеса край есть? Есть. Вот, как выпускает изношенный баллон колеса воздух и его уже никуда не деть, кроме как

выбросить на свалку, так вышибает и дух из беспмятного лесоруба. И пристраивают его собутыльники, реже родные, если вдруг погодились, где-нибудь на погосте. Горят мужики. Сгорают уже здесь, на земле, не дожидаясь направления в ад...

В общем, в пятницу, «уговорив» последнюю бутылку самогона, поехали по домам «догоняться». Он же остался. И дом далековато (аж в Казахстане!), и продолжать уже не было сил. А не пить в тайге с мужиками?! Ну, знаете ли, как-то не укладывается. М-да. Это вот как сидеть в тесной комнате с курящими и пробовать не дышать дымом. К обществу, опять же, неуважение. И попытки к подобному неуважению заметил он у себя с той поры, как у него появилась Библия. Читал ее сначала только для того, чтобы досадить одному знакомому старику-баптисту. Хотел «закопать» его, показав весь абсурд их веры. Тут было задето его, Артамоныча, самолюбие. Все же в свое время он с блеском сдал институтский экзамен по атеизму. Помнится, как он ярко доказал убежденному атеисту-экзаменатору то, что Бога нет! И вот, свободно манипулируя названиями мировых религий, даже обладая знанием различных течений внутри каждой из них, он потерпел крах, когда с ходу решил закопать этого малограмотного собеседника. Из атеистических брошюр он не раз вычитывал, как виртуозно труженики безбожия укладывали на лопатки верующих всех рангов и конфессий. Именно с таким настроением он и принялся обрабатывать старичка, но... Случилось по-

чему-то наоборот: каждым своим ответом ли, вопросом ли ставил тот оцененного в пять высших баллов атеиста в тупик. Но не злорадствовал при этом, а еще и подал идею: «Ты, — говорит, — конечно, грамотный человек и можешь меня запутать. Но для этого надо все же знать, что в Библии написано о Христе, а вам этого не обсказали, как я вижу. Ты сказал, что врага нужно бить его же оружием? Вот тебе наше оружие — пробуй!» — и подарил Артамоньчу Новый Завет. «Ну, что ж, логично», — признал тот и без особой радости принял подарок. Но с той поры эта книжка не давала ему покоя. И хотя в ней, по его мнению, все было поставлено с ног на голову, он все чаще задумывался над прочитанным. А двадцатую главу от Матфея, о хозяине виноградника и наемных работягах, даже обсуждали всей бригадой после работы. И чуть не передрались. Иные были обескуражены оплатой, произведенной хозяином, уверяя, что это натуральная обдираловка: кто-то, мол (как и у нас), пашет весь день, а получает наравне с бездельником! Другие поняли намеки и перешли на личности. Слово за слово...

В общем притчу признали вредной, подстрекающей к мордобою. Но странное дело: нет-нет, да и вспоминал кто-нибудь из них те слова: «Я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе... Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?» Подспудно Артамоньч понимал, что тут заложен глубокий смысл, но втиснуть его в рамки своего представления о справедливости не получалось. Трудно, ох, как трудно понять простому смертному оче-

видные Божьи истины. И Артамоныч уже с нетерпением ждал возвращения в Казахстан, чтобы вновь увидеться со стариком и прояснить, упорядочить наступившую в сознании сумятицу.

Он выглянул из вагончика, и на него дохнуло мертвящим, коченеющим запахом зимы. Было еще только четыре часа дня, а в тайге уже сгустились сумерки. В вагончике же было темно. Он зажег керосиновую лампу на стене, завалился на кровать и... растворился в этакое зыбкое пограничное состояние между реальностью и воображением. Все вокруг пришло в движение: стали отчетливо раздаваться чьи-то голоса, кто-то совершенно явно ходил рядом и разговаривал с ним. Он силился стряхнуть наваждение, но не мог даже шевельнуться. Сцены, одна страшнее другой, настолько парализовали его, что весь тот кошмар он начал воспринимать как реальность. То он барахтался в невесть откуда взявшемся болоте, то настырный косматый медведь силился пролезть в вагончик. Где-то глубоко в подсознании он понимал, что это сон, и мучительным усилием вырывался из этого кошмара. Подбегал к бачку с водой у двери, пил кружкой холодную воду и снова погружался в небытие. Совсем очнулся только от жуткой боли в желудке, вскочил с кровати с натурально чугунной головой и какое-то время соображал, где кошмар, а где явь. Боль прошла так же быстро, как и появилась, но внутри осталось чувство жжения и какой-то непривычный солоновато-терпкий привкус во рту. «Чертов чемергес. Не хотел ведь

пить, идиот!» — обругал он самогон и самого себя. Теперь уже горело все тело, и он весь покрылся липким, леденившим тело потом. Трясущимися руками Артамоныч подкрутил фитиль в лампе и переоделся в сухое белье. И вмиг почувствовал, как похолодало. Он открыл дверь и — ахнул! Поляна, лес, все вокруг было укрыто белым саваном, а снег продолжал сыпать сплошной стеной. И как ему ни было тошно, а зачарованного взгляда от тайги он не мог отвести. Стволы деревьев четко обозначались в этой снежной пелене. «Как живые изваянья в искрах лунного сиянья, чуть белеют очертанья сосен, елей и берез», — вспомнились любимые когда-то стихи. И хотя луны не было, очарования от этого не убавилось: «Красота-то какая! Теперь оклематься бы только». Но оклематься не выходило. Боли в желудке участились и длились уже подольше. Потом и вовсе началась рвота. Ну, дело, в общем-то, привычное, дело похмельное. Он надел чью-то фуфайку, взял фонарик и вышел в буран. Отойдя метров на десять, подсветил фонариком в небо: оттуда, словно из бездонного жерла, безудержным потоком неслись, обгоняя друг друга, пушистые хлопья снега. Он закрыл глаза и почему-то вообразил, что летом стоит на току под шнеком комбайна, ссыпającego зерно. И тут его снова вырвало.

Рвало натужно, болезненно, и на белом-пребелом снегу он отчетливо различил подозрительно темное пятно. Что это? Он осветил фонариком: кровь? Голимая кровь! Зашлось сердце и лихорадочно заработала мысль. Он кинулся к бензовозу: «Только бы из распадак выб-

раться на вывозку. Там-то, по прямой, вытяну. Только бы из распадка...» Он запрыгнул на подножку и тут же кубарем скатился с нее, и закатался по снегу, и завыл от отчаяния: аккумулятор-то Ярый увез еще третьего дня на подзарядку в леспромхоз. И вскочил, и забегал суетливо, проваливаясь в рыхлом снегу: «Сдохну! Пешком не дойду — замерзну. Дебил! Сам себе погибель уготовил...» Безысходная тоска захлестнула его, и он отрешенно поплелся в вагончик. Выпив воды, рухнул на кровать. Внутри все горело синим пламенем и после каждого глотка воды, чуть утишающего жжение, кровь, скопившись в желудке, выплескивалась горлом наружу. Сколько ее еще там осталось? Он машинально взглянул на часы. Полночь... До рассвета в тайге еще часов восемь. Да и зачем уже он — рассвет? Подожди... Артамоныч снова засуетился: «До рассвета дотяну, поползу до вывозки: может, хлыстовозы не все вернулись. Подберут. Лишь бы не уснуть».

...Если бы кому погодилось быть в эти предрассветные часы в тайге, он увидел бы странную картину: по стану, почти по колено в снегу, бродил, поминутно падая, мужик в огромной, не по размеру, фуфайке. Вот, притулившись к сосне, он бессвязно забормotal: «Не спать... Рассветет, я дойду... Господи, пособи! Что я сказал? Ну, да, Господи... Конечно, Бог... Молиться. А как? Спаси и помилуй. Спаси меня, грешного... Грешного! — вскинулся Артамоныч. — Ну, куда ж я со свиным рылом да в калашный ряд? Раньше надо было думать!» Мысли путались, калейдоскоп памяти настойчиво прокручивал

в затухающем уже сознании неприглядные эпизоды его непутевой жизни, и волна раскаяния окатила все его существо. Он упал на колени, и в этот миг вдруг ясно ощутил, что его слушают. Его слышат! Более того, он понял, что его прощают! Он беззвучно заплакал, потянулся рукой к небу и прошептал бескровными в крови губами: «Простишь ли, Господи?» — и неуклюже, кулем, ткнулся в снег...

Поляна вдруг осветилась теплым весенним лучом, оделась и расцвела полевыми цветами, и он увидел себя, четырехлетнего, бегущего по этому разнотравью. Он бежал туда, на конец света, где просвет лесной дороги сомкнулся с небом и где, говорила мама, живет Бог. Но сколько он ни бежал, а там, вместо конца света, оказывался поворот и открывался новый горизонт. Ах, сколько уже таких зигзагов пробежал он! И вот возвращался к маме, заплаканный, что так и не увидел Бога.

— Не плачь, — утешала его мама. — Главное-то, что Боженька видел тебя. Он теперь знает, что ты ищешь Его, и всегда будет с тобой. Ты обязательно увидишь Его, но только в самую-самую нужную для тебя минуту! Ты же помнишь это? — сказала она сыну.

— Я теперь вспомнил, — виновато признался он и хотел обнять себя, маленького: «Беги, Витя, беги, зови Бога... У меня минута такая...»

На воздушной вертикали неумолчно славил Творца жаворонок, Божий дозорный. Вдруг он начал быстро,

по спирали снижаться и оказался мужичонкой из одной только головы-туловища — колобок!

Он подлетел к Артамонычу на бензопиле, управляя огромными ушами, как крыльями, и дивное пение сменялось жужжанием мотора: «Вон он, в снегу! Топтыгин, видать, задрал! — кричит колобок. — Закрой ему глаза». Тут и сам медведь из ниоткуда над ним склонился, дышит тяжело. «Все же ты достал меня, Топтыгин, — не удивился Артамоныч и незлобно укорил его. — Небось, в вагончике, когда я с ружьем, так ты боялся. Ого!» Медведь провел мохнатой лапой ему по лицу, закрывая глаза. «Не надо, не боюсь я», — хотел он сказать и улыбнулся дрогнувшими ресницами. «Живой? — оторопел Топтыгин и закричал голосом Ярого: — Живой! Толик, давай его быстро в кабину. Сам наверху, если че! Может, довезем, успеем еще. Как чувствовала моя Дарья беду: привези его, да привези...»

КамАЗ неся с бешеной для тайги скоростью, вздымая тучи снежной пыли: «Артамоныч, не уходи! — издали доносился голос Ярого. — Дюжь, дорогой, дюжь, однако! Я же вон старее тебя. Спасут тебя, спасут!»

Не знал ведь Ярый, что он уже спасен...

...Из рассказа хирурга: больной, поступив в тяжелом состоянии, перед операцией пришел в себя. Огромная потеря крови. Синдром Меллори-Вейса, осложненный абсцедирующей пневмонией. Диффузное желудочное кровотечение. Четыре трещины слизистой желудка. Жить оставалось не больше двух часов...

Горбушка хлеба

В самом начале войны в далекой Сибири то было. Путевой жизни люди и так-то не видели: голод да нищета, да лагеря кругом, а тут еще и эта напасть. Вот, кажется, горе дальше некуда. Ан, нет, отыскалось — куда. Оказалось, что может быть еще горше: целыми эшелонами стали прибывать еще более обездоленные люди — ссыльные всех национальностей. Самые бесправные...

Объездчик Мустафа ехал через перелесок, за которым начиналось огромное картофельное поле. Поле было убрано, забот у него заметно поубавилось, и держал он ранний путь в райцентр. Туман белесой пеленой поднимался от земли, развиднелось уже и в лесочке. Четко, вровень с кустарником, обозначились стволы деревьев, стоящих нечасто, и каждое вырисовывалось, как на картинке. Оживала природа, на все лады опробовали голоса птички, мирно на душе и у Мустафы, и мурлычет он свою монотонную нескончаемую песню. И хоть не глядит по сторонам, а настолько профессия в нем сидит, что, как охотничья собака — дичь, так и он инстинктивно чует нарушителя. Вот он остановил коня, напряжился. Во-он, вдали, у самой кромки поля, три фигурки копошатся. Ссыльные картошку ищут. Поймать и наказать. Эх, надо было от леса вправо взять и за выкорчеванными

отвалами подкрасться незаметно. Теперь так не получится. Да еще Гнедой вдруг потрянул гривой и всхрапнул неприлично громко, и тут же в утреннем воздухе вскинулся и завис звоночком испуганный детский голос. Для звука всегда есть преграда, а уж в таком благословенном безмолвии утра — подавно. И прилетел отзвук к Мустафе непонятной скороговоркой непонятного языка, да так, будто кто совсем рядом говорил. И кинулась троица к спасительному ельнику, сплошной стеной стоящему у края поля, отгораживая его от «железки».

— У-у, кляча дохлая! — в сердцах обругался объездчик.

И вдруг увидел, как от убегающих отделилась маленькая фигурка и не сильно споро, прихрамывая, побежала вбок, к дальнему краю поля, где сразу за отвалами начиналось мелколесье.

— Ага, — злорадно догадался умный Мустафа, — там ворованное припрятали. Ну, тебя-то, хромоножку, я достану.

И пустил коня наперерез. Он явно успевал и даже оглянулся, чтобы усмотреть, в какую же сторону ельника шмыгнут те двое, и остолбенел: удиравшие до того порожними, теперь эти двое бежали не так резво, но уже с мешками на загорбках.

— У-о-а, шайтан! — в бешенстве завопил Мустафа и развернулся было, поняв, в каких оказался дураках. Потом крутнулся еще раз и, яростно стегнув воздух камчой, вновь погнался за хроменьким. Но, похоже, и тот наблюдал за его действиями и, когда убедился в безопасности

своих друзей, дал такого стрекача, что только пятки засверкали. Причем не образно, а натурально: малец был бос.

...Яша бежал к лесу, чтобы отвлечь объездчика от своих старших сестренек. Ему-то что: ну побьют — так ведь не привыкать. Да и сперва поймать надо. А на себя он надеялся. И еще знал, что ему всегда помогает кто-то невидимый.

...В свои десять лет Яша уже был кормильцем семьи: ходил с большой тряпичной сумкой на лямке просить по близлежащим селам милостыню. Так что первыми русскими словами, которым он здесь научился, были: «Подайте, ради Христа!» И при словах этих люди делились с заморышем кто чем мог. Этим и дюжила семья. Всякое бывало: на днях вон местные пацаны напали на станции, и, кто знает, чем бы обернулось дело, если бы не позвал на помощь один маленький мальчик.

— Папка! — завопил он на весь вокзал, — спаси, там мальчишки нищенку убивают!

Выбежал отец с мужиками, пацаны и разбежались. Сильно побили они нищенку: самодельными плетками всю спину исполосовали, изорвав и без того ветхую рубаху. Да и губы распухли — слова вымолвить не может. А хоть бы и вымолвил — так не на худшее ли? Некоторые вон и так поспешили отойти, как поняли, что инородца спасали. Собрала ему мать того мальчика в котомку раскиданные куски хлеба: «Ну, спаси тебя Христос», — говорит. Обрадовался нищенка слову знакомому, обтер от пыли горбушку хлеба, с мальчиком поделился. Едят

и улыбаются друг другу: ах, до чего же вкусный хлеб! Горестно вздохнула сердобольная женщина и подала Яшке из узелка не старую еще рубашку байковую, Вите на вырост взятую: «Ох, ты горе людское, самими на себя призванное».

Три дня в горячке провалялся Яша, потом на поправку пошел и тут же подбил сестренку старших за картошкой: зима на носу, запасов нет. Че страшного-то: поле убрано, может, и не объявятся там объездчики. И ведь убежал, считай, как вдруг в осклизлую рытвину по недогляду ступил, ушли из-под него ноги, так и впечатался в черную рыхлую землю. Соскочил, а объездчик уже над ним. У него глазенки от страха разбежались, одну руку зубами стиснул, другой в копну волос вцепился, дрожит весь, как лист осинovýй. Кто угодно бы сжалился, только не Мустафа. Загоготал он от великой радости, и эхо, повторив многократно этот гогот, раскатило его по окрестности, по полю да по лесу рассыпало, помогая разогнать остатки тумана. Тычет Мустафа в Яшку камчой, дескать, кто такой, откуда?

Яша так понимает, что его бить сейчас будут. А рубашку дареную жалко, изорвет ее камча. Он ее скоренько со спины на руки снял и на колени склонился, и шепчет, что если бы на русский мог кто перевести, услышал бы: «Боженька, помоги, чтобы не сильно били,дохлый я нынче еще. Кто моих кормить будет? Помоги, Боженька».

У Мустафы весь пыл пропал. Не потому, что разжалобился, а потому что опасно лупцевать. Парень —

кожа да кости, спина от рубцов свежих синяя с розовым, неровен час — очокурится под плетью. А в болото загнать на часок — времени нет. Тыфу, ты, незадача, вот уж не повезет, так не повезет — и душу отвести не на ком. И тут мысль благородная: а поведу-ка я его в район для показа. Это ж какая острастка тамошним ссыльным будет! От хорошей мысли даже Яшку под зад пнуть забыл. Длинную веревку достал: один конец на шею Яшке петлей накинул, другой к седлу приторочил. Подумал-подумал и связал ему руки назад чресседельником из сыромятины. Так-то оно надежней.

Где-то за лесом взошло-приподнялось солнышко, и день уже занимался золотым отблеском его лучей на облаках в серовато-дымчатом еще небе. Приподнялся и Мустафа в седле, суровым взглядом окинул округу — орел! — и тронул коня. Путь не ближний, однако и дело большой важности — Мустафа пленника ведет!

...Семилетний Витя сидел на опушке леса, прямо у дороги, и играл сам с собой «в ножички» блестящим складешком: недавний подарок старшего брата. Это было излюбленное место, куда он убегал с раннего утра. За дорогой, за неглубоким оврагом, начиналась скошенная стерня, и видать было далеко в обе стороны. Чуть поодаль, у начала болота, дорога разветвлялась: направо уходила между стерней и болотом к обозримому горизонту, туда, к картофельным полям, и дальше в лесостепь, налево, как бы обозначая границу того же болота, уходила в глубь леса по направлению к станции. Вот он поднял голову — и обмер! Там со стороны полей всадник

показался. Этого объездчика малышня узнавала за версту. Мустафа! Им матери пугали непослушных: поймает, в черный мешок завернет, ведьмам унесет... У Вити ноги занялись от страха. Не выпрямляясь, задом, задом попятился к спасительному лесу. Наткнулся на корягу лежалую, перелез через нее, можно и тикать уже. Но что-то остановило мальчонку. Мустафа был теперь боком к нему, и Витя увидел, что за лошадью, как-то странно подпрыгивая, неравномерно бежит маленькая фигурка человечка. Вот дорога пошла по небольшому взгорку, и он отчетливо разглядел, что человек спутан веревкой на шее. И в этом мальчике он безошибочно угадал того нищенку с вокзала. Жалость волной прилила к его сердечку с новой силой: он вспомнил тот благодарный кусок хлеба, ощутил во рту ржаной привкус той горбушки, и страх постепенно уходил из него. Витя слился с корягой, не понимая, что весь как на ладони. «Папке расскажу, он тебе покажет, Мустафа-бустафа», — погрозил он Мустафе, подбадривая себя. А тот уже поравнялся с его укрытием, ничего не замечая, и если бы не заунывное пение, можно было бы подумать, что он спит.

Зато Яшка увидел его, узнал и в мгновение вспыхнувшей надежде закусил губу. Витя крепче сжал складешок, и в тот же миг его увлекла какая-то неведомая сила: он бесшумно выскользнул из укрытия за спиной нищенки, подскочил к нему и быстро перерезал податливую сыромятину. Яшка вскинул руки и усилием ослабив петлю, выскользнул из нее, и оба опрометью кинулись к лесу...

...Двум-трем деревенским бабам случилось увидеть на самой околице, как, сбросив аракетинку в дорожную пыль, в каком-то бесноватом недоумении карябал камчой бритую голову суеверный объездчик Мустафа. Ну и вызнали, что сбежал от него непостижимым образом ссыльный мальчуган, спутанный веревкой на шее. Да еще и со связанными назади руками. Кто мог среди бела дня сотворить такое? Дак ясно, что нечистая сила! И в ужасе ускакал Мустафа в обратном направлении, а бабы поспешили с новостью к народу. Поплутав по деревне, весть та обросла уточнениями и в окончательной версии выглядела так, что вел, мол, Мустафа на веревке оборотня в виде ссыльного парнишки. А на подходе к их деревне тот превратился в черного бородатого козла. Потянул Мустафа за веревку, а тот встал на дыбки, брыкнул передними ногами, захохотал и — исчез. Но кровь на веревке осталась — сами видели. Знать-то, худо будет Мустафе опостылому, ибо кровь эта на нем. Совсем не так передала эту историю мать Вити, Мария, «блажному» Ивану, который аккурат перестилал у них в доме полати.

Поминутно крестясь, в благоговейном страхе, поведала она ему правду о случившемся. И сказала, что заперла примчавшихся от леса беглецов в амбар, подальше от греха. Малец-то — ссыльный. Что ж, мол, дальше-то делать, дед Иван?

Вообще-то его звали Иоганн, но кто теперь это помнит. На поселение в деревню привезли его в 38-м году,

и уполномоченный пояснил, что, мол, немца помирать к вам привез: придавило его на лесоповале так, что даже срок ему скостили. И сильно перепугал сельчан неведомым словом — «секта». Сам он толком не знал, что это такое, но предостерег, что, мол, держите ухо востро: сидел немец за это дело, и в той секте был за главного, ну, что-то навроде нашего попа. Засомневалось тут «общество»: ну что это за поп такой — ни кожи, ни рожи, ни креста на шее. Вон недавно батюшка на похороны из области приезжал, так оно и видно, что поп: и крест, и ряса, и борода, и кадило. А у этого — ну, никакой авторитетной видимости. Одно слово — дохлятик, хоть и секта. В общем, предостережения в расчет не взяли. Однако и на постой к себе брать никто не поторопился, так поселили его в амбар, на подворье у престарелой, напрочь глухой бабки Акулины. Той все равно было, кто он есть, да она и сама уже жильцом-то не считалась на этом свете. Вот и рассудили, что хоть он ей зимой печку топить поможет, и то польза большая.

А «блажным» прозвали, потому что в разговорах все каких-то блаженных упоминал. Его послушать, так все кругом блаженные. Даже нищие. Чудак, словом. Но вскоре дошло до сельчан: а ведь мастеровой, однако. Сначала одарил он местную детвору диковинными игрушками, которые начал мастерить из обыкновенной соломы. Радости детишек не было предела. А миниатюрные, отливающие на солнце соломенным золотом, домики-избушки с затейливыми оконцами, вызывали восхищение и у взрослых. Факт же, что не брал за это

денег, совсем расположил сельчан к нему. Стали подкармливать Ивана кто чем мог. Может, потому он и помирать раздумал.

Как-то само собой забылось и что он немец. И все чаще стал раздаваться на глухом подворье Акулины звонкий детский смех. Да и сам двор помаленьку менялся. Вон и заплот выровнял, ворота и стайку подправил. В амбаре, что в твоей горнице: пол настелил, все щели законопатил. А как резные наличники на окнах у Акульки появились, то и приглашать стали его бабы где что по хозяйству подмогнуть. Однако самое дивное диво, что старая Акулька стала на улицу выходить, а то и в гости к кому. Раньше-то дальше дома не хаживала; разве что у заплота постоит недвижно, словно выпь на болоте, да вслед детворе когда клюкой погрозит, вот и весь выход. Теперь же и сама какое слово скажет и разбирать вроде стала, о чем говорят. Ну, и обмолвилась, что, мол, лечит ее Иван. Молитвами лечит.

— Колдун! — догадались сельчане едино. — Вот оно что! Секта — это и есть колдовство. Сам-то, вишь, не крестится, а молитвы говорит: колдун и есть. А поскольку колдунья в соседней деревне уже была — Шурка хрипатая, которая лечила по деревням от всего и от всех, то стали с нетерпением ждать между ними стычки. Шурка и вызвалась было дать ему укорот, но почему-то после первого же разговора с ним перестала появляться в их деревне.

Тогда прохиндей Егор, брат Марии, пьяница и скандалист первой марки, принародно, к вящему удовольст-

вию мужиков, чей авторитет пошатнулся из-за этого деда, пообещал обломать ему руки-ноги. И однажды, изрядно дерябнув браги, оповестил собутыльников, что идет бить морду «вражине». А как зашел да долго не появлялся, обеспокоились мужики, не наломал ли и в самом деле дров, не управил ли деда. Нет, ничего, объявился-таки. Только был Егор отчего-то странно тих и растерян. Сколько ни бились, ни на какие вопросы не ответил, лишь рукой махнул и ушел, вобрав голову в плечи. Даже брагу не пошел допивать.

И все бы ничего, да вот перестал с той поры пить Егор. Не пьет — и все тут. А как в деревне объявится, сразу к Акулине во двор, ну, так ясно, что к тому деду Ивану.

Вскоре же объявил друзьям, что вовсе не колдун Иван, а как есть Божий человек. И судачит деревня, что поют, мол, они с дедом какие-то песни заунывные и молятся вместе с Акулиной. Вон и Мария туда повадилась. Бдительные люди в деревнях всегда водились, так что не замедлил явиться и уполномоченный с портупеей через плечо. Походил, порасспрашивал, но поскольку Иван никого никуда не агитировал, то и трогать его не стал. А что Егор схудился, так это, мол, от сильного перепоя у него на нервной почве беда приключилась. Да и говорено же было, что с Иваном якшаться себе дороже будет.

— Да-а, спортился Егор, — согласилось «общество». — И ведь мужик как мужик был: пил, матерился... А вот, поди ж ты, как с «блажным» связался, пропал.

Как нагадали прямо, что вскоре он и в самом деле пропал: уговорил его дед Иван списаться со своей бывшей женой и детьми, да обсказать ей свои перемены, вот и уехал Егор к семье куда-то за Байкал. Со всей деревней напослед простился. Простите, говорит, меня, люди добрые, если кого когда обидел. Вас же, мол, за то Бог тоже простит. Но браги ни сам, ни Мария на проводы не готовили, что сильно расстроило мужиков. Так что на станцию его один Иван и провожал: кому охота на «сухую» проводы проводить?

С приходом войны люди чаще стали вспоминать о Боге, кто-то стал подольше задерживаться у Ивана. Была среди таких и Мария.

И вот сейчас она недоумевала: как мог ее сынок, смиренный из смиренных, без страха решиться на такое? Как мог Мустафа этого не заметить? Может, и вправду — нечистая тут?

— Ну, про нечистую не знаю, — усмехнулся Иван, — а вот что «совершенная любовь изгоняет страх» — знаю. Эта любовь Божия к нам через детей наших возвращается. Люди гонят ее от себя, а она ворочается. Видать, Вите и послал Бог такую любовь. А что до Мустафы, так ведь Бог может так помрачить разум человека, что он на тебя будет смотреть и не видеть. Вспомни, как Господь Петра из темницы мимо стражников вывел.

— Так то когда было, — засомневалась Мария. — Нонче такого не бывает.

— Бывает, Мария, бывает. Ну, пойдем, посмотрим на ту силу нечистую.

Они прошли к амбару, и Витя, выбежав, повис на руке у мамы.

— Деда Ваня, это Яшка, — зачастил он, указывая на своего оробевшего друга. — Его Мустафа на веревке вел, а я ножичком ремешок у него назаде — вжик! — И тут же испуганно: — Что с тобой, деда?

Иван не отрываясь смотрел на Яшку и, опустившись на чурку, тянулся к нему рукой, чуть слышно шепча по-немецки:

— Jakob... Jakob. Komm her...

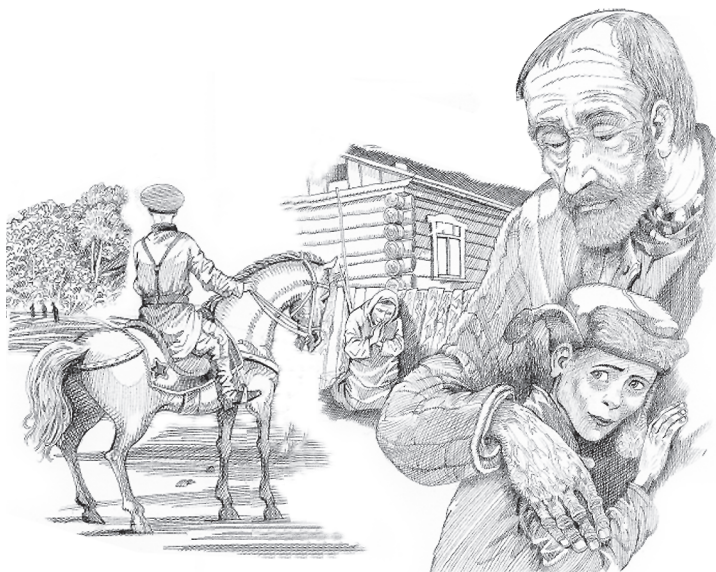
И Яша, повинаясь какому-то неясному чувству, с некоторой опаской шагнул к странному деду, назвавшему его по имени. Старик силился встать, но не мог и только прикоснулся к лицу мальчика. Это прикосновение вмиг воскресило в памяти Яшки его самые счастливые беззаботные мгновения раннего-прераннего детства. Эти руки он не спутал бы ни с какими другими.

— Grossvater, — надтреснутым колокольчиком тенькнул его голосок, и он зарылся лицом на груди своего деда.

Хрупкие плечи его заходили от рыданий: лишенный возможности быть ребенком последние годы, стеснявшийся плакать даже перед своими родными, он высвобождал теперь душу от непомерного груза взрослости. А «блажной» Иоганн немигающими глазами отыскивал в небесах Бога и славил Его за подаренное благословение, которого терпеливо, с надеждою ждал без малого семь лет.

Горе не может копиться и угнетать душу человека вечно. Не допускает то Господь. Придет, непременно придет момент, когда горе, вспыхнув вдруг очищающим огнем, в одночасье сгорит насовсем. И озарит тот огонь, и наполнит нас светом неизъяснимой радости. Радости в Боге нашем. И нет счастливее момента, чем этот, и все скорби ничтожны в сравнении с ним. Именно так чувствовали себя эти два обездоленных человека, на данный момент самых счастливых на земле. Не было уже ни высылки, ни тюрьмы, ни котомки нищенской, ни плетей, ни Мустафы. Только дед и внук. И рядом, потрясенная невиданным промыслом Божиим, склонившаяся в смирении на колени женщина. И еще растерянный, подозрительно шмыгающий носом Витя.

И — Бог!

Птичка Божья

Вот и настали, наконец, настоящие весенние ночи. И ночи эти особенно хороши теплыми, живительными дождями. А того лучше, когда под утро перестает тот дождь, и встречает рассвет умытая им земля, и солнце на восходе поднимает с переполненных лыв живительную влагу и держит ее туманом над полями, чтобы не сразу подсушить землю. И искрятся на солнце, переливаются радужно капли дождя на траве, на листьях — на всем. Вон и сорока, важно вышагивая по лесной поляне, блестит дождевой росой. После такой ночи вдруг обнаружишь, что даже кора на деревьях обновилась: это дождик, обласкав, придал ей нежности. И стоит каждое дерево светлое да приветливое, источая одному ему присущий аромат. Так стремительно одевается лес, что вот, вроде вчера еще были только смолистые почки на деревьях, не совсем чтобы уж и набрякшие, а сегодня — что в поле, что в лесу — такое буйство красок! Тянутся в приветствии Творцу цветы полевые, и кустарник расцвятился до земли, степенные деревья нашептывают славу Ему, и Он им всем отвечает: «Здравствуйте, здравствуйте, милые!» И рукоплещет Ему все вокруг в восторге полноротом. Глаз твой, солнышком обласканный, жмурится от отражения лучей в глади несчетных временных водоемов, и ты не в силах оторваться от этого зрелища.

Вот ведь каждый год повторяется это диво, а все не привыкнет человек: ждет-пождет весну, чтобы самому войти в этот цветущий сказочный мир. Нет, не войти — прикоснуться!

В это утро Вите подфартило: приболевшая соседка попросила отнести узелок с харчами мужу на поле у Анютино колка. Семья эта зажиточная, соседей чурается. Сам-то голубей держит всяких и в город когда продавать ездит; эка зависть деревенским! Но вот поди ж ты, и на старуху бывает проруха: понадобились-таки соседи. Витя угодить рад-радешенек, может, дадут голубку сизую в руках подержать. Выбежал из дому — чу! где-то высоко, по всему небу, ровный гул самолета. Задрал Витя штанишки до колен и понесся с детворой по лывам с самолетом наперегонки.

— Ироплан, ироплан, посади меня в карман, — восторженно вопит он вместе со всеми. — А в кармане пусто, выросла капуста!

Ах, как приятно ощутить босыми ногами ласковое прикосновение шелковистой травки под щелоком воды! А самолет — что? Был и нету: исчез, растворился в синем океане неба. И возвращается детвора в деревню, по пути дорасплескивая оставшиеся лывы. Вите же путь неблизкий — километра три с гаком до Анютино колка. Пашут там сегодня поля тракторист Кирилл с сыном-подростком и еще одним прицепщиком, зырянником Колей. Роща эта, колок по-местному, стоит в ложбине посреди степи: будто величественный крейсер, длиной

в километр, плыл да в приглянувшемся месте якорь бросил, уткнувшись носом в надежную пристань. Впереди, на некотором расстоянии, будто маяк ему, уж сколько лет в гордом одиночестве стоит старая кряжистая береза, рассевшаяся натрое, с почерневшей, полупавшейся корой и засохшей верхушкой. От нее и начинают опаживать поле по обеим сторонам колка. Всю талую воду вбирает он в себя: по весне множеством ручейков устремляется вода в эту низину, образуя в приглубях окна-колодцы. И главный из них — считай, чуть ли не озеро — Анютин же пруд. Поговаривают, что в середине его нет дна: ступишь, мол, вроде как на дно, а оно тут же уйдет и за собой увлечет. Так что сгинет человек ни за понюшку табаку. Оттого-то его еще омутом кличут: Анютин, мол, омут. Да-а, тишина здесь — зудение комара слышно. И разве не нарочно, не для соблазна ли, упало дерево осина в пруд, верхушкой утонув в самой его середине? Влезь на него — тут тебя черт на дно и утащит. Стра-а-ашно. И верно слово, что для соблазна упало. Что ж до того, что подмыло ручьями? Не в другую ведь сторону упало оно, а именно что в пруд. Чертова это уловка: людей притягивать. Чушь, конечно, но истари так бают. Сам колок — царство изобилия! Летом здесь ягод, грибов видимо-невидимо, а уж весна так и вовсе особая: вон, в затишных местах, где разлапистые ели в кучу сбились, до сих пор еще снег лежит. Крупный, зернистый, редкими каплями дождя изрытый, что сквозь игольчатую завесу пробиться исхитрились. А рядом давно уже и черемуха распустилась белым-бела, и трав-

ка, до ядовитости зеленая, и осока вокруг выдурела ростом до пояса. По заберегам над прудом ивы склонились, сами на себя любят. Смотришь и не поймешь: что ли весь мир в пруду разместился? Стоят под водой во весь рост и березки, и сосны, и ивы, и облака в небе курчавятся. Чуть ветерок — и побежит по воде легкая рябь, и замаятся, удлиняясь, ивы под водой, словно к самой осине посередь пруда прибежать хотят. Но это обман оптический: стих ветерок — и они, как стояли, так и остались стоять. Куда бежать? Им и тут хорошо.

Витя поспел аккурат к «перекуру»: трактор стоял сразу за березой, в нем копался дядя Кирилл, а рядом сутились Антон и Колька. Под березой шалашик из веток сухих. Витя отдал узелок и тут же побежал в колок, срезать на свистульку вербу у пруда.

— Смотри, на осину не лезь, — лениво предупредил Антошка и рассмеялся обидно для Вити. — А то черт на дно уташшит.

— Боялся я твоих чертей, — храбро, но не очень уверенно отозвался Витя. — Их нету на белом свете.

— Молодец! — похвалил Колька. — Бабы сказки все это.

— Да я и знаю.

Прибежав к пруду, Витя выбрал нежную вербочку, срезал ее ножичком и присел у комля осины, наблюдая за жуком-водомером. Тот опробывал свои лыжи на тихой воде, скользя взад и вперед, и оставлял на ней едва заметные следы-ложбинки, которые тут же и сглажива-

лись. А вот прилетела ярко-красная бабочка, с черной каймой и черным же орнаментом на крыльшках, и, порхая, приводнилась разноцветным листиком на лист лопуха. Он пригоршнями плеснул в надежде сбить ее в воду, но она взмыла вверх и села на ветку осины у самой верхушки. И крыльшки королевским веером расправила: надо же обогреться после такого душа. Забыв все наказания, Витя тихонько, на четвереньках крался по стволу, не замечая, что под его тяжестью все глубже утопала верхушка. И был уже близок к цели, но она вспорхнула и пересела на тальник у берега. А стоило попятиться — послышался тяжелый вздох, и из воды взметнулись к нему щупальца неведомого зверя. Не помня себя от страха, он пулей сиганул на берег. Ни разу не осклизнулся и убежал бы совсем далеко, если бы не сбил ногу о трухлявый, неприметный в осоке пенёк. Схватив руками зашибленную ногу, заскакал на другой и о страхе позабыл. Держась за ступню, он плюхнулся на рассыпающийся пенёк и вдруг почувствовал, что он не один. Интуитивно раздвинув перед собой осоку, он замер от вторичного потрясения: прямо на него глядела и не улетала черная, с дымна тетерка.

С минуту они глядели друг на друга, боясь пошевелиться. И первой пошевелилась она, чуть качнувшись в обе стороны, как бы усаживаясь поудобнее. И Витя догадался, что она сидит на яйцах. Только что обуянный страхом, он исполнился несказанной радостью от близости этой птицы, поверившей, что он не умеет чинить зла. Так и подмывало ее погладить, но для этого ее нужно

было чем-то угостить. В единственном же кармане, кроме дырки, ничего не было. А ситуация обязывала, чтобы было.

— Я чичас, — сказал он, и она наклонила головку, будто поняла его. — Я махом. Только не улетай.

Отпустив осоку, он тихо попятился и припустил к трактору.

— Антошка, дай кусочек хлеба, — закричал он уже издали.

— Зачем это? — удивился тот. — Проголодался, че ли?

— Не-а. Там тетерка в осоке. На яйцах сидит. Краси-и-и-вая-я!

— Где? — вскинулся Колька. — Пойдем, покажешь?

— Нет, — заважничал Витя, — она вас не подпустит. Спугнете только.

— Правильно, — похвалил Антон и подал ему мякиш хлеба. — Гляди, чтоб не улетела. — И мигнул Кольке, мол, проследи. Но в этот момент завелся, наконец, трактор, и они кинулись каждый к своему плугу.

Витя снова присел перед тетеркой и на ладошке протянул ей крошку хлеба. И... она вытянула шейку и склюнула с руки! Сердечко Вити зашло в умиление. Он стал подавать крошку за крошкой, разговаривая с ней так, как всегда с ним говорила мама. А когда хлеб кончился, отошел к пруду и в ребячьем восторге запрыгал у берега. Взглянув на столь напугавшие его ветки осины, он скорчил рожицу и показал черту язык. Хотел показать еще фигу, но раздумал. Затем стал усердно ковырять землю

у пруда, отыскивая червяков, и поминутно проведывать тетерку. Пока не услышал тихое ворчание грома: дождь будет? Ну и что! У него есть парусина и кольшки, и он построит ей домик. Недолго думая, он сел верхом на тот ивовый пруттик, из которого не успел сделать свисток, и во весь опор поскакал домой, чтобы успеть построить домик.

Трактор заглох в очередной раз, и Кирилл, оставив прицепщиков в поле, пошел на стан в надежде получить помощь. Колька уже видел с заднего плуга ускакавшего домой Витю, и, едва тракторист скрылся из виду, парни, прихватив дождевик, кинулись к пруду. Найти тетерку не составляло труда: от пруда примятая осока вела прямо к ней...

Мама копалась в огороде.

— Мама, найди ту брезентуху, — выпалил Витя. — Это для тетерки.

И торопливо пересказал все, что произошло на пруду. Мама слушала с интересом и искренне обрадовалась благополучной развязке. Только усомнилась, что, мол, как это она не улетела? Птица-то пугливая.

— А так и не улетела, — счастливо засмеялся сын и похвалился: — Я ее даже погладить могу.

— Знать, это Божья птичка, сынок, и никакого домика ей не надо. Ну где ты видел, чтобы птички в лесу в домах жили? Дождик ей совсем не страшен. Это же им небесная вода от Бога. А она для птиц и зверей и для растений то же, что для людей Его любовь. Сам ведь знаешь,

что после дождя все подрастает, а птички звончее песни поют. Это они Его за воду-любовь славят. Ну, подумай, стоит ли отгораживать ее от этого? Не-ет, это не дело.

— А что тогда дело? — сник Витя. — Я же обещал ей прийти.

— А ты и придешь. Завтра или когда еще. Зернышек ей отнесешь.

— Ага, — обрадовался Витя. — Так я чичас и побегу.

— Ну нет. Гроза вон идет, промокнешь весь.

— Пуцай! То и подрасту, сама же сказала. А дождь еще будет ли, нет ли.

Мария подняла глаза: высоко в лазури неба белыми островками стояли кружевные облака, а под низом, на время их закрывая, рваными лоскутами бежали тучки, скорее похожие на стелющийся черный дым. «Погромыхает и разведрится, однако», — решила она и отпустила Витю. А когда он сунул за пазуху маленький, с кисет, мешочек с зерном, ойкнула:

— Дак ты ж с утра не ел...

— А, — отмахнулся он, схватил краюху хлеба и был таков.

— Теперь и дома тебя не увидишь, — улыбнулась вслед ему Мария.

С первыми крупными каплями дождя канонадой распалился и гром. Подуставший Витя поддал жару и быстро добежал до березы, где в шалашике дремали Антон с Колькой. Рядом с березой Витя увидел угасший костерок, а чуть поодаль, в овражке, ветер пошевеливал пти-

чий пух и перья. В тревожном чувстве он окликнул Антона.

— Ты чего? — вздрогнул тот и зашипел: — Че перся?

— Да я вот, зернышек тетерке несу. А че это за пух, Антошка?

— Твое какое дело? — сорвался на крик Антон. — Несешь — неси, пристал тут.

— Он думает, одна его тетерка в лесу, — сыто икнул Колька и погладил живот.

— Не-ет, — прошептал Витя и что было сил побежал под усиливающимся дождем.

Вот и заветное место. С замиранием сердца он раздвинул осоку — тетерки не было. Дождь уже косыми плетками хлестал по лицу, рукам и всему телу; потемневшее небо расчерчивали сполохи молний и рвал гром, а Витя, убеждая себя, что перепутал место, в какой-то безумной надежде рыскал по осоке. Он не допускал мысли, что никогда больше не увидит своей тетерки. Она чудилась ему за каждым следующим кустиком: вон там, вон там сейчас он увидит ее. Весь день он жил заботой о ней и в детской своей наивности полагал, что это его чувство разделяют и взрослые. Ну как же, ведь она такая добрая! Он еще не знал людского бесчеловечья и только когда нашел на месте несколько смятых перышек, понял, что произошло непоправимое. Он собрал их в руку и почувствовал щемящую тоску. Не только оттого, что не смог защитить ее, а еще и оттого, что сам был беззащитен. Но больше всего его тяготила мысль, что он ее пре-

дал. Ведь это он рассказал им о ней. Из всех этих составных и случилось быть еще одному чувству — боли бессилия. Он заревел и в этой боли бессилия опустил на трухлявый пенёк.

— Они мою тетерку убили, — всхлипывал он, глядя на перышки. — Вот. Убили.

Дождь кончился, но гром еще бубнил, когда он поднялся и понуро поплелся назад. Проходя мимо пацанов, он только с укором взглянул на них.

— Слушай! — вскочил Колька. — Он же тятке твоему наябедничает.

— Точно! — перепугался и Антон.

Не сговариваясь, догнали Витю, и Колька показал ему кулак:

— Ну, ты, сексот восемьсот, только попробуй кому вякни.

Витя съезжился, и тут их ослепила молния, раздался сухой, с протяжным воем, выстрел на все необъятное небо, и все окрест содрогнулось от мощного разрыва, раскатившего гул на сотни верст. И еще, и еще. И, как скошенная, рухнула, вспыхнув ярким пламенем, верхушка березы. Следом порохом занялась сухая береста по всему дереву, и вот уже взметнулся к небу огромный столб огня, в мгновение пожравший шалашик. Колька, обхватив голову, упал ничком, а Антон в безотчетном страхе присел рядом. Витя, как замороженный, не сводил глаз с огня и шептал мамину молитву. Это был миг безвременья. Только когда солнце разогнало порожные тучи и залило землю радостным светом, опомнился Антон, все

понял и тихо обронил: «Если бы не Витька...» Колька услышал, сел и, тупо мыча на догоравшее пламя, заревел, как оглашенный. Со стороны стана к ним, спотыкаясь, бежал Кирилл.

Только Витя уже всего этого не видел. Безучастный ко всему, он добрался до дома, скинул мокрую одежду, забрался на лежанку и тут же заснул. В таком, как этот, беспокойном сне он еще многие годы ворачивал время, спасая свою тетерку.

А к вечеру в дом Марии зашел Кирилл:

— Слышала, Маня?

— Дак слышала.

Помолчали.

— Выходит, спас Витя моего сына. Или... кто?

Мария славилла Бога: задавший такой вопрос, знает и ответ. Христос стучится к нему. Откроет ли он свое сердце?

С лежанки свешивалась Витина рука со стиснутым кулачком. Кирилл подошел, осторожно разжал его и увидел смятые пушинки-перышки *его тетерки*.

Он судорожно глотнул:

— Я ему двух сизарей щас принесу. На связках. Он ими все любит. — И уже от порога: — Да, это... Если можно, помолись Богу за Антона, — голос его осип. — Да и за меня, ежли че...

У Тебя не водворится злой

Бригада Федора Еремина, как и все другие в СМУ, боролась за звание коммунистической. Что оно такое, толком никто не знал, но работали мужики на совесть и зарабатывали по тем временам вполне прилично. Бывало, и праздники отмечали, но все чинно, благородно, без происшествий. И с какой стороны ни прикинь, все было в бригаде в полном ажуре. «В Багдаде все спокойно», — как любил говаривать не совсем передовой плотник Дмитрий, он же Митяй Бабак.

Сей тип как будто специально присутствовал в бригаде для подтверждения известного присловья про паршивую овцу в стаде. Это был крупный, рано поседевший увалень, лет сорока пяти, с простоватым лицом, белесыми бровями и большими, выцветшими глазами. Они когда-то были голубыми, судя хотя бы по тому, что темнели до синевы, когда он напивался до кондиции. Правда, до кондиции доходил он все же после работы, исхитрившись продать то, что успевал стянуть со стройки днем или «сшабашив» где-нибудь на стороне.

В день полочки на стройку приходила его жена Настя, доводившаяся бригадиру троюродной сестрой, и, едва взглянув на уже заголубевшие глаза супруга, раздражалась монологом, приправленным таким отборным матом, что даже выдавшие виды мужики диву давались:

ну и гром баба! Получив зарплату незадачливого мужа, она успокаивалась и бросив неизменное: «Только попробуй нажрись сегодня», — величаво удалялась.

— Хоть бы на бутылку мужику оставила, — пошутил однажды кто-то из бригады. И не обрадовался. На всю оставшуюся жизнь зарекся посягать на финансовый суверенитет чужой жены. И все эпитеты, коими был увенчан, запомнил крепко и надолго.

— Ведьма! Ну и ведьма! — только и присвистнули мужики, и примкнули в мнении к безвинно потерпевшему. — От такой не захочешь да запьешь.

Сам же Дмитрий насчет денег особо не расстраивался:

— Стройка большая. Че я, на бутылброд не найду?

Вообще этому плотнику сходило с рук то, за что другого давно бы вытурили из бригады. И дело было вовсе не в родственной связи его жены. Какая там родня: седьмая вода на киселе.

А вот что плотником он был ценным — факт, которого не отнимешь. Но беда в том, что «ценным» он становился только после того, как «принимал на грудь». Только тогда преображался он из квелога, медлительного увальня в энергичного работягу, у которого все горело в руках. Поэтому и смотрели в бригаде сквозь пальцы на то, что к началу работы он был уже, как правило, навеселе. Если утром появлялся он с благоговейной улыбкой на лице, широко и плавно отмахивая руками и при каждом шаге чуть приподнимаясь на носки (ну, чисто лебедь на взлете), было ясно, что ларек «Соки — воды» (в просторечии «ветлечебница»), работает в оптимальном режиме.

Все же напраслину возводят люди, что не было у нас приличного сервиса для рабочего человека. Был! Вот и яркий тому пример. Поправил человек с утречка здоровье — и на работу еще поспел. Большое дело!

— С чего начинается родина? — весело вопрошал Митяй уже от ворот и сам же отвечал: — С ветлечебницы.

— Ну-ну, — подыгрывали ему, — а с чего конкретно?

— С вермутю, — счастливо смеялся Дмитрий и удостоверенно: — Не-е, есть жизнь, братцы мои, есть! Как выпьешь — увидишь белый свет. Это еще Омар Хайям сказал. Даром, что нерусь.

Что воспевал Хайям, он, конечно, не знал, но, услышав однажды его рубаи, где было сказано: «Истина в вине», — навсегда проникся к поэту уважением.

Замкнутый в трезвом виде, Митяй, подвыпив, приобретал желаемую раскованность в общении, ну и, как минимум, язву желудка в качестве побочного эффекта, о чем его предупредили врачи после вынужденного посещения клиники. Об этом же самом не преминула оповестить бригаду в очередной визит и Настя. При чем преподнесла она это так, будто во всем виновата была именно бригада. И спокойный, невозмутимый Федор не выдержал:

— Ну, что ты от нас-то хочешь, Настя? Выдворить его в другую бригаду?

— Ой, нет! — искренне испугалась она. — Там забулдыги почище ваших. Знаю я.

— А раз знаешь, то и не вякай. И запомни: у нас забулдыг нету! Еще раз бучу поднимешь, уволим его по

статье. Вот тогда запоешь по-другому. Будешь его вон по пивнушкам шукать...

Мужики, понимая, что Федор блефует, одобрительно загудели, что, мол, давно пора это сделать. И Настасья, уже подбиравшая сочные выражения, вдруг сообразила: а случись такое! Он же хоть из дому не тащит, как это сплошь да рядом бывает у подруг ее горемычных. Хоть и слабое это утешение, что другим еще горше, да все же... И обмякла, опустилась на лавку бессильно. И увидели мужики, что вовсе не «гром баба» перед ними, а издерганная семейными неурядицами, вымученная бесконечными пьянками мужа, рано постаревшая женщина.

— Простите меня, дуру, — устало сказала она. — Измоталась я. Сам не просыхает, сыновья не слушаются. Старший уже год «условно» за драку схлопотал, а Бабаку хоть бы хны. Господи, хоть бы Ты помог мне. Хоть бы послал кого вразумить моего алкоголика.

— Ты гляди, она еще и Бога призывает, — возмутился Дмитрий. — Уж крыла бы чертом до конца. А то вспомнила...

Ну, вспомнила, не вспомнила, а вскоре появился в бригаде новый человек. Это был полноватый мужчина ближе к сорока, среднего роста, с приветливым румяным лицом и волнистыми, изжелта-пепельными, волосами, обрамлявшими высокий лоб.

— Петр, — коротко представил его бригадир и после развода по местам кивнул смурному, как две ночи разом, Бабаку: — Пойдешь в пару с ним. А у тебя, вижу, с утра жизнь не заладилась?

— Да ладно, ладно, — нахохлился тот. — Пойдем, Петро, вытянем проволоку на растяжки, пока машины здесь.

Растянув моток катанки, хмурый Митяй куда-то исчез на время и явился вновь Петру уже изрядно повеселевшим, пояснив, с чего для него начинается родина. А началась она у него сегодня не как обычно, а с гастронома, что, вероятно, оказалось качественно крепче привычного, так как бравый плотник вскоре изволил уютно прикорнуть в подвале на досках. Однако Петр и один работал очень споро: надежно выставлял опалубку и крепил колонны для заливки бетона. Бригадир был на другом объекте и вернулся лишь перед обедом, нос к носу столкнувшись с Митяем, который, задубев от подвального холода, только-только выполз на свет. А тут, нате вам, и бригадир со своим интересом: что, мол, как тебе новенький? Смекнул Митяй, что бугор не в курсе его незапланированного отдыха, оживился. Ну, дак, мол, че там, мужик что надо, сработаемся. А Федор тот же вопрос наверх адресует, Петру, крепившему колонну на втором этаже. Мужики в кулак похохатывают, разнос Бабаку предвкушают. За сновидения в рабочее время ему грозил прогул: жесткое правило бригады. Ждут-пождут мужики, что скажет Петр. А он молча палец большой показывает в улыбке довольнехонькой. Напарника рядом с бригадиром обнаружил и кричит с укоризной:

— Ну, че ты там застрял? Раскрепить подсоби. — Будто тот только что отлучился.

— Дак щас я, щас, — прыжками, как и не пил вовсе,

понесся Митяй по трапу наверх. До чего же действенная эта штука — материальный стимул! Взбежал, монтажку схватил, скрутил растяжку колонны ловко. И уже тогда бригадиру сверху:

— Говорят тебе, Федя: полный ажур у нас. Так, нет, Петь?

— Да так, вроде.

И бригадир такой работой доволен, и мужики перечить не стали: донос не в чести, а раз простоя из-за Митькиных снов не было, то пусть напарник его и отдувается, коли двужильный. А так — свой вроде мужик, нашенский.

Оказалось — не совсем. Через какое-то время пошел через Дмитрия в бригаде смех, что Петр этот какой-то допотопный верующий. Смеяться было чему: он, вишь ты, краснеет, когда при нем матерятся. Проверили — точно! Ну и пошли насмешки. Дальше больше: не пьет, не курит. В обед «козла не забивает», читает на лесах какой-то талмуд. Все это еще ладно, но когда он решительно отказался «прописаться», из-за того что он баптист, появилось и вовсе отчуждение. Митяй же, хоть и пользовался его безотказностью в работе, не упускал случая разыграть его и однажды при всех предложил ему вина:

— Ну что ж ты такой серый, Петя? Попробуй вот, глотни, почувствуй радость жизни.

— Что ж это за радость, если ты после нее каждый день стонешь? — не согласился тот. — Это, брат, одно голимое страдание. Страдать можно за веру во Христа. Это я понимаю. Но чтобы просто так над собой изгалять-

ся! Ну, не здоровье, так душу бы поберег, а Мить? Жалко мне тебя.

— Тебе не меня, тебе денег на бутылку жалко, — провоцировал Митяй. — Скажешь — нет?

Петр только улыбнулся: да, мол, на это жалко. И Митяй итог подводит:

— Жмот ты, Петя, куркуль.

Мужики с диагнозом соглашаются: жмот, чего там. Федор услышал разговор, собрал актив бригады после работы.

— Вам че, — говорит, — с ним детей крестить? Претензии к нему по работе есть? Ну и не будьте, как бабы на базаре. Жмот? Это — что «не прописался»? А знаете, сколько у этого «жмота» детей? — бригадир сделал паузу и, качнув головой, усмехнулся: — Одиннадцать штук! А? Мал-мала меньше! А вы сразу — жмот! Нам бы подумать, как помочь ему, а не судить-рядить, в кого он верит. Окститесь! Вы что, не видите, как он работает?! За троих!

Окстились: одиннадцать душ — ужас! Да и работает, вправду, как заводной: управившись со своими делами, не гнушается подсобничать — штабелюет кирпич, бетон заливает. Попроси Бабака на такое. Ого! Ирония постепенно сменилась уважением, а он, как и прежде, с неизменной улыбкой сносил теперь уже незлобивые подначивания по поводу его веры. Вот только Митяя это с каждым днем раздражало все сильнее, и он то и дело одергивал Петра: «Тебе что, больше всех надо? Что ты суешься, куда тебя не просят? Перед бугром выслуживаешься?»

— Да что ж без дела-то сидеть, Митя, — оправдывался тот. — Время есть — почему не помочь тому, у кого работы невпроворот?

Но Дмитрия озлобляло и такое объяснение. Тем не менее, когда бригадир устроил ему разнос за опоздание по причине выяснения истоков родины, Петр горой встал за него. И в итоге завиноватился за обоих, что, мол, отработаем мы, Федор.

— А причем здесь ты? — не понял тот. — Что ты за него отработаешь, я не сомневаюсь. А он?

— Понадобится, и он за меня отработает.

— Ага, держи карман шире! Вот если бы ты с ним в гадюшник вермут пить пошел, там бы он за тебя «отработал». Там он за всю бригаду может постараться.

— Время придет, перестанет он туда ходить.

— К-кто? — поперхнулся Федор. — Митяй?

— Митяй.

— Митяй не пойдет в гадюшник?

— Не пойдет, увидишь.

— Э-э-э, брат, да ты, и правда, того, — с подозрением повертел бугор пальцем у виска. — Надо же, этот костерит его почем зря, а он его же и защищает. «Придет время», — передразнил Федор и рассмеялся: — Вот подобралась пара грошова: один алкаш, другой одуванчик Божий. Ну-ну, посмотрим, кто кого переборет.

Ляпнул, конечно, не подумав, но прозвище попало в точку. Мужикам, слышавшим разговор, оно понравилось, его тут же подхватили и растиражировали, и стали за глаза обозначать с тех пор Петра не иначе как оду-

ванчиком. Но злого умысла тут не было. Просто внешнее сходство с цветком имелось в наличии. Круглое, всегда улыбочливое лицо, плюс волосы цвета спелого подсолнуха — одуванчик и есть.

Но время шло, а изменений в жизни Дмитрия не наблюдалось. Напротив. Не раз уже попадался он в подпитии и в рабочее время. И бригадир не преминул указать на это Петру:

— Ну, что, не угадал ты со временем?

— Да, видать, не время еще, — уклонился тот.

— Хм, ловко! А когда же время? Когда рак на горе свистнет?

— Бог знает. Только молиться надо...

— Бесплезно это, Петя. Горбатого могила исправит. Да и молиться нам не с руки. А ты молись, молись. Лоб не разбей только...

Долгое время Петр благополучно избегал праздничных застолий. По веской причине: жил за городом и всегда спешил на рейсовый автобус. Но на День строителя застолье началось уже в обед, так что волей-неволей пришлось принять участие в «сабантуе». Как-никак, вся бригада к празднику получила премию.

Все шло своим чередом: выпивали, закусывали и добродушно подтрунивали над Петром, мол, не грех бы и тебе сегодня выпить. Ты же, кроме премии, еще и к грамоте представлен; а с Богом, мол, твоим мы договоримся. Да и откуда бы Ему знать, выпьешь ты или нет. Мы же не скажем.

— Э, нет, ребята, тут вы ошибаетесь, — возразил он. —

Во-первых, Бог все видит, а во-вторых, мне никогда и в голову не приходило Его обманывать.

И тут кто-то со смехом вспомнил, как Митяй в свое время во всеуслышание заявлял, что сделает из Петра «человека». Зря он это вспомнил. Задетый за живое, Дмитрий тут же поставил стакан водки перед Петром.

— Заявлял, — пьяно подтвердил он. — Это мы щас! А ну-ка, Петя, давай за грамоту! Цени, тебе одному дали.

Петр благодарно приложил руку к груди и покачал головой. Тогда-то и озвучил Митяй наше рутинное во все времена:

— Что, не уважаешь?

За столом притихли. Мужиками овладело двоякое чувство: неловкости от заведомо провокационного вопроса и задетого все же самолюбия от мнимого неуважения.

— Ребята! — тихо, но твердо сказал Петр. — Уважение не измеряется количеством выпитой водки. Господь завещал нам...

— Вот и пей, раз Он завещал, — перебил Митяй и, набывчившись, грубо сунул ему стакан под нос. — Пей, одуванчик, чтоб тебя!

Глаза его налились злобой. Кто-то уже понял и попытался усадить его, но он отмахнулся:

— Отвалите! Ну!

— Митя, тебе что, станет легче оттого, что я выпью?

— Легче, да, легче.

— А с чего ты взял, что можешь заставить меня пойти против Бога?

— А что тебе будет? — Митяй продолжал держать стакан. — Да и не против Бога, а за уважение, а? Мы ж с тобой в одной упряжке вон уж сколь работаем, и нас с тобой уважают. А ты вон че — го-о-рдый!

— За работу нас уважают все, Мить, тут ты прав. А за это дело, — Петр ткнул пальцем в стакан, — только один. Ну, тот, кто за работу нас не уважает.

— Кто это? — грозно повел стаканом Митяй. — Кто, кажи!

— Не туда смотришь, Митя. Сатана это. Только он любит за...

— Ты сам сатана! — неожиданно тонким голосом взвизгнул Бабак и плеснул водкой в лицо напарнику.

Потом с силой грохнул стакан о стол, располозовав осколками стекла ладонь от основания указательного пальца до запястья. И взвыл от боли и ненависти, и как в судорогах забился в железных тисках подоспевшего бригадира. Первым опомнился Петр. Схватил аптечку и, пока Федор удерживал пострадавшего, ловко очистил рану от стекла, промыл ее и поминутно приговаривая: «Потерпи, Митя, потерпи», — забинтовал его руку. А тот, раскачиваясь, лишь тупо мычал.

— В травмопункт его надо, — сказал Петр. — Срочно. Я поеду с дежуркой?

— Ну, конечно, Петя, конечно, — обрадовался Федор. — Поезжай. Я скажу, чтобы потом тебя домой завезли. Ты уж извини, мы-то все... Ну, сам понимаешь.

Да как не понять: не поедет же пьяный сопровождать еще более пьяного пострадавшего, если есть кто-то

трезвый. И слегка побледневший Петр повел присмирившего напарника к машине. Ну, а застолье после вынужденной заминки продолжилось так, будто ничего и не произошло. Да в общем-то, оно так и было: обошлось же без мордобоя...

В понедельник мрачный и трезвый, с забинтованной рукой Дмитрий появился на работе: травма-то бытовая, бюллетень не положен. Работал молча. Несколько раз порывался заговорить, но тут же замолкал. И только к концу дня нарушил молчание.

— Вот выпивал бы ты, Петро, как хорошо бы было, — присев на бревно, начал он свои рассуждения в пространство. — Взял бы я пузырек — вот тебе и мир. Но ты не пьешь. Или дал бы мне за то по роже. Тоже ладно: я — тебе, ты — мне. Взяли бы пузырек, да? Но ты и в рожу не дал. Че ж теперь прикажешь: в ножки тебе кланяться?

— Никто ничего не должен, Мить. Я тоже хорош, не надо было злить тебя. Ты уж прости меня.

— Ты че это — сурьезно? — Дмитрий даже привстал и недоверчиво смотрел на напарника. — Че, ни обиды, ни зла не держишь?

— Вот уж чего нет, того нет, — хмыкнул Петр. — Бог велит нам не воздавать злом за зло. Злому нет места у Бога.

— Что ты мне все: то говорит Бог, это говорит Бог. Где Он это тебе говорит? Выдумки все это!

— В Библии говорит, Митя, в Библии. Там это все и написано.

— Вспомнил! — спохватился Дмитрий. — Настя ж говорила, что ты ей эту книжку обещал. — Он перешел вдруг на заискивающий тон: — Слушай, Петь, а че ты ей про меня наговорил, когда привез из травмопункта? Верить, нет, она уже с того самого вечера не лается. Все: «Митя, Митя». Верить? А мне вот не верится. Не к добру это. — И голос понизил: — Слушай, а ты не заговорил ее случаем? Ну, разговоры там всякие?

— Я ей, Митя, о Христе рассказал. Что любит Он всех нас, и слышит, и исполняет просьбы наши. Всех, кто просит Его. Вот она, видать, и попросила у Него себе терпения... К тебе.

— Ты чего-о? — смешался Дмитрий и суетливо заерзал на бревне. — Че, так прямо сразу?

— Сам же сказал: не ругается. Самое быстрое лечение у Христа. Ты спроси ее вечером. Ты же не наклюкаешься сегодня?

— Не-е, неловко как-то перед ней теперь.

— Тем более, спроси. А завтра я принесу Новый Завет, почитайте вместе. И все у вас еще наладится, Митя.

— Добро бы...

Наутро Петр с удивлением увидел, что впервые он пришел на стройку не первый. Навстречу ему спешил Дмитрий.

— Ну что, принес? — нетерпеливо спросил он.

Петр протянул ему Библию и улыбнулся. Ему показалось, что глаза Дмитрия вновь обрели небесную синеву.